

Вадимир Трусов

Эха — на!

Роман-антиэссе

Вадимир Трусков

Эха – на!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12271932

ISBN 9785447430481

Аннотация

Эта книга не провокация и не призыв, ни к спорам, ни к действиям... да вообще ни к чему. Это – моё частное, я повторяю, сугубо частное мнение, которое, как и всякий достаточно свободный человек, я имею право высказать. По крайней мере один-единственный раз. Надеюсь, что более не потребуется. И еще очень надеюсь, что многим моё повествование придется не по вкусу. Буду крайне признателен за такую реакцию всем моим недоброжелателям.

Содержание

Эх, эпитафьи, эпитафьи...	5
Реплика в сторонку	40
Имитация пролога	44
Реплика в сторонку	89
Реплика в сторонку	91
Реплика в сторонку	104
Реплика в сторонку	113
WWW. Память. есть. RU	119
Реплика в сторонку	128
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Эха – на!
Роман-антиэссе
Вадимир Трусов

*Стоявшим насмерть в боях за изящную
словесность
посвящается...*

© Вадимир Трусов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эх, эпиграфы, эпиграфы...

*Вот теперь, могу поклясться,
Фирма я солидная:
Ладил детскую коляску,
Вышла инвалидная.
(от автора)*

*«Я как – никак лирический герой,
И как – никак Советского Союза!»
Виктор Коркия
Поэма «Свободное время»*

«...сим предлагается: за особые заслуги в священном деле регулярного нарушения прав человека (а равно и потребителя), нисколько не считаясь с человеком, как таковым, и не делая поправку на возраст, пол, состояние здоровья и социальный статус последнего в каждом конкретном случае, а также изощренного унижения человеческих чести и достоинства, присвоить проявившим на этой стезе особое рвение частным охранным предприятиям (сокращенно – ЧОПАМ) звание Частей Особого Нагноения (с ношением нагрудной надписи «Спецвсехподряд»), чем да будет инициировано новое прочтение изуверской и воистину дьявольской аббревиатуры ЧОН, столь любезной во время оно зрению и слуху беззаветных и негибаемых, «проклятьем заклеимённых», уверенных в том, что «мы наш, мы новый мир построим», при-

чем непременно на костях убиенных несогласных, и вообще какие там права, какого человека? Гори все синим пламенем, ежели «общество требоваит». Остальные же ЧОПЫ (вот именно!) впредь расшифровывать, как Части Особого Преклонения (перед любой швалью, ежели таковая башляет...). Напротив, незамеченные в хамстве, холуйстве и скотстве охранные фирмы, ежели они вообще существуют в подлунном мире, следует уважительно переименовать, хулой не поливая. Претензии к таким вот фирмам не имеется пока, но порядок и есть порядок. Со сторожевыми еще полбеда, как – то сосуществуют люди добрые, ежели главным условием сего является принцип взимного несоприкосновения. А вот с иного рода изощрением бесовским, а именно, с коллекторскими шайками, како поступать прикажете? По третьему закону классической механики? Так ведь уголовно наказуемые деяния тогда совершать придется неминуемо. А законным путем что? Да ничего ровным счетом, потому – нет у нас грамотного закона насчет всех этих дел заёмных. Вот и рыщет шакаля порода, третирует дебиторов немилостно, урон здоровью и жизни причиняя, при блюстителей порядка откровенном попустительстве, ибо чьи там деньги крутятся неизвестно... а скорее всего, напротив, известно, и по этой причине – как бы чего не вышло, ежели что. Только я имею следующее сказать убежденно, что за долги подобные человеков, созданий божиих, угнетать нельзя ни в коем разе. А то занял кто – то тысячи две или даже

пять, а глядишь, должен уже немислимую сумму, чуть он споткнись. Где же подобное видано? Рынок? Вы нам свой либеральный термин не навязывайте, господа заемщики, сами с ним милуйтесь – тештесь, а наша страна – «каравай особенный», и внимание, и любовь к людям нам поскорее вспомнить бы положено, после стольких лет безвременья и не православия. А паче чаяния, тех, кто людей мучает, коллекторов, значит, к ногтю бы, и поскорее, и пожестче. И ростовщиков туда же. А то ведь старина Гобсек по сравнению с нынешними кексами ни дать, ни взять, одуванчик божий альбо василек невинный. Ишь, анафемы, моду завели, измываться над простыми гражданами, при вялом негодовании некоторых уполномоченных представителей властных структур. И не стоит тут формулу приводить, мол занял – изволь отдать. Дело так обстоит, что впору клич бросить – берите всем гуртом и не возвращайте! – дабы кредиторы ушлые по миру потянулись с воем и стенаниями. Их вообще потравить пора аки насекомых мерзопакостных, крови народной насосавшихся, без всяких там иных революций и катаклизмов, дезинсекция и шабаш. Что они все рыщут, «аки тать в нощи»? Немедленно же, в некоторой связи с вышеизложенным следует выразить стойкое убеждение в том, что строки известной песни, а именно «От людей на деревне не спрячешься...» самым законным образом означают теперь, что ни от людей, ни от нелюдей при всем желании не спрятаться в городах и весях нашей сказочной державы,

а равно и планеты всей. Опять – таки «тем, кто держит свой, извините, за пазухой...», да нет же, успокойтесь, конечно же свой камень, а перетолмачив на современный сленг, – гаджет, рекомендуется ныне вытащить хранимый в тайне предмет и немедленно применить его по назначению, сиречь, начав гвоздить неугодных направо и налево. Честно и бескомпромиссно. Как завещано великими и пламенными борцами не столь пока далекого прошлого. Чего нам скрывать? Правильно, только срамные части тела. Да и сие большой вопрос, в том смысле, что, стоит ли, уж коль скоро естественное не безобразно по определению? Только интерес неподдельный имею и проявить желаю: ограничены ли мы в риторике еще каким – либо дышлом, кроме законных на то оснований? Все ж таки мудр народ, советуя, мол не шеруди зазря языком своим, боталом коровым, беду накличешь. По сему поводу еще поинтересуюсь: вот с бедой в нашем случае ясность полнейшая, а можно ли счастье накликать, в принципе, хоть и не посредством речей ловких, а, положим, «кликакая» кнопками «мышки» настольной? Например, я таланта такого, за собой во всяком случае, не числю. Хоть и с бедой стараюсь «не баловаца». Так, всю – то жизнь меж бедой и счастьем несбыточным обретаюсь, случалось, аки меж молотом и наковальней, или аленьким цветком да в проруби бездонной, а уж позднее – прокладкой меж фланцами арматуры славной сантехнической и прочей.... Сии сравнения наводят на «мысль» острую, о весьма сильном для ме-

ня сходстве бедственного и счастливого «положений». Что сверху, что снизу, что влево, что вбок... Как же благополучия снискать, где его канва философская? Однако же, имеет место быть признаком законного счастья различная техническая рухлядь для применения в быту, изготовленная, например, на предприятиях известнейшей фирмы «Вош» или уж какой иной, и оную рухлядь приобретая, положено любому из нас быть вполне счастливу, в последующие годы существования своего достигая – таки статуса либо серого гуся Сергея, либо неясyti Алика, живущих на всем готовеньком под неусыпным вниманием кураторов. Впрочем, данные пернатые – парни хорошие изначально и по определению. Утверждаю сие, ибо знаком я с оными лично и крепко. Тем не менее предвижу контраргументы вроде того, что «птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...». И все – таки... все – таки... эх – ма. Галиматъя, каркнете вы во все своё воронье? Правильно. Только отчего же мне подобную, пусть и несколько другую, галиматъю в башку с детства пытались заколотить? А позже, в более зрелом возрасте, еще одну порцию белиберды, опять же иной, впихнуть норовили? А насчет самых ретивых охранников, коих по иному назвать охота, так вообще чистая правда. Или у нас по прежнему – правда – ложь, да в ней намек? Во, наворотил – то ... (Из текста напечатанного на альбомном листе и намертво присобаченного к тумбе объявлений в одном провинциальном городке. Автор творения сохранил инкогнито).

Анонимка что ли? По сути конечно же, и тьфу на неё, на подлую. Однако трудненько порой остановиться, приняв к сведению некую актуальную тему, например – достижения нами всеми и каждым в отдельности простого такого вроде бы счастья. Один мой, покойный к прискорбию, друг, во студенчестве изобрел рецепт элементарного счастья. Он имел обыкновение время от времени (прошу прощения за каламбур) выбивать стекло и отрывать стрелки у большого механического будильника, настойчиво и доставуче тикавшего в его комнате на столе. Вообще – то корешок творил сие ради того, чтобы его сосед по общажному пеналу не мог справиться о точном времени, и не мог, соответственно, вставать в назначенный утренний час и его, корешка, не будил зря. Эти налеты на ни в чем не повинный хронометр совершались, как правило, в час ночной, когда соседусшка почивал. А проснувшись, долго не мог он врубиться, что с часами приключилось, плясь спросонья в искалеченный, словно кастрированный циферблат. Счастливые, как известно, часов не наблюдают...

Но и наглые, игнорирующие предлагаемые обстоятельства, персоны, порой удостаиваются внимания фортуны. Пусть даже в мало мальских самых мелочах. Однажды мы с моим, покойным к прискорбию, корешем решили посетить накануне новогодних прадников славный град трех революций, дабы хоть какой –нибудь мясной рефренации на праздничный стол сыскать. Бытовали мы в те поры в главном ка-

рельском городе, и, закончив трудовую неделю, времени терять не стали, сразу подались на вокзал, к отходящему в Питер поезду. То есть из петровского завода во град петров же намылившись. Сунулись в кассу, а – а – а, гы – гышеньки, билетов – то нет. Даже до Лодейного Поля, где вагоны на Питкяранту отцепляют – прицепляют, и возможность обычно имеется билеты заново приобрести, уже до конечной, до вокзального, имени первопрестольной, тупика. Поинтересовались мы все – таки в кассе, а куда вообще нынче легально добраться можно? Оказалось до Подпоржъя. Вот везуха, ни два, ни полтора. И стоянка там – минут пять от силы. Ладно, взяли, что есть. Забрались в общий вагон, на вторые полки в купе, что у самого туалета, и спокойненько заснули, решив, – будь, что будет. Утром, раненько так, кто – то стал настойчиво теревить полу моей аляски и за ноги трясти. Разомкнул я вежды сонные и увидел чувака в железнодорожном прикиде. Точнее, двух, ибо они друг за другом стояли. Понятно, ревизоры, коли будят, а потом билет спрашивают. Тут и друган проснулся. Я глянул на часы, судя по времени до Питера еще часа два шкандыбать, и уже никуда не смоешься. Обложили. Ничего мне не оставалось, как попросить кореша предъявить наши потерявшие уже всякую силу билетки. Боб с абсолютно невозмутимым видом достал бланки и протянул их мне, а я уже в лапы ревизору переправил. . . Тоже без дерганий, молча и харя кирпичом. Пожилой дядя важно в билеты глянул, секунд пять – семь их изучал, а по-

том пробил своим компостером и вернул мне. И ушел. Точнее оба свалили дальше по вагону. Зайцев выявлять. А то, ишь, взяли моду, на шару в поездах кататься, государственные структуры обманывать. Ловите их, мужчины, дабы иным неповадно было! Удачи вам в наступающем новом... Я спрятал вновь обретшие силу бумажки во внутренний карман, криво ухмыльнулся Бобу, он – мне, и мы спокойненько и благополучно, с полным основанием, проспали остаток пути. А вот объяснений случившемуся искать не стали. Свезло, так свезло. Не только дуракам везет. А возможно – только им. Но оставаться в дураках подобным образом – не самый худший вариант. Уверен. Жаль, что подобные фокусы редко происходят. Крайне редко. Воля случая то есть функция старины Лапласа имеет скверное свойство чаще всего принимать значения обратные желаемым.

Ехала девушка в метро. И сама хорошенькая, и одета прилично. Замшевая светло – коричневая куртка, вдоль рукавов сзади бахрома, темные джинсы мелкого вельвета, сапоги не от «Скоростопа» явно. В руках большущий кулек из серой бумаги. Что в кульке? А шут его знает. В продовольственных обычно такие кульки вертят. Впрочем, нам с Ныряичем было абсолютно все равно, что это за краля и каково, собственно, содержимое её кулька? Мы возвращались в общагу в препоганейшем настроении. Отчего? Уже и не помню толком, то ли просто не выспались – замотались, то ли в альма – матер что – то не заладилось, с преподами переру-

гались либо с комсомольскими вожачками в очередной раз повздорили. Девушка сидела, держа кулек перед собой двумя руками практически на весу, видать содержимое не позволяло ей ни утвердить груз на коленях, ни слегка прижать к груди, а на серой бумаге кулька проступали явные масляные пятна. Мы стояли возле неё, держась за поручень, и, того совсем не замечая, практически нависали над прекрасной незнакомкой, то и дело непроизвольно останавливая на ней пустые, невидящие взгляды. Мы гоняли каждый своё, погружившись в некие не вполне позитивные размышления, и прекрасную незнакомку честно не замечали. Почему тогда прекрасную, спросите? Не знаю, когда я её разглядел, чуть позже, она мне понравилась. Впрочем, в те поры мне нравились едва ли не все девчонки подряд. Вполне нормальное состояние постоянной готовности к подвигам на амурном поприще, тем более, что в этом направлении любая попытка – не пытка уж точно. Итак, мы нависали над девушкой двумя довольно габаритными своими рамами, изредка обмениваясь короткими репликами, и одаривая нашу попутчицу наверное весьма неласковыми глазами. Так продолжалось остановки три. А потом вдруг произошло маленькое чудо. Во всяком случае мы посчитали именно так. Девушка, наверное в очередной раз встретившись глазами с одним из нас, вдруг раскрыла кулек, полный фигуристой и румяной выпечки, и протянула его нам, произнеся искренне и даже немного просительно: «Ребята, угощайтесь пожалуйста,

это очень вкусное печенье, такое в магазине не встречается, мне его на заказ испекли!». Мы оторопели? Что? О чем она? И вообще, это она к нам что ли обращается? У девушки были большие карие глазищи, тонкое, изящное лицо и воистину прелестные, музыкальные руки. Именно музыкальные, в них пели нежность и ласка. Слушай, вот ведь ничего себе барышня, мигнул я Ныряичу. А друган улыбнулся и согласно тряхнул головой. Тут поезд влетел на очередную станцию, пассажиры дружно повскакивали со своих мест и потянулись к выходу, и мы смогли плюхнуться по обе стороны от нашей неожиданной кормилицы. «Понимаете, – начал Ныряич, – Мы не голодны, хотя спасибо вам большущее за такое оригинальное предложение. Дело в том, что мы...». Мрачное настроение разом улетучилось, жизнь вновь стала прекрасной и удивительной. Жить было не только можно, но и нужно. Жить весело и правильно. Что мы тут же и сделали.

Голова Боба была располосована от уха до уха, шов проходил через темя. На вскрытии, конечно же, кромсали как следует, Боб умер во сне на квартире у сына, поэтому и старались судебные медики будьте нате. Рисковый и лихой комбинатор, от рождения веселый авантюрист и творческий демагог, гениальный частник – бомбила, умевший от души поработать и отдохнуть с дымом и копотью, не трус и даже любитель подраться за дело чести, а тем более безо всякого дела, мой верный друг, практически брат, которого я знал более трех десятков лет, коего понимал практически без слов,

лежал теперь в обитом синем бархатом гробу, в зале для прощаний. Из скольких переделок, безнадежных, практически гиблых, мы с ним выбрались... Сколько раз стояли спина к спине... Даже совместный бизнес не смог нас посорить... Я не отрываясь смотрел на его не почти не изменившееся после смерти лицо и никого, и ничего более вокруг не видел. Мне всё казалось, что братан вот сейчас, да – да, через мгновение, откроет глаза, увидит меня и хмыкнет привычно, мол, наши в городе... Но тягуче и неумолимо ползли одна за другой минуты безнадежного ожидания, а ничего подобного не происходило... Боб всегда стригся коротко и было заметно, что кожа на голове в районе шва собралась в гармошку. Очевидно, зашивая, лигатуру затягивали изо всех сил. Вот и вышло все издевательски неряшливо, как будто куклу чинили, но ведь это был Боб, еще неделю назад живой и веселый... а сейчас на правый его висок натекла из раны желтовато – розовая сукровица, и запеклись корками непонятные царапины на носу... Вдруг вспомнилось, как мы с ним на исходе восьмидесятых рванули на свадьбу к другу, из карельского, уже вполне зимнего ноября в далекую астраханскую осень, а по нашим меркам вполне еще сносное лето, самолетом, в три присеста, через обе столицы. Как в азиатской домодедовской сутолоке Боб прорвался в наглую к окошечку кассы, расталкивая очередь плечом регбиста и покрикивая а – ля сын турецко – подданного урезони-вающе: «Да мне же только справку, товарищи... Справку, го-

ворю, срочно, позавчера откинулся... дембельнулся, слово офицера, только что... Да пропустите же ветерана, мляха – буха!». И сунув голову внутрь кассы выщиганил – таки два нужных билета. А потом на улицах ночного южного города мы тщетно искали где бы попить, и нашли автомат газированной воды, где именно газировки и не было, но была вода в отделении для мойки стаканов, также напрочь отсутствовавших. И я нажимал одним пальцем на ложемент, извлекая тоненькие струйки желанной влаги, а Боб пытался поймать их в сомкнутые лодочкой ладони... Кто – то подходил к гробу, кто – то, попрощавшись наскоро, спешил на улицу... А я стоял и почему – то думал лишь о том, что завтра я не смогу позвонить Бобу, что туда не позвонить уже никогда, и придется удалить его номер из телефонного справочника... Тишина? Откуда такая беспощадная, неумолимая тишина? Зачем все молчат?... И только Мила, последняя любовь Боба, склонившись над гробом причитала полупшепотом: «Там теперь ему будет хорошо... ему будет хорошо... ему должно быть хорошо...». Где это – там, подумалось мне, где? Где? И почему там лучше, чем здесь? Даже. Если действительно лучше.

Что наша жизнь? Да, чистое кино, только гораздо омерзительнее. Прибегнув к широко известному издревле языку одного гениального человека, коего отчего – то считали рабом, хоть и в соответствии с его формальным статусом, но ошибочно, так вот, иными словами выражаясь, могу утверждать,

что формула жизни необъяснимо складывается в симбиоз казалось бы взаимоисключающих строк, а именно:

«Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...»
«...мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета заряд...»

И так далее, по тексту. Ну, что скажете, мистер Карантино и все, иже с вами подвизавшиеся?

В те, уже довольно далекие и, для молодой поросли нашей, легендарные, времена, когда Горя – Горя он же ПэКа, кочегар по дереву и его команда, Зайк, торгаши – ниспровергатели, танцор Слюнкин и прочая туса только познакомились со свинкой своей копилкой, оказавшейся весьма, кроме того, приятной, кстати говоря, духовно, а кое для кого, и телесно, когда парни из Тау – Куб со всей гопой прущих в кильватере земляков, скопом сидели и лабали еще у себя на стылом камне в ожидании своего часа, если ранее не получают элементарный простатит, и никуда не рыпались, а ТТХ, Гайтан, Кулиса, Брегас и всякие им подобные витязи уже рыпались вовсю и были для порядка слегка пинаемы, и попираемы официозом, когда еще ни Снуппи Буй, ни Разлюли Компостер, не говоря уже о Шмаре Скальпель, даже в мыслях не присутствовали на угарном небосклоне якобы популярной вроде музыки, где несколько позже прозвучало на всю ивановскую от некоей молодой, прекрасной и размашистой,

ничем не прикрытое обязательство развести тучи мощными конечностями, где кое – кто, впрочем, и в те поры уже отусердствовал орально... нет... вокально... ладно, не суть важно... и расположился на авансцене почивать в роли сенеки на бабе... тьфу... собаки на сене, когда в излучине великой буддийской, по одной из версий или даже гипотез, реки, обновилась запрещенная было самопальная творческая генерация под романтический флёр об имеющем место в реальности нежнейшем человеческом контакте с изгибом популярного в народе струнного музыкального инструмента, именно тогда, в далеком заполярном городе, на берегу круглый год не замерзающего моря, один пламенный ёрник, не вполне Ерофей и уж вовсе не Павлович со товарищи свили – основали небезызвестный и ныне песенный клуб «7 кругов». Парни и девчата там подобрались весьма приличные, не без дарований, чего стоил задорный мариман или молоденькая гравицапа, не говоря уже о старшем товарище с фамилией, имеющей отношение и к хлебному полю, и к популярному еще при царе – батюшке журналу, а еще славный квартет, нареченный именем одной коронованной особы... поэтому – дело пошло, и даже поехало, «...вдоль по Питерской, и соответственно, поперек по Московской...», будучи активно поддерживаемо единомышленниками из окрестных селений, в частности – тремя обаятельными бородачами, о коих речь пойдет позже, и одним весьма скромным безбородым, что не мешало последнему однако находиться в самом пер-

вом тамошнем ряду. Клуб клубом, но среди прочих борода-
тых и не очень бардов присутствовал некий изящный талант-
ливый юноша, хоть и бледный, но со скептически тлеющим
взором, склонный к поведению такому, что давало окружа-
ющим право назвать, при желании, этого господина удар-
ником... нет, простите, затворником, конечно же. Впослед-
ствии, значительно повзрослев, он, в приватной, застольной
беседе со мной даже позволил автоприсвоение себе явочным
порядком титула классика, что, впрочем, выглядело доволь-
но мило, вполне безобидно и отнюдь не вызывало в тот мо-
мент возражений, ибо связывалось с эксклюзивным правом
курения в форточку прямо на кухне, когда остальные при-
сутствующие выходили для свершения оногo действия на лод-
жию. В период же, упомянутый ранее, сей достойнейший ав-
тор – исполнитель имел некий заработок, играя по вечерам
за пресловутый парнус в кафе известном «Тормоз», о чем
и обмолвился в одной из своих песен, дескать, тогда он «...
лабал на своем фендере и родину не любил...». Смею утвер-
ждать, что с любовью к родине у него было все в порядке,
а ненавидел он конкретный панцирь цвета вареного рака,
удушливый и тесный, покрывавший прекрасное тело сторо-
ны родимой, уже трещавший и лопавшийся вдоль и попе-
рек, но еще причинявший отчизне значительные мучения
и неослабевающую боль, ощущаемые остро и живо всеми,
хоть на йоту равнодушными к окружающей, насквозь гни-
лой и лживой, содейственности, и желавшими светло-

го и лучшего настоящего, а тем паче, будущего. А то, что все надежды на светлое и лучшее опосредованно выражались, как и у прочего большинства, изначально издевательской формулой двух одесситов – «запад нам поможет» – не означало ничего, кроме искреннего заблуждения, по причине близорукого неприятия иных альтернатив развитому социализму, кроме, как навязываемых всяческими бойкими «голосами» из – за бугра. Но уже изрек талантливейший заполярный самородок бессмертную свою сентенцию, мол, «равняться на Европу, значит, безнадежно отставать от неё». Сии пророческие воистину слова не были вовремя услышаны страждущими массами, что и явилось одной из причин наших общих злоключений в поисках кратчайшего пути к вожделенному капитализму, оказавшемуся на поверку не менее омерзительным нежели прежняя общественно – политическая формация, столь дружно и практически в одночасье отвергнутая народами якобы братских республик, входивших в так называемый «союз нерушимый», героическое население коих, почуяв себя независимым и оную независимость реализуя ревностно и незамедлительно, преуспело по крайней мере в двух занятиях: дружном самоистреблении разнообразными способами и бескомпромиссной борьбе с памятниками. Гражданские войны, цветные мятежи и перевороты, при всем зоологическом своем кровопролитии и крайней неразберихе, по крайней мере имеют под собой некие объективные и субъективные причины, и мо-

гут быть обоснованы научно, политологически и экономически (эх, хорошо сказал!), а вот сражения с каменными изваяниями эпохи, вышедшей из употребления, в основном незаконные и стихийно происходившие, лишь характеристика некоторых стойких качеств разъяренных масс, вне зависимости от национальной принадлежности, как то: утрата человеческого облика в толпе себе подобных, а также срыв не контролируемой, безадресной ярости и ненависти на ком или на чем попало. Правда и здесь не без нюансов. Я, например, полностью, и руками, и ногами за то, что категорически нельзя разрушать стихийно и самовольно, явочным порядком, памятники вождю и основоположнику наисветлейшего из всех возможных будущих, торчащие на постсоветском пространстве грибоподобно т.е. без счета, ибо сие вносит в жизнь повседневную элементы хаоса, хулиганства, преступной ненаказуемой сумятицы, опасной для жизни человеческой, и никаких благородных чувств не пробуждает. Но! Но я также искренне и убежденно считаю, что само по себе наличие оных монументов в нашей стране глубоко кощунственно и свидетельствует о крайних хаосе и сумятице в наших головах, сердцах и душах. Я убежден, что не может торчать на пьедестале ни в одном месте, кроме кладбища, этот лысый дядя, одиознейший из основных виновников окончательного разрушения великой империи, убежденный враг народа русского и всего русского вообще. Поэтому полагаю, что монументы, ему возведенные, нужно уби-

рать по соответствующим образом утвержденной программе, предусматривающей прежде всего ликвидацию зловещего финикийского зиккурата на главной столичной площади и захоронение хранящихся там останков или, в самом крайнем случае, урны с прахом таковых после кремации, по христианскому обычаю, благо имеется, где. И никакого иного способа покончить с этим нет и быть не может. А чем больше они торчат, эти грибы каменные да бронзовые, тем более «непоняток» формируется в так и не окрепших за четверть века наших головушках, и все разговоры о великой российской державе остаются разговорами, весьма, кстати, двусмысленными. А на освободившиеся пьедесталы в каждом городе, убежден, найдется фигура, достойная установки. В одном заполярном городке некогда был воздвигнут на центральной площади памятник покорителям тундры сиречь геологам, руду полезную в ней обнаружившим. На постаменте внушительном стоял чувак не менее масштабный, с киркой в поднятой над головой ручище. Кирка располагалась примерно параллельно земле, и означал сей жест, что геолог нашел нечто, представляющее явный научный интерес то есть полезные ископаемые. Казалось бы, совершенно по делу дядя каменный торчит, народу нравится и именуется жителями города Иваном Киркиным, очень даже к месту пришедшись в центре одного из очагов отечественной цветной металлургии, а вот... А вот нашлись же умники, решившие, что Ваньку нужно с площади переместить на въезд в го-

род, а на его месте возвести – таки памятник гениальному вождю мирового пролетариата, оснащённому традиционными кепкой и жуткого покроя ботинками марки «шушенские самострелы», ибо основоположник, наверное, именно в таких шкарах в известном месте ссылки с деревенскими пацанами в футбол гонял, когда до подруги верной своей охоты не чуял. И переместили, и возвели. И торчит на главной городской плешке «до сей поры с времен тех давних» этот ледяной изувер, являя собой насмешку над миллионами убитых в застенках, замученных в лагерях, уморенных голодом людей, наших с вами, между прочим, ближайших пращуров, до коих сегодня, получается, никому нет никакого дела. С ветеранами Великой Отечественной еще туда – сюда, не без спотыкачей, но разобрались в основном. Вроде бы... А с остальными... прости, Господи. И ведь не унимаются верные ленинцы. Кроме почитания памяти великого своего дедушки, они теперь требуют неприкосновенности символики бывшего своего райского государства. А я в недоумении и растерянности, как сделать неприкосновенными серп и кувалду? Или сноп колосьев? Или звезду пятиконечную, как таковую? Она же изначально – пентаграмма, пентакль, символ, трактующийся широко и очень вольно, кто же виноват, что эту фигуру эмблемой государственной заделали?! Как же вы ея оберегать от посягательств собираетесь, звезду эту? И не нужно на ордена соответствующие кивать, орден – иное дело, именно в нем самом это дело, а не в звез-

де, как таковой. Ордена такие кровью и мужеством заслуживаются, а сие должно быть свято во все времена и при любых режимах. Равно священна советская символика на знамени Победы например, на всем, что связано с величайшим подвигом народным во время Великой Отечественной. (Изрекаю это для пресечения возможных спекулятивных сентенций на тему...). Но сие – прежде всего нравственная категория, а нормы морали оттого и непреложны, что впитаны с молоком материнским, и более того – с генетической памятью от пращуров наших. Это юридически не насаждаемо. Следуя же логике даже не красных нынче, а розовеньких партийцев, необходимо признать неприкосновенными и все белогвардейские знаки и эмблемы, а равно и символику российской империи. И преследовать, как вандалов, тех, например, кто изуродовал мемориальную доску в честь знаменитого адмирала, проклятого в своё время, как отчаянного врага советов. А если бы пламенным и нестигаемым бафомета рогатого вздумалось в символику тогдашнюю впихнуть? Ведь ставили же памятники иуде – христопродавцу! И потом, господа наследники самого человеческого из всех людей, вы же не церемонились в свое время, например, с тем же орлом двуглавым, что ныне вновь российский герб украшает! И с крестами святыми, и с иконами, и с орденами эпохи низвергнутого строя, ваши коммуноиды поступали аки вздумается, об оскверненных святынях и разрушенных Божьих храмах и не говорю даже... Чего вы сейчас – то забе-

гали? Давайте законодательно утвердим определение о революционном вандализме диктатуры пролетариата. Согласны? А, не «ндравится»? Немудрено. Но ведь разумный и самодостаточный человек даже от скуки издеваться и глумиться ни над чем символическим не станет, а маргиналу или намеренному истерику никакие законы не помеха. Уже поэтому я предлагаю паритетный вариант: вы не бегаете, не свиристите на всех углах о своих символах, а я не навязываю никому и нигде не отстаиваю своё желание ликвидировать упомянутые памятники известной личности Пусть время все расставит по местам. Согласны? И вам, и мне, ведь есть, чем заняться. Вот и славно.

(Что же касается песенной строчки моего знакомого, я её запомнил и по сей день применяю при каждом удобном случае, варьируя лишь интонацией. И даже нее думайте, мои милые, честные и добрейшие всевозможные оппоненты, по оглашенному поводу рылом своим интеллектуализированным в меня целить. Фраза, о которой идет речь – суть интересная и многофункциональная речевая конструкция, применимая не в прямую, но ассоциативно. Вкурили, надеюсь?) По-поводу же «как здорово, что все мы здесь сегодня» имею сказать следующее:

Так пусть маститый автор за свой базар ответит,
И гнутую гитару предьявит, хоть одну.
Что только не привидится с похмелья на рассвете!
Зачем же, брат, об этом орать на всю страну?

Опять же утверждаю, что ничего «здорового» в том, «что все мы здесь сегодня», не осталось в достопамятный год разделения общего стойбища на озера и луга. Луговое же становище, организованное впервые, было, в частности, вполне находчиво оснащено вырытыми явно не вручную выгребными ямами, напоминавшими взводные братские могилы, но предназначенными для удовлетворения самых, что ни на есть, естественных человеческих надобностей, свойственных, увы и ах, даже интеллектуальной элите общества. Обнесенные изгородями из черного, почти светонепроницаемого полиэтилена, ямы сии с перекинутыми поперек, от края до края, досками, источая соответствующие ароматы, являлись собой некие интимные кулуары клуба духовно чистых и высоких умников, и умниц, где те и сиживали время от времени дружными компаниями и стайками. Вполне возможно, что впоследствии все приобрело более солидный вид, что ныне там вполне законно обосновались биодомики – пряники... Однако же... Однако... Память о ямах жива во мне, аки символ того, что всякая тварь пить – есть, и не только, – хочет; и отнюдь не «пепел Клааса стучит в моё сердце», но воспаряет туда неудержимо квинтэссенция всех мыслей и чувств высочайших, правда уже переходивших срок, выцветших, перегоревших и сброшенных в родную землю зловонным балластом. Bravo, господа мои! Bravo, бис и парад – алле... То ли еще было, толи еще будет! И под миазмы

жидких, кашеобразных и глиноподобных откровений, слегка юродствовало, «мэтрствуя лукаво», якобы высокое жюри, на сцене в «занзибарье» клоунствовал вечерами, на правах родного, «быков немаленький оркестрик», под водительством сельдей, вполне еще сносно себя ведущих по сравнению с одним младшим околостоличным башибузуком, пытавшимся во время декламации виршеподобных фраз откровенно ковырять в большинстве телесных пазух своих и отверстий, а также сообщали почтеннейшей публике невероятные, пришедшие внезапно, откровения приглашенные коллективы с лидерами, имен коих сразу и не припомнить, однако несущих в себе упоминания черных чернил, белых белил, летних летяг и сольных солений. Публике в основном было по барабану, что и кого слушать. Она основательно поднаедалась – поднабиралась к вечеру, желая лишь плясать и веселиться под любую ритмическую основу. Да хоть под бубен, ё-моё... Мало того, потоки энергичных зрителей постоянно перемещались между озерами и лугами, очевидно в поисках истинного драйва и стойкого, не проходящего кайфа, благо расстояние между стойбищами легко преодолевалось с помощью обычной электрички. Два встречных людских потока то и дело сталкивались в пути следования, один в стремлении достигнуть заветных лугов, другой, опасаясь не пропустить очередной рейс желдортранспорта к озерам. Снизу, кряхтя, обливаясь потом, задыхаясь и при этом одухотворенно матерясь, перли вверх по крутому склону внушитель-

ной горюшки, цепляясь за траву и хилые кустики чего-то там растущего, если руки были не заняты напрочь туристским скарбом, сверху, изрыгая хулу на дикую природу и не вполне радивых организаторов, в раздражении и злобе пытались спуститься к искомым лугам и при этом не споткнуться, не упасть, не покатиться вниз камушком, что сулило неминуемое приземление на койку в травматологическом отделении ближайшей больницы. Конечно, истинным ценителям жанра сии трудности искомых драйва и кайфа лишь прибавляли. Только вот среди почтеннейшей публики мало кто вообще понимал или даже хотел понимать, что оно такое – эн- тот самый жанр. Песня, дескать, она и есть песня то есть либо песня, либо нет. Вот и все «критерии». А откровения, вроде «жизнь такая интересная штука», «война это плохо, а мир – хорошо», «раскройте друг другу объятия», никому никуда не упирались и носили для абсолютного большинства зрителей явно фиолетовый оттенок. Воистину, все происходящее нельзя было и наречь иначе, как дорогой ангела, что и сделал несколько позже в профильном телеэфире один неплохой вполне себе гитарист, настолько неплохой, что можно с полным основанием дать ему ранг виртуоза. И поскольку он музыкант, то ему всякая безответственная болтовня, суесловица и стилистическая белиберда, вполне простительны. Ибо он по другому делу спец, а в словесности, особенно изящной, полный... тюльпан. Исполать ему и всем иже с ним, делающим время от времени из песни дворянина арбатско-

го двора композицию а ля эрикклептон. А вот никаких претензий к высокому жюри нет и быть не может. Упомянутый орган действовал строго в рамках отведенных ему, весьма кстати скромных, морально – нравственных возможностей. От этого и намеренно наплевательское отношение к некоторым дальним ходакам, и пристальное внимание к почти местному, на вид, возможно, что только на вид, голубоватенькому дуэту из близпыхтящего Ведроболтянска, и отсутствие необходимого кворума на прослушке под сосной, то есть прослушка поросят неумытых конкурсантов неким плешивым в шортиках, маечке и тапках – сланцах, в одиночку, вполуха, базаря при этом с откровенно декольтированным товарищем, сбоку подошедшим. Не было такого? С вами, дорогие мои, возможно и не было, а с иными – происходило. В частности – именно в означенное время. Следите за ассоциативной хронологией. И потом, сказано же, претензий не имеется. Подобное – не новость, но традиция. Обижаться нельзя, ибо глупо, запрещать говорить об этом – еще глупее.. И спорить тут не о чем. Вы при своем мнении, я при своем. Желаю здравствовать. Опять же – слова, тексты... Стихи? А зачем это в песне столь насыщенные стихи? Проще надо быть, понятнее. Вот ты, имярек мой уже знакомый, стихов наверное накропал – мама, не горюй? Правильно. Намолотил. И песен на полноформатный сольный концерт хватит, уж точно. Я такого и не напишу никогда. Зато умею рифмовать одно и тоже явление природы. А вот сосед слева, худож-

ник – аккордеонист, он знает чем амфибрахий от анапеста и прочей темадни отличается. Ты тоже знаешь? Похвально? Где ругань? Ах, темадня? Милый ты мой, темадня это всего лишь тема дня, без какой бы то ни было нецензурщины. Правильно, коллеги? Да, мэтр прав, что-то вы, братец, грузите публике мозг. Не стоит так. Вот, как стоит. И довольно дорого стоит, между прочим. Слушай, лабаю: «...а – а – астрава, кто же с этим паспорит? Са – а – амые лучшие а – а – астрава...». И, кстати, что это вы все время на стакан намекаете. Чуть, что не так, у вас один путь – в запой. А ведь сие не типично! Нет – нет. Совсем не характерно. Возьмите меня, например, я вот уже четверть века, как в рот не беру, в смысле не употребляю, конечно же, что за ухмылки в самом деле... А вы думаете у меня нет поводов пострадать, как следует? Да, сколько угодно, батенька вы мой. Ан, нет, не пью – с, не пью – с и вам не советуюс – с. Что? Какой метафизический образ? Какой символ? Ни – ни – ни, я не пью, а я – поэт все-таки, вы знаете, что меня недавно на одном сходняке литературном избрали королем поэтов? Так вот, я поэт, я не пью, и вы тоже не должны пить. И даже упоминание о зелье мерзопакостном... ой, как вспомню, до сих пор мутит, как я жрал... ведрами ведь глушил... из стихов вытравить. Вот тогда... тогда... тогда... возможно... хм-м... король, а, король, королек, как я его называю, ха – аха – ха... ну, ладушки, получили по ушам, ступайте, кто следующий? А что вы думали? Не до церемоний. Сами знаете, «...писательские

продотряды поэзию...». Вот-вот, правильно, верно.

Примерно в этот же славный и достопамятный год дифференциации природных ландшафтов по околотворческим признакам...

На исходе июня городок буквально в одну ночь накрыла дикая для этих мест жара, плюс тридцать пять в тени, да к тому же при повышенной, казалось – стопроцентной, влажности; словом, вышла чистая парилка, а временами – просто душегубка. Часам к трем пополудни все здания, асфальт мостовых, автомобили, да вообще все городские объекты, вкисив сверх меры от солнечной агрессии, сами начинали излучать избыточный, настырный жар, и выходить в это время на улицу было не только глупо, но для многих и опасно. Того и гляди, двинешь кони от зноя, сердчишко кайкнется и до свидания. Однако именно в ту пору, в самый разгар одного из невыносимых этих дней, мне срочно понадобилось попасть по одному вздорному, житейскому дельцу из старого в новый город, как в местном обиходе именовались соответственно частный сектор с деревянными постройками и огородами, и микрорайоны многоэтажек. Границей упомянутых массивов служил извилисто текущий по топкой, заросшей осокой и камышом низине, ручей, именуемый официально Приречным. В народе же предпочитали прежнее, старинное, весьма красочное и правдивое название Вихля-

стый, не вполне, впрочем, удобное для официального наименования основного через сие природное препятствие перекинутого моста, на коем требовалось при пуске в эксплуатацию водрузить соответствующую табличку. Именно на этом по размерам скорее мостике и оказался я, взмокший до самых до костей, с пересохшими намертво глоткой и ртом, где распухал и каменел от жажды издыхавший и практически онемевший язык. На переправе я замедлил шаги и почти остановился, чтобы перевести дыхание и в очередной, заведомо бесплодной, попытке воззвать к пробуждению в организме слюноотделения. Человеком в тот момент я себя практически не ощущал, более прочего походя на свечи огарочек, оплывший в канделябре сего городка в бесформенную и почти лишенную воли массу. Вода с собой? Да была вода, но ведь в такую жару и при столь удушающей влажности, она нисколько не усваивается и, будучи употреблена внутрь, тут же покидает организм щедрым, откровенным потом, который ничем не уймешь. Рот споласкивать, не пить? Споласкивал было поначалу, но в один прекрасный момент отвлекся и сам не заметил, как уже хлещу родимую минералку вовсю. Впрочем, на мосту меня ожидало чудо. Точнее – чудесное видение... да нет же, нет, дикость несусветная, так не бывает. Потому, что «на берегу пустынных волн стоял он дум великих полн» в коричневом однобортном пиджаке поверх старенькой, еще советского производства, полушерстяной олимпийки, в полушерстяных же спортивных штанах

из того же комплекта, опершись локтями на перила мостика и задумчиво созерцая вяло сочащийся внизу, основательно пересохший уже, мутноватый поток ручья. На асфальте, у ног этого чуда, вернее – чудилы на известную букву, раскинулись свободными складками брюки с расстегнутыми, понятно, ремнем и молнией на ширинке. То есть он в них шел, а потом расстегнул ремень, дернул, коротко и решительно, а может напротив – неспешно и задумчиво, бегунок змейки вниз, и сползли санюлоты к стопам его. Жарко наверное стало. Ага, и мне от зноя немилосердного мерещится уже чушь всякая! Я аж головой затряс, несколько раз основательно моргнув, почти зажмурился можно сказать в ускоренном режиме... Мираж не пропал. Мужик был, по всему виду, из шибко пьющих, но в данный момент едва ли в нем хоть полста капель присутствовало. Борода клинышком, очки в старинной, роговой такой оправе, сосудистые звездочки на щеках, волосы сальные и почти до плеч, не сегодня, явно, чесанные. Колоритный субъект курил. Основательно так, в глубокую затяжку. Я несколько раз окликнул его. Зачем? А шут меня разберет. Оторопь взяла наверное на жарето. К тому же он не отозвался сразу. Должно быть реле запаздывания у него работало отлично. Лишь секунд через десять он соизволил медленно обратить ко мне свой лик, однако практически тут же плавно вернул голову в исходное положение. Он попросту не желал меня замечать. Я еще раз внимательно оглядел всю экспозицию. Справа от ног таинствен-

ной личности к перилам моста был прислонен объемистый полиэтиленовый пакет, непонятно чем набитый. Да, что пакет! Чувак торчит на убойном солнцепеке, в немыслимых в такую погоду шмотках, спустив с чресел брюки царственными складками, под коими поддеты спортивные, не взмокший от зноя, курит и меня в упор не видит. Вмазанный или колесами закинулся? Не потеют вообще, как известно, лишь мертвые... Ну, не знаю. Очень я в тогда пожалел, что нет со мной никакой фототехники, хоть «ломашки» – мыльницы. Этот кадр был достоин увековечивания. В конце концов я плюнул и уплелся далее по назначенному маршруту, ибо время поджимало. Интересно, а куда этот, величавый и занюханный, потом подевался? Пэпээсники, если он им попался, наверняка мимо не проехали. Народ они простой, порядочный, душевный и отзывчивый, всех приветить норовят, дабы никто не уронил свое занюханное величие человеческое, дабы никто никому оно не попрали. Я шел по словно бы обугленному от жары, городу, истекал соленой, едкой водичкой, вновь и вновь промокая, извините, до трусов и глубже, и понимал, что сам, в своей адекватной, солидной, деловой, семейной и прочей жизни порой веду себя еще похлеще встреченного клоуна. Особенно, ежели за это деньги платят. Кстати в таком случае это оправданно и вполне понимаемо большинством. Почему нет? И, кстати, разве только я? А кто не...? Мы способны, ох, на многое, особенно за соответствующее вознаграждение.

В этот маленький городок неподалеку от нашей северной и, несомненно, культурной столицы я приехал тем летом в отпуск, вместе с семьей, можно считать, что к теще на блины. Делать здесь было откровенно нечего. Настоящий отпуск, что и говорить. Одна беда – как обычно в подобных случаях и не только со мной происходит – изо дня в день поднимаешься рано, точно на работу идти, без постороннего воздействия. И ничего поделаться с собой не можешь. Ну, вот, стою это я утром на балконе, первую сигарету курю, тишиной и свежестью наслаждаюсь. Солнышко уже начинает припекать, но, слава Создателю, упомянутая прежде жара ушла, и я знаю, что днем погода будет вполне сносной. Утренняя тишина предусматривает в основном дальние естественные и обиходные шумы, как-то приглушенные расстоянием гудки – свистки – перестуки железнодорожных составов в районе вокзала, рокот моторов и шорох шин разнокалиберных авто на главной городской магистрали, стук дверей в подъездах. Спектр привычных звуков не особенно велик и прекрасно сочетается с традиционно статичной картинкой двора. Чужеродный объект, вторгшийся извне, сразу режет взор. Особенно, если это субъект, передвигающийся беззвучно, точно в немом кино, по асфальтированной дорожке, пролегающей вдоль дома, под окнами. Причем не просто передвигающийся, а ползущий. Да и как ему не ползти, ежели он ступней не имеет, двигаясь даже не на карачках, а лишь на руках, влача туловище и культяпые ноги по асфальту. Кле-

вый чувак, без вариантов. Недолго понаблюдав за путешественником с балкона, я притушил окурок, положил его в пепельницу, притулившуюся на отбойнике окна и направился в прихожую, с целью натянуть обувь и выбраться на улицу, поинтересоваться, откуда такой богатый гость нарисовался.

По всему было видать, что вояжер не просто утомился, перемещаясь в пространстве сколь оригинальным, столь и трудоемким способом, но его вдобавок здорово колотит, фигурально выражаясь, после вчерашнего. Однако, при более пристальном рассмотрении, вчерашним там и не пахло, дня четыре колдырил, не меньше, а то и всю неделю зацепил. Мужик в каких-то непонятного покроя и грубой фактуры темных штанах, футболке и джинсовой жилетке с многочисленными молниями карманов и карманчиков, полулежал, опираясь на поребрик локтями и поясницей, и выпростав ноги, лишенные ступней, поперек дорожки. Культы, зачехленные в брезентовые колпаки, перехваченные ремнями, лежали на противоположном поребрике. У мужика был основательно расплющенный в районе переносицы шнобель, полуседа, щедрая уже щетина, давненько не знавшая стрижки, спутанная шевелюра и оврагоподобные морщины, на лбу, между бровями и от носа к губам. Он даже не взглянул на меня, подошедшего, то есть глаз не открыл, отдышал видимо, лишь немного телом лрогнул. Насторожился все-таки, привычка не раз битого... Я поискал вокруг взглядом какую – никакую картонку, нашел поблизости ошметок ко-

робки, расправил его, водрузил на бетонную поверхность поребрика и сел почти напротив странника. Молча достал сигареты, курить не хотелось, но я все-таки зажег цыбарку и, не особенно затягиваясь, ждал ответной реакции моего визави. Мужик, уловив запах дыма, встрепенулся, открыл глаза, и я тут же протянул ему тлеющую «арктику». Он молча взял, кивнул благодарно, но смотрел настороженно, выжидал, опасался. Пришлось начинать беседу самому.

– Ну, что, дядя. Откуда путь держишь? И куда столь пламенно стремишься, что аж без коляски шаршишь по асфальту? Гляди, изорвешь все шмотки.

– Да мне к монастырю надо попасть, я там на милостыне стою... сажу... тля такая, дружки вчера по пьяни коляску поломали, развалилась вся... А мне..к – ха – к – х – кха, тьфу,

надо, мляха, туда позарез. Делать нечего, вот и пополз. Кто же довезет?

– Так тебе, дядя, чапать еще порядком. До монастыря отсюда – не ближний свет. Если к обеду успеешь, уже удача. Только в грязи перепачкаешься весь и точно до дыр одежду протрешь.

– Дык, а фуфули толку? Делать – то нечего...

– Так, сиди пока, вернее, лежи здесь. Я сейчас. Не уползай только, пилигрим рефренов.

Я встал и направился домой. Начнем день с хорошего дела, не шибко разоримся. В квартире взял пачку сигарет, из холодильника вытащил «полторашку» пива, как раз

про запас стояла, сто рублей захватил, ровно до монастыря на такси и выйдет. Спускаясь по лестнице, вызвал тачку по мобиле, уточнив, куда именно ей причалить, чтобы не к подъезду, а с обратной стороны. Вдвоем с водилой кое-как загрузили мужика на заднее сиденье, не слушая сбивчивых благодарственных бормотаний экстремала поневоле. Его глаза, полыхнули при виде полуторалитрового баллона пива такой гаммой чувств, что описать сие вряд ли возможно. Все, что угодно, в тот момент прочиталось в них, обычно блеклых и вялых, от плотоядной низменной радости до отваги и готовности к некоему абстрактному подвигу. Замызганная темно зеленая «десятка» с откровенно склочным фирчанием тронулась с места, оставив после себя недвусмысленного запаха облако выхлопа, и сразу же скрылась за углом дома. Счастливого пути. Ну, а мне куда теперь? Сколько там на котлах? Вот, наверняка в начале девятого газетный киоск уже открыт и можно приобрести там очередной номер «литературки», благо нынче четверг. Мелочь есть? Так, да же много мелочи. Уже хорошо. Руки в ноги и ...здесь не далеко. Киоскер, полная, доброжелательная женщина смотрела на меня и с легким удивлением, и с явным сожалением. А на мою просьбу, мол литгазету пожалуйста, помявшись, произнесла негромко:

– Понимаете, вы единственный человек за полгода, кто это издание спрашивает. Я же не знала, когда вы давеча были, что еще придете. Да и то, какая разница, придете –

не придете, начальство решило больше литературную газету не заказывать, что без толку по одному номеру возить?

Я молча пошел прочь. Ответ дамы меня не огорошил, ибо в моем заполярном городишке ситуация была очень даже похожая, а именно – в киоски поступали два или три номера «литературки», которые покупали одни и те же люди. Они почему-то не хотели оформить подписку, предпочитая покупать газету поштучно, и продавцы даже на прилавок поступившие номера не выкладывали.

Реплика в сторонку

В годы юности туманной, а точнее, на границе отрочества и этой самой юности, в неустанных размышлениях о будущности своей пребывая, под влиянием неминуемой окружающей среды, идеологически выдержанной то есть затхлой и лживой до абсурда, желая овладеть конкретным, полезным в жизни, ремеслом, сказал я как-то папане моему, дескать, давай-ка, батя, пойду я в профтехучилище, выучусь, к примеру, на газоэлектросварщика или на автослесаря с правами шофера, а там подумаю, что далее творить, куда поступать или в армию сходить. Отец посмотрел на меня внимательно, закурил неторопливо, и молвил, что в училище означенное, овладевать нужной, в целом, профессией я пойду тогда, когда там будут учиться внуки генсека передового отряда советского народа или, по меньшей мере, областного партийного вожака. А пока их там нет, закончу я школу и буду пытаться счастья в высших учебных заведениях прекрасного града трех революций. Рабочая, сынок, профессия – дело нужное, но ведь неплохо знать, к чему расположение чувствуешь, а не с кондачка за что попало хвататься. Понятно, что отец родной не в приказном порядке сии речи мне говорил, но был крайне ироничен и убедителен. Я к вот к чему сие вспомнил. В нашем государстве, в области промышленного производства, сейчас уже окон-

чительно и на официальном уровне признали крайний дефицит квалифицированных рабочих. Нет слесарей, плотников, станочников, тех же сварщиков... У меня предложение, дабы сделать рабочие профессии престижными среди подрастающего поколения, нужно, кроме прибавки стипендий в «хабзайках» и вообще повышения зарплат пролетариату (это, к бабке не ходи, придется делать), так вот, нужно, чтобы в профтехучилища на рабочие специальности пошли учиться отпрыски нашей правящей, с позволения сказать, элиты. Пусть по окончании поработают еще годика по три на рабочих местах, вот вам и престиж. Что? Почему же ахинея? У нас же все равны. И любой труд, ежели он честный, почетен. Не правда ли, элитарная наша элиточка? А то повадились в топ-менеджеры, в мгимошники, в банкиры, в аналитики. Нет, братцы, силой собственного примера следует исправлять ситуацию. А как же иначе? А за народ, за страну пострадать? Не фуа – гра единым жив человек! Несите новую эстетику в тяжёлый и неблагодарный труд рабочих и крестьян! И воздастся вам. А ежели все поголовно в армейку соблаговолите – сподобитесь, в пехтуру, аки мой племяш, скажем, туда, где со срочников офицерёе местное деньги дерет за теплые комбезы, за ботинки – берцы и прочие шмотьё, цены вам, детки элитарные, не будет! А престиж – то... престиж! Эх, молодежь, даешь – шалишь единство нации.

Я медленно брел по тихой улочке и отчего – то вспомнился мне недавний калека, столь отчаянно стремившийся побороть, казалось бы, непреодолимой силы обстоятельства. И уж не знаю почему, но вновь, как и после встречи с уникалом на мостике через ручей, показался я сам себе очень похожим на этого вот, безногого, безколясного, с дикой похмелюги ползущего по жизни на одних руках, и вовсе не надеющегося встретить в пути не то, что помощь, но мало мальское сочувствие, а в моем случае еще и обделенного популярной и востребованной некогда в народе газетой, почитаемого за городского издалека сумасшедшего, прибывшего в околостоличный регион на гастроли. Однако впоследствии я убедился, что не столь все мрачно и невыигрышно. И очень скоро, кстати, убедился. Просто не может быть успеха по всем статьям, в одном вверх стрельнул, в другом ниже плинтуса скатился. Диалектика, язви её. Теория. А ведь частенько и мозгами пораскинуть даже на столь глубокие, философские темы некогда. Все носишься, аки угорелый, точно тот, из старинной песни, «Афанасий, морда семь на восемь – восемь на семь, с большим спидометром в руке. От паровоза, скорость мерить». Говорят, де, жизнь «в полоску», то черная – то белая... Не – а, господа мои, не обольщайтесь, жизнь «в полоску» означает: то в долг, то займы. Вот истинная философская база бытия, базис, коим, по некоторым утверждениям и определяется наше сознание, ежели таковое у нас в действительности присутствует. Вот и весь базис – оазис...

...а вот уже года через три после описанного только что...

Имитация пролога

Итак, проснувшись однажды утром чуть раньше этой омерзительной твари почти ежедневно терзавшей его вот уже два десятка лет... (господа, господа, расслабьтесь имеется в виду всего лишь будильник) он решил вдруг, что на любимую, чтоб её, работу более не пойдёт. Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Вернее не решил, а понял. С такой отчетливостью понял, что и включать свет в спальне не требовалось. И без света в почти сплошь черной сметане заполярного зимнего утра все ему было ясно. Никаких иных мыслей на обозначившуюся столь неожиданно тему не возникло. Вообще не хотелось рассуждать о чем бы то ни было. Хватит. Натерпелся. Точка. А главное – интуиция нашептывала ему, в тот момент еще формально главному инженеру небольшой ремонтно – монтажной фирмы, мол правильно поступил. Мужик сказал – мужик сделает. Ведь сделаешь? О чем речь! Ну, наконец – то интуиция! Ого – го, какая у него интуиция! Почти, что троянская Кассандра. Всегда правильно угадывала, а что произойдет, если... И он, как потомственный троянец очевидно, поступал вопреки прогнозам прорицательницы. Только в отличие от легендарных сынов Илиона, своей Кассандре он вполне доверял. И все равно, интуиция, подсказывающая порой довольно радикальные решения проблем при сохранении, как минимум, чести и достоинства, сплошь

и рядом оказывалась бессильной перед все – таки применяемым в сложившейся конкретной ситуации, вполне твердым расчетом, результатом напряженных прикидок и сопоставлений некоторых выступающих частей тела. А кому эти честь и достоинство пользу реальную принесли? Морока одна. Да и что они означают конкретно, пойдешь, разберись. Здесь современное производство, реальная жизнь, а не девятнадцатый век. В итоге же чаще прочего получалось, что с виду очень разумные, житейским опытом санкционированные выкладки, на практике чаще всего оказывались откровенно дерьмовыми, требующими очередных унижений «ради дела» и тому подобных резонансов и, если приносили выгоду, то ничтожную и сомнительную. Но зато со стороны все выглядело обоснованно и весьма солидно, оттого и было одобряемо большинством. А разве могут быть осуждены разумные поступки, приносящие реальную прибыль? Мы же здесь не погулять вышли, деньги зарабатываем. От рождения в арсенале нашем есть вполне приличный инструментарий для оправдания собственного малодушия. Это ли не конкретное воплощение дарованного создателем инстинкта самосохранения? Своя рубашка, как известно... Тривиальщина изжеванная, однако работает четко. Вот ведь штука какая: чувствуешь, что единственно правильно поступить можешь, пусть и принесет тебе эта поступь наверняка одни убытки в недалеком будущем, и уже раздуваешься гордо заранее ощущаешь себя настоящим человеком. Этаким экзистенциалист,

а ля «ай – да Пушкин, ай – да сукин сын...», приятно, прах побери!. И вдруг где – то в черепушке жаба родимая просыпается и, ласково так, прыг – скок, шлеп – стоп, а стоит ли? А может... может плюнуть, и с каменным ликом далее прошеествовать, авось оценят. В крайнем случае не тронут. Семья ведь все-таки, детки, супруга, пенсия впереди. Оно тебе надо, правоту отстаивать? Ведь не Брестская же крепость за тобой в самом – то деле! Что ты, как маленький! (Кстати, порой самый сильный аргумент). И далее по тексту песенному «И пошло, поехало, поплыло...». Плоское катим, круглое – тащим. И вскоре уже непонятно где струсил, где осмелел, где прав, где нет, все шаги, что братья – двойняшки, с виду непохожи, а по сути... Тем не менее материальное поощрение поступает регулярно, а что понемногу, исподволь перестаешь себя уважать, и процесс растрения уже необратим, так сие весьма эфемерно и вообще фантомно. Утраченная часть души поболит – поболит, да и шут с ней, перестанет, а бабосы, нате, вот они, и жизнь у нас всего одна, и прожить её... надо. Только в итоге спиться можно или того хуже, но частности не в счет. Между тем, все это в прошлом! А сегодня:

- Прощай, моя карьера от мастера до главного инженера! Здоровенные железяки на должную высоту! – но без меня!!!
- Я вдоволь, до икоты и рвоты наглотался ихних руководящий леденцов!
- И аз, грешный, столько – то лет был носителем сего со-

мнительного лакомства! Позор!

– Позор на мою заслуженную голову и на прочие, не менее заслуженные части тела! Да стихнет за спиной гудок корпоративный! Даешь профессиональное выгорание души!

– Виват, преждевременно сошедшие с дистанции!

– Фейхоа вам, а не льготная пенсия!

– Ура! Ура! Ура! Свобода!

Стоп. «С него хватит» это ведь на самом деле – «с меня хватит». С чего же это я о себе любимом в третьем лице шелестеть решил? Наверное просто вырвалось по не осторожности, оговорочка, так сказать, невольная, можно и продолжить в том же духе, а коррективы чуть позже внести, изловчившись – приготовившись. Не том и порешим. А пока представим, будто я о себе говорю «за кадром». Полное право, кстати, имею. Как в той популярной многосерийной, где мгновения «свистят они, как пули у виска». Там в рамке действует наш всенародно любимый шпиён, а мысли его, намерения, ощущения то и дело за кадром расшифровывает голос еще одного всенародного артиста. Вот и воспользуемся аналогичным ходом: «он» это – «я», но я «от автора» о «нем» т.е. «о себе» в третьем лице из-за кадра... нет, из-за страницы, словом одна морковка. Лады? Эх, вы, лица – ипостаси!

Так. Теперь вполне логично у посторонних присутствующих возникает недоумение, а кто вообще – то «я»? И следовательно «он» тоже? О ком вообще речь. Кто говорит? Предвидел, предвидел, справедливые вопросы, да и аз не ано-

ним коварный, но вполне конкретный индивидуум, и враз бы представился, мне скрывать нечего, однако вот вам баечка небольшая: некоторое время тому назад случилось покорному слуге вашему подвизаться на ниве провинциальной журналистики, в качестве корреспондента городских газет. Служба, как служба, не хуже, не лучше других, давай материал о чем указано и в срок, ничего более. Заметки и статьи свои подписывал я двумя псевдонимами. Почему двумя? А по числу рубрик, которые вел. Обзывался я то Паша Волгин, то Гоша Окулов. Оба два этих персонажа блистали на страницах газетных присушим, по словам коллег, и мне «оптимистическим цинизмом», от души веселясь в процессе создания писанины и находя сие единственным своим удовольствием. Потом время прошло, я эти имена практически забыл, но с недавних пор стал замечать, что в документах моих, в паспорте прежде всего, происходят странные метаморфозы. Раскроешь ненароком аусвайс, глядь а в строке соответствующей, вместо моих законных ФИО Гога красуется. Или Волгин коварный возникает. А фото в те моменты мутнеет и шиш разберешь, кто там на самом деле изображен. Захлопнешь корочки, вновь развернешь – порядок вроде бы, несколько раз повторишь процедуру, нет в помине парочки треклятой. А потом вновь наведываются. И опять тишина и покой. Я – то до этих трансформаций ни разу не лицезрел портретов своих псевдонимов. Но однажды увидев, сразу догадался и, что это именно они, и кто из них есть ху. Физио-

номии очень с моей схожу, но вот чем именно, определить я не в силах. Нечто неуловимое общее сквозит во всех лицах, только решишь про себя, да, мол, ничего общего, а в следующий миг – бац – и начинаешь себя узнавать, в деталях, в штришках ничтожных, а потом... И главное, момент их появления в документе, не вызывает удивления у тех, кто, кроме меня по случаю туда пялится, ну, гаец, кассир, кто там еще? Лупят себе зенки бараньи в самую наглую ахинею, и как ни в чем не бывало возвращают в итоге ксиву, мол, порядок, всего доброго. Словом, милые, умные, добрые люди. Пользуясь случаем, уведомляю всех вокруг, что в повествовании своем постараюсь никогда не забывать о перечисленных выше качествах и употреблять иные лишь вкупе с оными, либо с их синонимами. А к выходкам Пашки с Гошей я привык и плюнул было на них вовсе. Кто знает, возможно лишь мне их выкрутасы мерещатся? И тут же мне казаться стало, что некоторые проницательные посторонние все-таки поглядывают в мою сторону с некоторой ухмылочкой потаенной, с немым вопросиком ехидным или с советом паскудным, вроде: что ж ты Паша с секретаршей аналитикой страдал или Гоша, дурень, бабам ушлым добровольно не строчи. Однако же все перечисленное не причиняет мне беспокойства, даже забавляет порой. Ведь, как не зови, а я во всех трех случаях это я и есть. Вывеска меняется, суть ни-ни. Путаница, правда, возможна, однако же без булгаковщины, господы – товарищи, без булгаковщины. (И да пребудет клас-

сика неприкосновенной и почитаемой!). Это просто взбрык, флуктуация ментального пространства. Чего только в мире не происходит! Но все же не хочется лишний раз упомянутое пространство зазря баламутить, и, ежели там гуси имеются, зачем же птичек смелых попусту дразнить? Еще отмочат чего похлеще. Имею же я право на примитивный эзотеризм, не выходящий за рамки бытовой демонологии и не отнюдь не тревожащий основных положений ортодоксального православия. И потому, с учетом вышеизложенного, себя, дорогого, я буду величать старинными, вузовскими еще прозвищами: Длинный и Слесарь. О происхождении сих наименований позже, а возможно и вовсе не стоит. Есть и есть. Баста. А сейчас, с терминологией разобравшись слегка, вернемся в русло литературного процесса, где и пребудем в дальнейшем, где нам, убежден, самое место. И пусть не смущает мнительных некоторая моя велеречивость. Суть высоко-го штиля, коим произведение означенное создано, состоит в предварительном и основательном засорении и даже, пардон, загаживании читательских мозгов с последующим высеиванием на удобренную почву рациональных зерен полезной информации соответствующего эмоционального накала в надежде на адекватные всходы, где «не найдется плевел среди новых злаков».

Стоп. А почему, собственно, «с него хватит?». Силы иссякли, а? Сил, как раз, навалом, и опыт впору молодым передавать. Но нет ни желания, ни смысла. Эта доля жизни

прожита безвозвратно. Оттого и дергаться в означенном направлении без пользы. Даже, если начнешь вновь, только хуже сделаешь, ибо бросишь все на полпути. В тупике нет пути вперед, а он дожил именно до тупика. Тупо ходить в должность, отбывать трудовую повинность за приличное вознаграждение, пенсию зарабатывать? Жизнь убить за пенсию? Тогда имеем полное право, уверяя кого-либо в чем-либо, использовать в качестве клятвы – честное проститутское. И только так. И не кривите мурло свое одухотворенное, блюдите честность, смотрите этой бляхе – правде прямо в ее бесстыжие зенки. Вот оно, счастье? Призвание? Постыло подобное существование и прогоркло. И организм реагирует солидарно, точно чугуном отекая, ни туда, ни сюда. Он прекрасно знал это свое состояние, когда никак себя не заставить рукой – ногой шевельнуть во имя служебного долга или насущной житейской необходимости. Когда все части тела, включая самые интимные, казалось, вопили в пространство: «Да пошло бы всё к...!». И любые страхи пред неизбежным финалом и возможными экзекуциями – последствиями были бессильны. Просто ресурс иссяк. Ресурс оправдания собственного малодушия каждым последующим действием. И деньги тут бессильны, и доводы житейского, мелочного, цепкого и приземистого разума. Неужели непонятно кому – то еще в подлунном мире, что дело ради денег и только, неизменно тебя сожрет и превратит в тряпку, если не сбежишь вовремя. В любом деле необхо-

дима стоящая цель, А она без конкретной идеи невозможна. Он не смог сдержаться и усмехнулся вслух, во, наоборот! Не много ли ты требуешь от своей конторы? Гадюшник, не более того. А ты – идея, цель... Еще об ипостаси сморозь чего-нибудь. Правильно его ненормальным порой считали. Поделом. Не положи честной народ. А то по мнению сторонних наблюдателей не ты уйдешь со службы. А тебя вышибут по «горбатой» статье за пьянку и разврат на рабочем месте, что порой действительно имело место быть, верно? Как у многих и на каждом шагу? Конечно. Но они не выеживаются и ведут себя, большинству подобно. А ты выеживаешься, хочешь чего – то непонятного, и, значит, вполне возможно, опасного для нормальных граждан. По их мнению ты и сейчас просто валяешься с похмелья и встать не можешь? А философом накрутил, точно мир рухнет через сутки, Плиний – средний какой выискался. Сам же о себе плел, что

Я вообще – то недотрога,
Только пью довольно много.
Уж такая это роль,
Над собой терять контроль

Ладно, что о нем подумают, наплевать и растереть, уже все, что можно и что нельзя, подумали и неоднократно, пока он жилы рвал, карьерно рос, хм, на карьере, а где же еще ему расти без лапыволосатой.? И хмыкнули двусмысленно... мол, от кормушки на вольные хлеба? Странненько, стран-

ненько... Что-то здесь не трали – вали. В скоморохи, значит? Ах, да, он же еще и стихи, окромя гитары. Да – да, публикации, книги. А скока гонорар за публикацию в газете? А в журнале? Нискока? А зачем тогда упираться? Интересное кино. И поджали губки девочки от секретаря директора до врачей, подружек жениных, незамужних в массе. А одна, вся такая из себя разумная выдавила чуть свысока, дескать, я бы никогда, если бы мужик, денег не имея... Вроде бы и не конкретно, а на самом-то самом... Господи, лапочка, да у тебя и так, и этак, а никого поблизости и в проекте не наблюдается, тебе впору из секс – шопа не вылезать, мелким оптом закупая... Зачем ты пашешь круглые сутки: подработки – консультации – дежурства – мужурства, ну, едешь по загранкам, а все без толку, умница – умницей из воляжиков взад летишь, еще умнее себя прежней, счастье твое в чем, пчела, ты, лошадиная? В общем, проехали. Только вот история одна вспомнилась, из жизни.

Открылся в одном средней паршивости и такого же уровня достоинств городке первый магазин сексуальных принадлежностей. На дворе девяносто четвертый, благословенный, все этакое народу еще в дикую диковинку. А главное, прежде в секс – шопе этом вино – водочный располагался. Прикиньте теперь реакцию постоянной клиентуры, явившейся с утра за лекарством. Хорошо еще, что хмельное зелье не исчезло бесследно, а за угол переехало, два шага и налево, во избежание социального взрыва сиречь народного гнева. Рожден-

ный пить, согласно мудрости народной, любить не может, алкашам эти примочки силиконово – латексные «до лампочки», а жертва Бахусу – обязательна и жизненно необходима. И вот по прошествии нескольких дней после открытия на пороге экзотической лавки возник веселый такой парень, лет тридцати, рыжий и непосредственный, стремившийся, как выяснилось, по старому адресу водочки местной прикупить. Местная ликерка, выпускаема будучи в ограниченных объемах, отличалась завидным качеством и пользовалась спросом у знатоков и ценителей. Посетитель наш так торопился утолить жажду, что и на вывеску новую внимания не обратил, чего там на неё пялиться, сто лет в обед, как висит. Рванув дверь, он устремил взгляд в торговый зал и в ужасе отшатнулся. Колокольчики, коими была оснащена входная дверь для того, чтобы продавцы не дремали, вначале звякнувшие радостно и призывно, на повторное, реверсивное движение потенциального клиента отозвались с недоумением и тревогой. Однако в следующее мгновение за прилавком, словно из воздуха, возникли две милые девушки – продавщицы, брюнетка и блондинка, Дафна и Хлоя. Далее, как в песне, «там, на шахте угольной, паренька заметили, руку дружбы подали, повели с собой...», за тем, конечно же исключением, что не на никакой не на шахте, а в секс – шопе, примерно следующим образом: «там, в секс – шопе новеньком, паренька заметили...». Недоразумение разъяснилось в считанные минуты, парень ошарашено тарасился

на непривычные орудия любви, о чем – то спрашивал, девушки отвечали, как могли. Оказалось, что и они всего лишь неофитки – дилетантки секс – индустрии, и далеко не всем разобрались. Тут одна из продавщиц признала в парне одноклассника старшей своей сестры, от чего общение существенно потеплело, а доверительность беседы достигла точки принятия решения. Какого? Извольте представить: клиент осведомился, много ли посетителей удостаивает вниманием новый храм любви? Получив в ответ справку, что клиентов так, не очень много, а к вечеру вообще скукота, он быстро сориентировался и внес в диалог конструктив в виде предложение сбежать за шампусиком и отметить это дело, и вообще выпить за встречу – все равно никого нет – чего зазря сидеть – мне ведь спешить некуда, как и вам. Согласие прекрасных девиц было молниеносным. С принесенной вскоре, веселящей сердца и души, продукцией, парень переместился за прилавок, оказавшийся довольно высоким со стороны витрин. Там можно было вполне комфортно расположиться на коробках с фаллоимитаторами и не маячить, в случае чего, перед возможными посетителями. Дело пошло. Парень оказался опытным и подкованным в кутежах, он купил, кроме шампанского, водку местную и ликер прибалтонский, знаменитый прежде, а на закуску – банановый зефир в шоколаде, девахи были, в свою очередь, крепкими и грамотными, после шипучих вин они предложили, следуя правилу запрета понижения градуса, раскатать ликер

с беленькой, перейдя, наконец – то, к серьезному застолью...
...Сторож, пришедший в магазин к закрытию обнаружил в подсобном помещении почти античную скульптурную группу из трех полуобнаженных тел, причем обнажение присутствовало у всех троих преимущественно снизу. Рука новоявленного Адониса была оснащена неким приспособлением для любовных утех, рука же Дафны, скажем, покоилась на его природном приспособлении. Хлоя, тоже очевидно стремилась к заветному органу, но силы оставили ее и она бессильно опустилась на пол рядом и вырубилась в процессе освобождения от блузки методом раздиранья оной на груди, подобно тельнику моряцкому.

Ну, хорошо, улыбнемся, а куда далее? Как куда? Далее, друзья, настоящие которые, старинные, кореша, тоже скривились, узнав о том, что их общий, близкий, братан, ополумел наверное и решил сменить прочный фундамент на шаткие подмости. Чего удумал – то, говорили они его супруге в телефонных беседах, песни сочиняет, стихи пишет. И до сих пор некоторые, особо упертые на его благополучие материальное, дабы смог все-таки им долги вернуть, позвякивают жене, сокрушаются неравнодушно. Да и ему нет – нет, а намекнут по пьяни, ну, пишешь и пиши на здоровье, причем тут работа? Он на подобные тирады и реагировать перестал. Вероятно от восхищения, насколько же доброжелательные и чуткие люди его окружают. Недавно вот случилось ему зуб потерять, по причине пародонтоза, правый

верхний резец, и остаться щербатым, оделяя время от времени своих оппонентов откровением новой, разбитной улыбки. Это происшествие, ему самому показавшееся вполне логичным и не стоящим до поры внимания, вызвало бурю сочувствия в стане близких и друзей. Есть такой вид сострадания с оттенками возмущенного неприятия и легкого отвращения. Все, от супруги и сестры до дружков-приятелей дружно пошли в атаку на образовавшуюся в улыбке брешь, агитируя обладателя вульгарного оскала немедленно ликвидировать дефект. Надо сказать, что на этом фоне, лояльнее всех выглядели дети, точнее, его сынок и дочка одного знакомого поэта. Мальчишка, узрев отцовскую ощеренность впервые, захохотал весело и безобидно, и почти восхищенно крикнул: «Ну, батя, ты теперь и деревенщина!». А девушка, впрочем, какая – такая девушка, вполне привлекательная молодуха двадцати семи лет с дочкой на руках, окинув его непростым, змеиным взором, выразилась в том духе, что только зубешник вставить, и мужик будешь, хоть куда, и шнурки мои, ох, совсем не зря бояться, мол, я тебя клеить начну. Вот она, власть здоровых стереотипов! Даже близкие просто не могли и не хотели воспринимать его в иной ипостаси, кроме привычной. А его самого все более и более преследовало навязчивое ощущение, что почти двадцать лет жизни прошли практически впустую, что он зря терял время на ненужные на самом деле ему занятия, оттого – то и опостытели ему окончательно и бесповоротно все эти, как он

их называл, «железяки». И настолько стало осязаемым ощущение бессмыслицы, где если и было нечто стоящее, так это стихи его только, что пришлось писать во самоуспокоение «Презент тоскующему ровеснику».

Мыслишку в общем-то простую,
Не торопясь, перевари:
Коль двадцать лет прошли впустую,
Тебе от силы двадцать три,
А прочих не сыскать в помине,
Видать, склевало вороньё...

Эх, дяденька, эх, тетенька, оглянись вот так порой, ищешь – ищешь, чего ж там в прошлом, в пройденном, хорошего – то было? А получается, если без вранья, по гамбургскому по счету, пара – тройка молодых лет, еще не вполне отягощенных подлостью и не отравленных предательством идеалов и мечтаний, озаренных настоящей молодой любовью, искренней и свежей, как раз совпавших с агонией Союза Советских, да виршей несколько книжек, изданных практически чудом. За одну еще все денежки не отданы. Дети? Да, безусловно, детки – чудо, без вариантов. Главное – чада любви. Супруга, по сути – друг настоящий. Пусть по – своему, но... Никто так и не умеет более любить и дружить. На износ, порой, но ведь так оно и нужно. Прежде всего тебе самому. Счастье в чистом виде. Но, с учетом существующих обстоятельств и условий, смог ли он стать настоящим

отцом? Вопрос, и еще какой...

Ты, братан, совсем ополоумел. Оглянись вокруг. Атмосфера ему повседневная не по нутру пришлась! Скажите пожалуйста! Да сейчас самая что ни на есть и атмосфера! Все в твоих лапах. Давай, еще времени хватает. Воспрянь, замути поганку какую- никакую, полезную. Под лежащий камень вода не того, а ты вон валяешься на продавленном клоподроме, обленился. Обломов. И Обломов – то желчный, склочный. Не наш ты Обломов. Не наш. Не ндравится в провинции? В столицы подайся. Есть же люди, выбравшиеся в центр из нор глухих. И ничего, как никак устроились. Причем тут стихи? Речь о серьезных делах. Хата в столицах сколько стоит? Правильно. Вот и паши, знай. Станешь еще человеком, лет через... Просто тебе перемены в жизни нужны. «Перемен!! Мы ждем....».

Да пошел ты... Тоже мне сестренка нашёлся. Братан! Брата – а – ан! Ты еще скажи – детей нужно на ноги поставить... Хоть и нужно конечно. А насчет перемен... Когда – то, на исходе мутных восьмидесятых мы желали перемен по-настоящему. Каких угодно, лишь бы перемен. Правда культа из одноименной песни не делали. Смысл? Песенку поем, а в остальном... мы же не бараны. И маргиналы среди нас практически не водились. Обычные шалопаи, кто похуже, кто получше. В среднем – терпимо. Иной коленкор – хэмингуэевско – ремарковский цитатник, кокетство и бравада, весьма инфантильные по сути игры в потерянное по-

коление на фоне всеобщего нарастающего сумасшествия... Игры с применением алкоголя в особо крупных размерах. Это было. Как средство создания соответствующей атмосферы. Но, опять – таки, грешили таким образом не все подряд, далеко не все. Просто жизнь в середине восьмидесятых стала не просто странной, но уже порядком сумасшедшей. Борьба за трезвость, как всегда повальная, атомная катастрофа, крушение теплохода, кооперация, жрать нечего, не воруешь – только существуешь... Остонабрыдлые комсомольцы и партийцы, еще бьющие копытами, готовые нестись вскачь к новым свершениям, к нагромождением лжи и несурязиц во имя блага народного. Позже, как пример подобных взбрыков, грянула программа «Жилье – 2000», тут же переименованная массами в «Жулье-2000».. Каждому нуждающемуся по хате к новому тысячелетию! Звучало, точно «каждому по харе». Спасибо, хоть не в прямо в коммунизм, как на известном съезде решили когда-то... Мы не знали толком, как хотим жить. Знали одно – только не так как живем. Той жизни мы не хотели ни в какую. В той жизни мы научились ничему не верить. Ни во что не верить. И практически никому. И неверие стало религией для многих и многих, даже если сегодня они с трудом помнят, чем занимались в годы юности туманной. Глушили портвейн и не только, дрались, бывало, с отдельными лицами и целыми коллективами, бренькали на гитаре, любили девчат, учились хаять окружающую реальность, обнаруживая на каждом шагу несурязи-

цы и полное отсутствие разумной логики в повседневном существовании. Повторяю, мы предпочитали в основном протесты алкогольного характера. И практически ничего более. Ах, насколько все «романтишно» было! Кого сейчас этим удивишь? Кому нынче сие интересно? А вот у меня кореш был, царствие ему небесное, славный парень, ловкий, оборотистый, хваткий, так он, после защиты диплома в вузе, полусуто – полусерьезно предложил: «Старик, айда бомжевать! Не – е, не уподобляясь обычным доходягам. А просто жить вольными скитаниями, и королями бомжей. Такую кашу заварим! В полном шоколаде будем, к «бабке не ходи!». Я тогда послал его, тоже со смехом, а сейчас, в сердцах, нет – нет, а скрипну вроде опять шулки ради – да лучше бы я тогда корешка послушал. Это получается через два с лишним десятка лет все «вернулось на круги своя» – лишь бы не так, как сейчас? Диалектика.

Слышь, ты, гегельянец – кантианец – позитивист, а по – настоящему – скрытый берклеанец, не иначе, сколько можно базарить сам с собою, да еще за автора успевать? Ишь, раздухарился. Нигилист. Верить ему не во что. Вот тебе храм. Веруй в бога! Да, это нелегко. Лишь идиотам кажется, что явился в церковь, попросил всевышнего о даровании того, сего, пятого, десятого, свечку воткнул и адью. Дело сделано. Наша вера – тяжкий крест, как ни странно. Впрочем странного здесь ничегошеньки нет. Ты попробуй и все сам поймешь. Просто верующему искренне труд сей не в тягость,

а в радость. Главное – поверить. Но право поверить дается не всякому, заслужить его надо. А как?

Ладно. Ладно. С последним утверждением спорить трудно. И не стоит. Только уверуй во что ни будь беззаветно. И все – пропал – никакие отговорки не помогут. «Вперед, заре навстречу...» «Я смогу, я все на свете смогу...». «Плавали, знаем». Сами такими были. Точно в игрушечки играли. А игрушечки – то взрослые, сурьёзные, за них дяди – тети друг другу головы откручивают. А ты знай играл – наяривал... Победы трудовые одерживал. Обеспечивал выполнение, так сказать. Как нас прежде учили: «Если хочешь выполнить задание, найдешь любые пути и средства, если не хочешь, найдешь любые отговорки». Красиво сказано. Спору нет. И что? А ничего. Чуть устал, начал пробуксовывать, заглобал, ну, и дали по сусалам. И обгадили с головы до ног. Да ещё с аморалочкой подставили как следует. Хоть и не прежние времена, а все – таки... Стыд – позор еще никто не отменял. И представьте себе, подломали бравого паренька. Спекся. А того и нужно было. Вот тебе и вера безоглядная, и совесть трудовая, и ...А – а – а...

Самое страшное, что ничего особенного не произошло. Самая большая трагедия в полном отсутствии таковой. Утрись и живи далее, жизнь еще никто не отменял, поэтому

Если, выпив горсть феназепамы,
Вы на утро потянулись всласть,

Значит ваша жизненная драма
И вчера, увы, не задалась

А то, все происходящее с ним в первые, человек любой склонен оценивать, как нечто исключительное. Сидим мы это в слесарке, на исходе вечерней смены. Чай пьем с бригадиром, пока мужики «мотаются», рукава, баллоны уносят, «качайки» волокут, весело матерясь, смену хорошо сработали, охладитель газов на третий конвертер водрузили, а в охладителе двадцать с лишним тонн. Я оттого и остался в вечер, что дело- то нешуточное... Да и люблю я такие монтажи – сразу результат виден. А то мастер на смене молодой, мало ли... Тут и вбегает к нам этот самый мастер. Глаза по пятаку, слюна летит метра на три, от крика. Что случилось? Да как же! Охладитель четвертого «гавкнул», на седьмом блоке трубки порвало, хлещет на конвертер!... почти в горловину! Надо срочно... Щас хлопок может быть, мало не покажется... Выслушали мы оратора нашего, переглянулись со стариком – бригадиром. Оценили ситуацию, смачными эпитетами монтажными, и, закурив, продолжили беседу. Мастер, (мальчишка, только после института, второй месяц на работе) посмотрел на нас оторопело, и чуть не визжа, начал по – второму кругу сообщать, да еще укоризны добавил, чего это мы сидим такие – сякие. А бригадир, окурка изо рта не извлекая, и говорит: «Максим Андреич, чего ж на место бежать, там сейчас парит нещадно, ни рефрена не увидишь.

Вот давление сбросят, воду на пульте СИО перекроют, тогда милости прошу. Авария и авария. Все, что могло случиться, уже случилось. Конвертор поди уже повернули, чтобы в горловину не лилось. А вы бы лучше мужикам сказали, что бы один пост да сварку оставили на отметке». И вздохнул уже вслед уходящему молодому: «Эх, мальчуган, не суетись. Жена вот, говорят, у тебя молодая- красивая, вот об ней думай, да её люби. Пока не поздно».

Кстати, насчет жены. Вернее, тещи... Ну, в едином лице конечно тоже. Вы можете представить себе очень даже крепенькую и все такое при всем, извините, женщину забальзаковского возраста, действительно уже в статусе второй мамы своего зятя, которая вручную, ножовком по металлу, распилила рельсы древней узкоколейки, совершенно поганившие только порлученный ею дачный участок. Фазенда стандартная – шесть соток, рельсовое полотно на хоть и гнилых, но шпалах, сечет новое родовое гнездо почти по диагонали, вторгаясь справа от предполагаемого входа и уматывая внаглую на противоположный край, аккуратно через плановое место для постройки уютного домика. А теща все это вручную и уханькала. Где столько полотна ножовочного достала? А я ей сходу заводскую упаковку подогнал. Не ей напрямую, конечно, а зятю Андрюхе. Мы трудились вместе мастерами. Он однажды, в отпуск сваливая, попросил упаковку полотен для себя. А у нас с дядей Жорой на участке в кладовой сие добро как раз имелось. И в немалом количестве, уж будьте любез-

ны, по случаю запаслись из разбитого контейнера на МТО, при впечатляющем уже в ту пору качестве. Андрюха отпуск отгулял себе, а когда о вновь на службе нарисовался, я между делом со смехом вякнул, мол, пригодились пилки к делу? Все съел или осталось малость? Он говорит, мол, теща все захапала а зачем не ответила, надо и все. На здоровье, говорю, пусть играет. И забыл об этом, прямо сразу из башки вон, и понеслось – дела, делишки, не до загадок. А месяц спустя коллега мой явился с той же просьбой. Вид имея при этом малость придурковатый, ошарашенный и неловкий. Оказалось, сегодня с утра теща звонила и просила еще столько же полотен выслать. Это ж старого образца упаковка, там их мама дорогая сколько, не сотня и не две... Дурдом! «А те, что ты выслал на прошлой неделе, они давно уже съели?», —

спрашиваю. И вслед за Андрюхой мозгами чуть потек. А вышло – проще пареной репы. Тесть всему виной. Он заявил, когда «мама» ретивая на участок с нуля прицелилась, что ноги его рабочей на кулацкой усадьбе не будет. Сама ковыряй землю, зазнобушка вечная, коли мудрее все, а у папы гараж сдвоенный, плюс охота, плюс рыбалка. И шабашки по графику вне оногo, когда расколотит клиент коня своего аварийно. Да, занятой тесть оказался. А ведь на заводе смолоду сварным трудился, и газом резал классно. Все виды кузовных работ, в общем. Мужу цены не было. Король, трудящийся король.. Аппаратура у него понятно где размещалась, в гараже, по месту основного применения. Казалось бы,

погрузи газовый пост в багажник своего «каблучка» и... полдня работы с перекурами... Да? А дорога где? Спасибо, если сие дорога, то ведет она не куда-нибудь, а прямехонько в «санту вашу барбару» через «беверли шмать хиллс». Уж точно. И как туда с резаком и баллонами явиться. Да еще в брезентухе сворного и со щитком на башке?! Позорище! Давай инструмент парадный, фрак для огневых работ, белые рукавицы.... в грязном и с грязным по грязи не поеду... ругань, дым коромыслом, вскипели мама с папой, рассорились вдрызг и почти уже было развелись... Но тут папе поплохело, а мама конечно не растерялась, вызвала скору... выписали мастера со временем из стационара, но с условием непременно только легкого труда, с серчишком уже на «слабо» не схватишься. И отправилась жена, мама и теща, на желанную латифундию. Стала пилить – попиливать. И полотен зятя выпрашивать. Андрюха пытался ей втолковать, что и он конечно поможет, вот приедет в следующий отпуск, а пока подождать надо... И гаркнуло – рыкнуло ему в ответ разгульное волжское эхо... И воцарились в семействах праведных прежние совет да любовь. А распиленные рельсы встали столбами в изгородь поместья легендарного. Что? Не. Шпалы просто пустили на дрова. Металл торчком, древесю в труху, в дым, а люди тем временем крепчают. Но остеохондроз свой мама все – таки взлелеяла, из начальной стадии в куда более солидную.

Нет, вообще – то надо прекращать с самим собой беседовать. Уже и от первого лица начал вещать. Разстроение (и даже более) личности. В перспективе что? Если это и рефлексия, то вывернутая на изнанку. С годами как-то спонтанно исчезли некие опорные жизненные конструкции. Взамен – неуверенность или более того – полное отсутствие веры в собственную возможность начать уже пройденный путь заново. Ибо начат иной, неведомый, зыбкий, и уж точно не меркантильный, никак с материальными выгодами не связанный. Творческий, язвы его, вот ведь, а... Но об этом не сейчас. Вот, как раз неверие в собственные силы, в частности на житейском поприще – фактор решающий. Впрочем, есть немало примеров, когда излишняя уверенность в собственных силах, излишнее доверие самому себе, своим расчетам и выводам тоже ни к чему хорошему не приводили. Чуть зазевался, не перепроверил себя, и... пожалуйста бриться, в смысле – приехали, аут. Даже в самых, казалось бы, безобидных ситуациях.

У меня приятель однажды с работы рулил слегка поддатый, ну так – прилично, во лбу наверное побольше поллитра играло, а во дворе (дело было зимой) пацаны в хоккей с мячом гоняли. Уже свечерело, свет только от фонарей, видимость сомнительная. Двор конечно же в снегу, то есть сугробы там, где им и положено быть, а дорожки свободны. Идет, значит, приятель мой по дорожке, и краем глаза замечает, что у мальчишек мячик красный отскочил к сугро-

бу. Он не долго думая, пока паренек, посланный за мячиком, не приблизился, повернул в право, и с разбегу закатал из всех сил ногой по мячику, вот как мы ещё молоды!... Он ничего не почувствовал, поскольку сразу отключился от болевого шока. Очнулся в приемнике горбольницы, когда его травматолог осматривал. Диагноз- перелом трех пальцев. А штука в том, что он в полумраке принял за мячик металлический шар, венчавший стоечку турникета газонного. Турникет низенький, весь под снегом скрылся, а шар, приваренный к стойке и красной краской окрашенный, из под снега торчал. Так приятель, вводя мяч в игру, себя из игры надолго вывел. Опять – таки в детстве мы часто забавлялись, насыплем в коробку от торта песка или, того хуже, камень приличный туда спрячем, и, оставив её лежать на дороге, из укрытия (да просто из – за угла) наблюдаем, врежет по ней прохожий или мимо пройдет? Осечек практически не было. Любой мало – мальски уважающий себя мужик, не мог отказаться от удовольствия как следует приложиться ногой по картонке. Что было потом, объяснять излишне. Смех-то смехом, но аз грешный совсем недавно, идучи по тропинке между гаражами, увидел на пути своем небольшую, на вид еще крепкую коробку из под обуви, и, усмехаясь, уже прошел было мимо... Что потом со мной произошло, до сей поры понять не могу, но сделав несколько шагов,, я, неведомо почему, развернулся, чуть подался вперед всем телом и с легкого разбега все же ту коробочку пнул.... Обувь, слава бо-

гу, хорошая была. Моя, то есть, обувь. Подошвы у ботинок толстые, пальцы я уберег от перелома, но хромал неделю, ибо ушиб основательный получился. Оно и ладно, ведь любой нормальный представитель пола мужеска, до самой старости, до последних дней, должен в глубине души оставаться пацаном. Иначе ты и не мужик вовсе. Вот я и остался таковым. Странно, что подобное качество многие путают с обычным легкомыслием.

Была в детстве одна забава, общеизвестная конечно же... Помните, к обычному кошельку мы привязывали крепкую нитку и кошелек тоже на дороге бросали, после чего прятались неподалеку. Прохожие, наклонившись за возможно ценной находкой, поначалу не успевая удивляться тому, что кошелек от них уползает, принимались его ловить, семена следом. И лишь через несколько секунд, если не плюхались в пыль или в снег, прозревали, выпрямлялись, и, озираясь по сторонам, сотрясали окружающее пространство самыми что ни на есть красочными выражениями, коих на бумаге воспроизводить не стоит. А уж, когда плюхались!... Смешно. Тогда нам было очень смешно. А сейчас мне кажется порой, что два десятка лет своей жизни я пытался схватить такой вот уползающий кошелек, а когда сообразил, выпрямился в рост, и осмотрелся, – понял, что и за ниточку – то я сам тянул. Вот так. А когда народу кругом – не протолкнуться, это занятие становится довольно рискованным. В толчее чего только не бывает. Увлечешься чем-либо, в азарт вой-

дешь, тут тебя и накроют. И кошелек отберут. Или наступят на него. Или нитку оборвут. Возможно и без умысла, случайно, а разницы нет никакой, нечаянно или намеренно. Результат во всех случаях один.

Увлекаться и спешить в повседневье особенно противопоказано. Ехал как – то раз батя мой на электричке из Питера. Народу в вагонах полным – полно, пятница, люди на дачи ринулись. Однако папаня, поскольку к самому началу посадки уже на перроне оказался, успел свободное место занять, присел у окна. Напротив расположилась бабушка – старушка, державшая на коленях коробку с тортом (да – да, вновь – коробку! – предмет почти сакральный получается). А остальные четыре места были заняты шумной компанией мужчин среднего возраста, везущих с собой весьма разнообразную кладь, от пышного, внушительного, цветка в горшке, до удочек и спиннигов. Что интересно, среди прочего также торт присутствовал. На полке, над окном, куда мужики сразу погрузили несколько сумок, оставалось совсем немного места, и один компанеец со словами, мол, чего вы мамаша тортик на коленях держите, мягко так, вежливо, забрал у бабушки коробку и поставил его на полку, рядом со своей. Бабушка в ответ покивала благодарно, улыбнулась, и поезд тронулся. Мужчины шумели в меру, играли в карты, но не всерьез, небрежно, травили анекдоты, в общем весело коротали время. В итоге они его так скоротали, что едва не проехали свою остановку. Вскочили, засуетились, похватили скарб

кое – как, в том числе и свой торт, и были таковы. А минут через двадцать и бабушка засобиравалась в тамбур, на выход. Попросила он папаню моего коробку с тортом снять с полки, что и было исполнено. Глянула старушка на коробку, и охнув, плюхнулась обратно на скамью, с которой только что встала. Батя глядит, а дело – то плохо, бабка побледнела, валидол из сумки вытащила, на глаза слезы навернулись. И на недоуменный вопрос, что мол произошло, сокрушенно поведала, что попутчики не свою – её коробку схватили впопыхах. А бабушка в той коробке везла к себе на дачу умершего домашнего кота, дабы предать любимца земле честь по чести. А теперь вот, как же Барсика её найти? И кто же его теперь похоронит прилично? В данной ситуации справедливость усматривается только в том, что и мужички, мертвого кота в коробке утащившие, славно чаю с тортом попили. Особенно, если женам да детишкам торт везли. Словом, спешите, граждане, и воздастся вам непременно и вскорости.

К чему это все? Банальщину ведь несешь, корешок. Может и банальщину, да от чистого сердца. И к тому, что «не твоё, не лапай». А то начнешь себя накручивать, мол не упускай шанс, шевелись, хватай мешки, вокзал поехал. Сцапаешь этак вот нечто вакантное, сладенькое, манкое, и вроде бы все хорошо. Ан нет, не хорошо, а совсем наоборот. Выясняется вдруг – не свою сладость урвал, и хоть слопал без остатка, и вроде не без пользы, ощущение такое будто дохлую крысу проглотил. Чужие шансы, чужие радости ни-

когда не сделают тебя счастливым. Сколь бы ты не пытался обмануть сердце и душу. Себе не совершь. Взять того же ко-та, только живого, попробуй – ка, накорми его насильно. Да он, даром, что маленький, четырьмя лапами упрется, и тут уж убить его легче, чем заставить молоко лакать, ежели нет у него на то желания. У людей точно так же. Если «желают тебе добра» против твоей воли, никакое это не добро. Это горе сплошное. Зло. И, хоть мир тресни, только так и есть, и будет. Вот вам лучшее лекарство от зависти. Только очень немногие им пользоваться умеют. Просто надо четко различать, что твое, тебе жизненно необходимое, а что – абсолютно чужое, и значит – тебе безразличное. Тогда и получается: «Дорогой, поделись секретом, как ухитрился столько лет на земле прожить?». «Э, друг мой, просто я никогда никому не завидовал!». Да только вот пойдя, попробуй так – то. Трудновато получается.

Интересно, а может я просто – на просто лох? Обычный такой, стандартный лох- олух. И все дела. И все неурядицы от этого. «Нет, парень, ты совсем не лох. Даже наоборот. Просто ты немного рассеянный. О своем думаешь – гоняешь лишку, вот поэтому и попадаешь иногда известно куда», – так мне ответил однажды один весьма непростой человек довольно трудной судьбы и очень сомнительной профессии. И был, кстати, во многом прав. В точности как у Довлатова в «Заповеднике»: «Еще один негодяй застал меня врасплох. Вечно я не успеваю сосредоточиться.» Ну, с негодьями лад-

но, сам не ангел (куда там – клейма негде ставить!), а вот о готовности к внезапному изменению ситуации, все верно. Осознавать в каждый момент времени, что «... весь мир идет на меня войной», очень неприятно, точнее неуютно, и оттого весьма деструктивно. Экзистенциализм, фитюля французская... Один мой знакомый боксер, к слову, классный боксер, говаривал частенько, что он, де, практически всегда к нештатным ситуациям готов, без лишних эмоций, без нервов. И по этой причине бояться ему нечего и некого. А вот опасаться он научился, дабы успеть выйти из любой катавасии с честью. Правда сия философема жизненная сыграла с ним злую шутку, на мой конечно взгляд, – близких людей у него не было. И дружбу водить он не умел. Общался кое с кем на взаимовыгодной основе, не более. Эмоции контролировал, что в общем похвально. Многие даже завидовали, сильный, мол, парень, своего не упустит, и чужое урвать сможет, ежели что. (К слову говоря, на своем хваленном прагматизме он несколько раз хорошо прогорал, в довольно благоприятных, для того, « чтобы все олл райт в итоге», условиях) Тускловато все – таки. Особенно с учетом, «... а кто и своё урвать вовремя не умеет, – слабак. Хлюпик. Человек должен быть сильным.» Слышь, ты, да – да ты, сей тезис только что утвердивший – припечатавший, тебе – то человек ничего не должен! Ничего никто тебе не должен!!! Сильный, слабый... Дважды два – четыре... А кукиш с маслицем не желаешь? Ишь, насколько все у нас просто и понятно. А со-

всем, увы, непросто, и далеко непонятно. Проклятая привычка распределять безапелляционно «кто более для матери – истории ценен». Кто? В частности, слесарь – ремонтник дядя Жора, мастер на все руки, умелец Божьей милостью. Сказка, а не человек. И жнец, и швец, и на дуде игрец. Надежный как танк Т – 34, которым он в армии управлял. И добряк редкий, несмотря на грозный вид, и манеру жутко ругаться ни с того, ни с сего. А что ни попросят – сделает в итоге, да так, как никто в округе не сможет. От печки – буржуйки гаражной до электропечи в цехе, от швейной машинки до сантехники, от движка автомобильного до устройства монтажно – тягового, «качайки» то есть. Ну и «режем – варим – паяем... кроме электричества, братцы, тут я умею конечно, но проводов – розеток этих не люблю, здесь вот слабина у меня...». Впору давать звание «заслуженный слесарь России», а то и вовсе – народный. Отпахал в горячем цехе три десятка лет, да еще потом в подрядной конторе без малого двадцать. Не лопнула бы фирма, работал бы и дальше. И ведь, что особенно ценно, он не один такой. У нас их, безвестных, видимо невидимо. В пику расхожему мнению, мол, русские работать разучились. Да вы, умники – классификаторы, русских – то не видели, не знаете. Впрочем, вы никого, кроме себя любимых, и знать не желаете. У вас иное знание. Какое спросите? А такое, мне один знакомый кандидат в неважно какие депутаты разъяснил: главное условие успеха, это оказаться в нужное время нужным в очень нужной

команде. В шайке то есть, в лейке, в чем там еще? В коdle... Я ему, мол, так это же получается – «проститутка постепенно». А возможно враз и навсегда. Я ведь не про жриц любви с ближайшей «плешки» ему толковал, а глобальнее. Как Хуренито эренбургский, предложивший, на основе соблюдения священного принципа свободы торговли и частной собственности, переименовать Всемирный конгресс борьбы с проституцией во Всемирное общество насаждения проституции. Ну, переименовали конечно. Нет, не в романе, в реальной жизни повседневной, без разглашения, по умолчанию. Ведь, дабы не просто хлеб с водичкой иметь, а достойно так, с икорочкой, приходится искать соответствующий доход. Пропорционально имеющемуся потенциалу. И давайте утверждать, уверять, убеждать, что в большинстве своем мы не в шайках – лейках – кодлах на жизнь приличную защищаем лавэ. Ах, вот вы и вы в голубиной стайке? А вы в куриной? Понятно. И с вами все понятно. И с «коллективчиками». В стаях именно таких типов, всех нестандартных – больных – слабых – «не наших», до смерти гуртом клюют. Вот и вся «натура голубиная». А еще голубок – символ мира. Вывод сообщать? Паскуднее всего, что дядя Жора мой (с тетей Людой, с семейством) и дядя Слава и дядя Витя, и ваш покорный слуга (конечно, а куда же меня девать?) и прочие множества и общности коротают век свой земной именно под такими «колпаками». За исключением смрадных индивидуалистов, отребья и скотов, упорно не желающих (ве-

ками!) быть «похожим на приличных людей». Они сами, в одиночку. «... с подлинным верно. Но варианты возможны». Что я несу? Высокую околесицу, господа мои, оснащенную реальной смысловой нагрузкой. В ней все мое горе, великое, аки Петр Первый. Существует утверждение, что «все радости банальны». А у меня банальны все горести. Ничем не хуже, смею Вас уверить. Далее мелочная гордыня, переходящая, вполне логично, в манию величия по – мелочам.

Щукин сын, скажете? Не спорю. Но я чаще пользуюсь шуткой старшего сержанта Урдена. Только его реплику себе переадресовал: «Я старый козел! Моя мама родила козла! Бе-е-е». Знаете, отчего я настолько гнусен сейчас? Да просто пытался вам продемонстрировать, насколько легко изругать – оболгать все, что угодно. Доброе – разумное – вечное – прежде всего. Уверенно, напористо, настойчиво, и воздастся вам. Нам это более, чем убедительно продемонстрировала конкретная когорта пламенных и беззаветных, нестигаемых и всепогодных. Однако же итоге разнообразных и нескончаемых зигзагов, перегибов, уклонов и прочей геометрии, вопреки всем перенесенным пакостям, соизволением и милостью Божьими и волей народа, с географией у нас теперь вроде бы порядок. А с историей? Что, тоже? Вы полагаете? Блажен, кто верует. Старушка Клио – с самого рождения в конспирации, у неё на гласность аллергия, чуть потревожат, тут же вся белыми пятнами идёт. Но что-то ведь можно утверждать с абсолютной определенностью. Одно из стихо-

творений моего друга – литератора Димыча начинается так: «Мы вышли из СССР». Разве тут попорить? Только по аналогии я бы взял на себя смелость утверждать следующее: «Всё вышло из империи Российской». Двусмысленно? Пожалуй. Зато сквозит неприкрытое сожаление о безвозвратной потере. Ёрничество? А куда без него? Смолоду привык-с применять. Когда верить не во что и некому, очень даже помогает. Долгонько еще всем нам будет аукаться смертный предательства и гнусного убийства царской семьи. Смешно? Удивлены? Ну-ну...

Господи, Боже правый, куда простому человеку податься? Во власть невозможно, не верую слугам народа ни на йоту, в оппозицию – тошнит, ибо ненависть к сим ниспровергателям имею врожденную, тем более к нынешним лувореционерам гадостным, посередке – совсем труба, со любой стороны оплюют – обгадят... Надо не посередке, а в сторонке, и от тех, и от этих. И от всяких третьих. Только в истинно вольные художники только и осталась тропка. В нищebroды. (Кокетничать и здоровенному мужику бывает необходимо). Но, я уже он самый и есть. Приехали? Скорее – приплыли. Скажете, я – петрушка, почерневший насквозь от собственных клоунад и злобной неприкаянности? Пусть мне. Поделом. Да я сам себя грязью вымажу, валяться там буду вроде пельменя в масле. Стенать – каяться начну на полном серьезе, и не просто, но в обнимку с принципом системного анализа. А вы, коттики, песики, лисички, зайки, готовы, не в при-

мер Музе, стать сплошь белыми? Ну «типа – как бы» вообще, точно живете с порошком стиральным «Тайд» в душе, сердце, сознании, и в теле естественно. Вы справитесь? Давайте, пробуйте. А я посмеюсь. Или нет, смеяться не стану, покурю лучше. Покуда меня не сделали (без моего участия, однако в моем присутствии) совершенно здоровым и счастливым.

Как процесс отбеливания? Идет? Но с задержками? Ишь, весельчаки, все шутить изволите? И я, за, конечно, когда задержка, так оно и белее. Иначе если, вот тогда порумянее, и плевать, что на деле ручьем кровь хлещет. Главное – сухо! Вот и посмеялись, по доброй нашей традиции, шутки значит, прибаутки, поговорки, перепалки, переёлки, перебранки, поливки, перебивки... Повальные... До сей поры в себя придти не получается. Алё! Можно поздравлять? С триумфом прорастания в гармоническую непорочность? Нет пока?... но в перспективе получиться? А я предвидел это. А еще знал наперед, что сами вы прекрасные, добрые, милые и умные люди. Патриёты и культуртрегеры. Хоть и людей мордуете нынче подобно прежнему. Только технические средства иные и лозунги свеженачертанные. Да еще и метете метлами, что у вас вместо языков, о ностальгии по не столь уж далёкому прошлому. Морочите. Путаєте. Смущаете. Давайте вспомним, давайте споем, ах если бы не идеология эта коммунистическая, это был бы полнейший карнавал, куда там бразильскому! Конечно карнавал! Луизианские шествия – пляски мардиграшные отдыхают в сравнении с мест-

ными посиделками – погулянками. Помню, решил мой батя в партию вступить. Записаться. В коммунисты. Время нелегкое, кризис власти, как сегодня бы политолог каркнул, ПППП словом. Пятилетка похорон престарелых правителей. И все бы ладно, да был мой родитель не работягой, не ударником «кому нести чего куда»... Нет, соцпроисхождение правильное, из крестьян. Но «Техноложка» ленинградская за плечами, физхим, учеба у академика с «нобелевкой» по ядерной физике, у профессора математики, сына красного графа. И должность у папахена, уже у моего конечно, соответствующая, начальник производственно – диспетчерского на заводе. Не партхозактив, немного пониже... однако... Бравые ребята из горкома быстро пояснили батю, где «находится аптека». Ага, правильно мыслите: «... за углом направо». И раскис мой Федорович. Поплыл. И возрастом, главное, не пацан отнюдь. Ан не смог понять, почему? Что делать и кто виноват? Всю – то ноченьку от его страданий «мне спать было невмочь». Он на кухне сидел, хмель его не брал, а батя, в свою очередь, ружьеца любимого из рук не выпускал. И, нет – нет, в потолок бабахал. Благо жили в дедовском доме, на лето всегда из квартиры уезжали. А домина на отшибе. И не просто домина, а почти, что долговременная огневая с какой – нибудь линии оборонительной.. Правда потолок деревянный, менять потом пришлось кусочек с коровий носочек. Под утро, когда я уже вырубился, совершенно обессиленный ночным тревожным бдением,

а отец, покончив со стрелковыми экзерсисами, тоже утомившись, дремал за столом, на кухню вышла проснувшаяся сестренка. Ей захотелось пить, она открыла кран и стала пропускать воду, чтобы дождаться свежей, с самой глубины нашей артезианской скважины, дающей влагу, ничем не уступающую иной минеральной. Шум струи в раковине и отдаленный гул заработавшего в подвале гидронасоса разбудили отца. Он встрепенулся, вскинул голову и раскрыл один глаз, окинув окружающую обстановку дымным взглядом. Увидев Асю, он улыбнулся вполне ласково и произнес более, чем загадочную, доселе не расшифрованную нами, фразу: «Доченька, скажи этим двум кобылам, что заяц-то сдох... тпрую...». Пойди пойми, о чем это шла речь? Довели мужика на пустяке. А ведь папаня мой человек – то крепкий был. Всю войну в оккупации, сначала в непосредственной близости от северной столицы, потом в чудесной прибалтийской стране, тогда – генерал – губернаторстве, в концлагере, и не пропал совсем мальчонкой, и после уцелел, что не менее чудно. Мы, когда в Заполярье жили, папа вечерами в филиале Горного физико-математического института преподавал. И на экзамене как – то раз одного неуча и хама совсем уж было завалил, да студентик этот великовозрастный вскоре зампредом горисполкома стал.. Последствия объяснять? Правильно. Тройку поначалу у папки выпросили, а самого из института выбросили. И шабаш. Ничего более. Даже не возразили, когда папка в углепром на комбинат подался. Время уже на дворе пред

застойное стояло. Ну, его, патриота честных знаний, забыть проще. Забвение всегда проще и действенной любых репрессий. Уничтожить – полдела. Из памяти стереть – вот главное. И память перекрыть. И перекрыли. Никто ни рефрена ежового не знает, в прошлом каша, если не туман. В настоящем – примерно такая же картина.

Мне было до слез, до скрежета зубовного, до ломоты под лопаткой, обидно за отца.. Ну, чего, думаю, раскис, папка, ты же всегда такой не унывай у меня был, веселый, хулиганистый даже, пусть и вспыльчивый, что твой порох, добрый и очень отходчивый. Воспоминания об отце в раннем детстве: папа с другом, шахтером дядей Колей купили у геодезистов медвежонка и привязав его за ножку ванной у нас в квартире пошли в магазин, винца себе купить и мишке чего –нибудь поесть. В это время пришли домой мы с мамой, зверь уже успел навалить кучу своего добра, свернуть ванну с места и перекусать полиэтиленовые упаковки – подушечки с шампунем, и встретить нас радостным, хоть и полудетским еще, рыком, исторгнутым из пасти заодно с мыльной пеной. Маме стало плохо, я немного испугался, но медвежонок привел меня в восторг, а потом пришли папа с дядей Колей. Куда они дели медвежонка я не помню, но уже через час его в квартире не было. Помню бату, пробившего на спор кулаком гипсолитовую стенку – перегородку из залы в спальню, папу, прыгнувшего через целый лестничный пролет с площадки на площадку, опять – таки на спор и се-

рьезно повредившего ногу, а еще очень радостного и растроганного, принесшего домой пахнущую типографской краской свою первую книжку, изданную в республиканском издательстве совершенно немыслимым по нынешним временам тиражом, что-то около сотни тысяч экземпляров, стоимостью четырнадцать копеек за экземпляр, потом вторую книгу – сборник рассказов, потом антологию местных писателей и поэтов, и, наконец, папу, со штангой над головой, в квартире, поднимающегося из глубокого седа и медленно уходящего спиной назад, в сервант с посудой, стоявший у стены. Всякое бывало. Однажды папаня принес домой несколько разнокалиберных труб, большие муфты и гайки, и вскоре мы с сестренкой ползали по вертикальному и горизонтальным шестам и болтались на двух турниках, а на завтра дома появилась еще и шведская стенка, полный отпад, такого не было ни у кого из моих сверстников. Папа с дядей Колей врезают замки во вновь поставленные в своих квартирах входные двери, не хлипкие, штатные, а настоящие, филенчатые, деревянные. Врезают не просто так, а соревнуясь, кто быстрее и качественнее. Отец закручивает последний шуруп, а к нему уже подходит дядя Коля и, похлопав по плечу, снисходительно роняет, мол, для человека умственного труда очень приличная работа. Но за призом все – таки в магазин бежать папане придется. Не могли они без соревнования или спора. Батя сделал и поставил дома стенку из ДСП на раме, сваренной из уголка, стеллажи были сра-

ботаны по такому же типу, а в довольно обширной кладовке нам с сестренкой устроена детская с потрясающей двухъярусной кроватью. Верхний ярус мой, я старше. Отец хорошо играет на баяне, у него закончена музыкальная школа, да и поет батя вполне качественно, мне нравится, я засыпаю и отчетливо, сквозь закрытые двери слышу песню, доносящуюся из кухни. А еще отец прилично шиплет семиструнку, хоть пальцы у него далеко не музыкальные, и ломанные, и топориком рубленные. Я еще маленький, но знаю, мой батяка – лучший в мире. И никто, и ничто меня в этом не разубедили до сей поры. Праздник, не помню какой именно, время зимнее, впрочем у нас почти всегда зима. Сначала отец и дядя Миша, молодые и перспективные литераторы, после встречи с читателями, у нас дома пытаются чистить зубы двум хомякам, которых им подарили на творческом вечере. Хомяки были доставлены к нам домой во внутренних карманах писательских полушубков, порядком начинив по дороге свои временные пристанища продуктами жизнедеятельности, попросту нагадив туда. А папаня и его друг, по очереди проверяя, все ли в порядке с животинками и видя, что те все более и более вылезают из карманов, пытались вернуть неожиданных подопечных в исходное положение. Итог – выковыривание спрессованного, считай мышинового, дерьма из карманов, купание хомячков в целях очистки их загаженных попок, исследование пастей грызунов и неподдельное удивление оранжевостью их передних, длинных зубов. Итог – оба хомяка,

вымазанные зубным порошком напоминают пельмени, которые пытаются отмыть окунанием в наполненную водой ванную. Далее – вмешательство мамы и изгнание великих натуралистов на кухню, допивать принесенный с собой коньяк. Покончив с напитком, отец и дядя Миша на спор запрыгивают на кухонный стол двумя ногами сразу, с места. У отца нога срывается и слетает вниз по ребру столешницы. Результат – пять швов на левой голени и v-образный шрам. У меня, кстати, есть такой же. След школьных игривостей. Отец говорил, мол, в детстве у них забавы были столь отвязанные, что всю оставшуюся жизнь адреналин требовался в повышенных дозах. Конечно, немецкая оккупация самое время и место для детского развития, да и потом, после освобождения, веселья хватало. Батяка вспоминал, как они с пацанами поймали козла с соседней улицы, повадившегося переводить капусту на наших грядках. Ничтоже сумняшеся парни привязали к ляжке козла трофейную гранату – колотушку, а проволочку, идущую от колечка примотали к тычке забора. Разбойника бородатого шуганули, а сами в канаву. Потом собирали трофеи. Все же мясо, хоть и несло от козчины не передать как.

Знать – понимать нужно только то, что «истина где – то рядом» ибо все в ней «Secret file*s». А отец мой, по – вашему, несомненно, полный дурень, не иначе. Ладно, я спорить не стану. Напротив, пусть мы дурни (у меня и оба деда – дебилы, и прадед – полный урод, и все не рвачи, не ком-

бинаторы, не холуи. А по – хорошему мечтатели и, оттого именно, записные трудяги всю свою жизнь), пусть вы у нас умные. Нам не зазорно в дураках. Растолкуйт е- ка мне тогда вот, какую запятую. Приехал один мой знакомый северянин – помор в Москву. Он блестящий поэт, член Союза, лауреат премий разных, но главное – истинный словесник, вот и был приглашен московскими коллегами на randevу. А Саныч, как его иногда кличут, кроме прочего, от рожденья своего рыбак, охотник, грибник – ягодник, словом – лесовик. Выбираться из своих ландшафтов родимых не очень любит. Внешность имеет довольно бородатую, хоть и вполне благообразную. Ну, и совершенно к гардеробу равнодушен. В том смысле, что за модой не следит. Костюмчик опрятный, плащ там, шляпа, ботиночки. Обсос не обсос, но на Трех вокзалах забрали Саныча в отдел два бравых сопляка – сержанта милицейских. Он им паспорт, телефон Союза, позвоните, я же приглашен.... А они ему, пойдем – ка, дед, с нами, в отделении разберемся, документ твой проверим на подлинность... Посидел поэт русский в «обезьяннике», подумал о порядках в княжестве Московском. Слава Богу человек он спокойный, устойчивый, не злобный, не трус. Мужик, одно слово. Товарищи – литераторы, люди крепкие, заслуженные, маститые, в себе уверенные, в итоге подъехали, разобрались... А в сухом остатке что? Формула материального успеха любой ценой как основа жизни индивидуума – потребителя? Вдобавок окрашенная в цвета заботы о благополучии и процвета-

нии родной сторонки. Дескать, если нам с тобой жить становится более хорошо, то и Родине нашей на два балла лучше. А если все вместе!!! Нет, братцы, это не я с пращурами, это вы тюльпаны и гладиолусы то есть умнейшие и честнейшие граждане, я хотел сказать. Плюс основоположников бородатых – обволошенных вам в нагрузку. Не далеко ушли. Да кто же вам, пионам записным, сказал, что ваше благополучие непременно увеличивает благополучие страны? Ячейки общества и прочая... Откуда вы взяли, что большинство, то есть общество, всегда действует на благо Родины, своё благо преумножая?! Как ты, паскуда, ах, извините, бесценный мой человек, вытаскиваешь Отечество из нищеты, сам наживая несправедливо капитал? Это же не абсолютизм! Отнюдь нет. Имей тот же Саньч прессик баксов плюс прикид а – ля тот – то и тот – то, эти дураки ретивые из линейного отдела на транспорте в жизни к нему не подошли бы. Но они глупые, жадные и усердие в них не по уму. Воспитанное приемами наглядной агитации кто кого самее. Отсюда мораль – цель оправдывает средства, челаэ – э – эк – к – к, ты должен быть сильным! И еще вискаря за мой столик! И не Русь, а полная Аркадия. То же вымя, только сбоку. Как у забугорных и заморских западных чуваков. А в подоплеке-то скотство, трусость, кровь и смерть. И забвение. В заботе о непрерывном улучшении благосостояния нации. Все рационально. Прагматично, виноват. Я, когда под Питером жил в частном доме, соседями имел весьма прагматичных людей. Трудовые люди, не спо-

рю, насчет хмельного – строго в меру, и не по всем праздникам. Хозяйство в порядке таком, что можно было снимать в программе «Сельский час» и за бугор транслировать, нате, мол, завидуйте. И с детьми порядок, симпатичные, неглупые, хваткие, крепкие. Даже слишком крепкие. Дочка «ихняя», помню, все со щенком забавлялась. Очень уж она его любила, Фантика своего. Фантик внешне слегка напоминал чау – чау. Отдаленно и весьма отдаленно, как «нашему забору троюродный плетень», но шерстяной такой, плотный, а главное добрый и веселый песик, и очень смышленный. Он даже цветочные клумбы под окнами дома не трогал и грядки приучился зазря не тревожить. И лаял очень весело. Не злобно. Ну и полный порядок! Жизнь своим чередом идет, хозяйство соседское пыхтит, детки растут, песик тоже не отстает, на руках девчонке его уже и не потаскать. Уехал я в командировку в начале зимы, вернувшись, недельки через две, поймал себя на мысли, что лая собачьего в соседском дворе не слышать. Фантик чуткий малый был, сигналил исправно. Ладно, думаю, может в дом хозяева пустили. И забыл об этом обо всем, закрутился – забегался. А вновь вспомнил, лишь увидев девочку соседскую в новенькой шапке – ушанке. Пышной, роскошной! Остолбенел я слегка. Стою, глазами хлопаю, а она мне с улыбкой от уха до уха: «Это я Фантика на прогулку вывела. Мы тут решили, зачем деньги тратить, а с собаки реальный прок будет. Папка сам сделал. Правда красиво? А тепло – то как! Ну, пошли дальше Фантик. Я сама тебя теперь

ношу- вожу, а тебя и кормить не надо».

«Ну, как транспарантик. Доходит?» Вы так жить хотите. Нет, скажете? А хотите не хотите, все одно к подобному приедете- прищкандыбаете. Зато прагматично, рационально... и тепло. Перегиб? Может быть и перегиб, да из жизни, из обыденной, тоже ведь ничего не выкинешь, точно из песни слова. И люди не живодеры, не чикатиллы. Передовики производства. Справные хозяева. Только своих Фантиков они тоже зарезали, не думая, и пустили на более предметные цели и нужды. Это вообще в порядке вещей в период окончания стресса взросления, о как! Я тоже порой пугаюсь, что своего Фантика в молодости грохнул. А из шкуры чучело заказал. Да-а-а. *«Чучело собачки. Вот вы, купите чучело собачки! Вы в ней души не будете чаять. Простой обмен ценностями, вы даете мне деньги, я вам- чучело собачки».* Поставите её на полочку или на стеночку в квартирке, или на окошко. И солнце ваше непременно взойдет. Только в начавшемся дне не будет Билла, ни Джейка, ни Фиесты. Впрочем «рефрен с ними, со шведами! Мы нешто не люди! Гуляй, ребята!»

Реплика в сторонку

– «Парни. извините, можно я без очереди возьму. У меня тачка по парами стоит-ждет. А счетчик, подлец, знай себе капают!»

– Ага! Разбежался! Спасу от вас нет, понаехали незнамо откуда в город, изгадили все, плюнуть, и то чистого места нет. Он без очереди, а я, я здесь родился, и в очередь. Слышишь, я житель коренной. Я здесь родился!

– Так, здесь, падаль, и помрешь! Держи, щука!

– Ой, убили. Насмерть наверное! Ми – ли – ция! Ми – ли – ци – я! Ой, упал и не встает!

Здание городской пожарной части было выкрашено в нежный сиреневый цвет. То ли краски другой не оказалось во время ремонта, то ли маляры попались сентиментальные (да и пожарные оказались им под стать). Видимо вспомнили мороженное черносмородиновое в бумажном стаканчике, пломбир за девятнадцать копеек в счастливом советском детстве, ну и в память значит... Даже губернатор области, побывав в нашем городке, отдал должное новому декору, мол, нестандартно, зато свежо. Пожарка находилась на главной городской магистрали и среди прочих зданий, тоже, кстати, разноцветных, смотрелась вполне презентабельно, хоть и несколько игриво, и отнюдь не тревожно. О борьбе

с огнем напоминали только пожарные авто, то и дело выезжавшие из гаража. Чаше на учения, чем на пожары. Рядом с гаражом, в скверике, на одной из берез пожарные установили довольно большой скворечник. Скворцы в наших местах конечно не появлялись, но всякий раз проходя мимо, я надеялся, что вот сейчас из круглого окошечка птичьего домика появится скворец, черный как смоль, в начищенной до блеска медной каске и в форме брандмейстера.

Очень я на него надеялся. С ладони покормить хотел. А то, глядите сюда, наш скворечник низко прибили, и был бы скворец, корми его общайся не хочу. А скворца нема. Там же, где скворец в это время присутствовал, укреплять скворечник всползали, рискуя здоровьем, на самую верхо-туру, например, березовую. Ну, на макушке, да и пониже, не до галантерейного общения, прибил – прикрутил и адъё. Чем не иллюстрация соотношения желаний и возможностей. Со скворцом в образе совокупности жизненных целей.

Реплика в сторонку

– Что будем заказывать, молодые люди!

– Так, будьте любезны, фрукты нарезанные. Апельсины там, яблоки, ну, шоколадку горькую. И бутылочку коньячку наверное.

– Ребята! У нас коньяк очень дорогой!

– Я и говорю, две бутылочки!

Дежурили мы студентами в добровольной народной дружине, в ДНД, обеспечивали правопорядок. В наши обязанности, в частности, входила помощь сотрудникам милиции по обеспечению своевременного окончания работы и закрытия всевозможных питейных заведений, каковых в северной столице и в те стародавние времена хватало с лихвой. В кафешке, куда мы сразу направились, было пусто, только за столиком дремала одинокая девушка, положив голову на скрещенные руки. Креманка с недоеденным, расплывающимся в тепле, мороженым, пепельница с почти утраченной сигаретой, бокал с недопитым сухим вином. Стандарт. Ничего плохого или опасного, но выпроваживать посетительницу надо. Микита наш, имевший с первого курса прозвище Бухарин, в соответствии с порой терзавшей его пламенной страстью, а не в честь болтливой не в меру большевистского злыдня, подошел к спящей красавице, доволь-

но ощутимо потрепал её за плечико и почти ласково изрек:
– Подруга, пора вставать, дома баиньки будешь.

Дева с трудом подняла голову и несколько секунд, щурясь, разглядывала Микиту, а потом с хрипотцой, как-то слишком внятно, с явным разочарованием произнесла:

– Мальчик, милый мой, у тебя же лицо садиста... – и уронила головушку утомленную в исходное положение. Улыбающийся Бухарин высился над ней, как добрый ангел смерти, находящийся в данный момент на обеденном перерыве. Неотвратимость его присутствия несколько компенсировалась колоритнейшей внешностью, не всегда, впрочем, и не далеко не каждого, настраивавшей на позитивную волну. Щербатая ухмылка, обнаруживала отсутствие левого клыка, иногда в проем вставлялся мундштук папиросы, для удобства и форса одновременно. Из рассеченной и зашитой недавно левой брови торчала лигатура, проще говоря, нитки наложенных швов, отчего Микита напоминал страшилу мудрого, находящегося не в самой лучшей форме. Щедрая картофелина носа меж мясистыми щеками на скуластом лице. Цепкий и в первый момент неуютный, ощупывающий встречных, взгляд светло – серых глаз на поверку моментально теплел и обретал какую-то даже детскую доверчивость. Все перечисленное уже давало право превосходства над окружающими. А голова! Вполне себе груша, укрепленная на короткой шее плодоножкой к солнцу. Однако же вместо плодоножки – соломенные засаленные пряди

волос, горшком покрывавшие забубенную головушку и растущие как будто бы из темечка и его ближайших окрестностей. Наш человек, что и говорить. Проверено на практике, прохожий, случайно столкнувшийся с Бухариным впервые, лицом к лицу, особенно в сумерках, на слабоосвещенной улице, встал в мостовую без каких – либо на то причин и смотрел на прекрасного встречного с тоской и тревогой. А вот барышня, вдохновленная приемом слабоалкогольного виноградного эликсира внутрь, спросонья оказалась ироничной, бесстрашной и совершенно точной в определениях. Впрочем, в повседневной жизни Микита вел себя абсолютно не агрессивно и опасности никакой ни для кого не представлял, будучи искренним оппортунистом лишь по отношению к безалкогольному образу существования. Очевидно будничная атмосфера ввергала его в тоску, воплощавшуюся в жажде праздника. Жажда требовала утоления, а остановиться вовремя Бухарин не умел по причине врожденного максимализма, прославленного нашего русского качества, дающего неизменно повод для злобной критики со стороны доморощенных «западников», скучнейших и хитрющих субъектов с обостренной жаждой разрушения собственного дома. Но мы слегка отвлеклись. А тогда, в кафе, зная деваху в короткой хмельной дреме принц ей померещился. Все о принцах мечтают, а на поверку выходит Микита Бухарин или, того хуже, «Барабанов – БОМЖ – задержан за то, что фулюган и вообще» и подпись в соответствующей гра-

фе, мол, оно́го Барабанова задержал участковый инспектор Шерстобитов.

Через два дня Микита был обнаружен в Веселом поселке и в не менее веселом состоянии. Сержант имярек в рапорте сообщал, что «на проезжей части ул. Коллонтай дом.... был обнаружен лежащий на спине человек, оказавшийся, как впоследствии выяснилось, студентомкого института, гражданином Т.русским, 196... г.р., мешавший безопасному движению транспортных средств». Работников ПМГ он встретил репликой: «Ребята, поднимите меня и в спину толкните – куда идти, а дальше я уж и сам доплетусь...». Правда, весело. А вот раньше, в чуть более давние времена и того веселее, говорят, бывало.

При одном упоминании о большой руки деятеле – ликвидаторе культа личности мой дед, Данила Георгиевич, каменил лицом и чуть заметно сутулился. Сдержанный он был человек. А блаженной памяти Мохито Запустеевич, кроме всех прочих причиндал, вроде совнархозов, внутрипартийных интриг, внешнеполитических катаlepsий и государственной безопасности, ба – алышуций спец в искусстве, автор бессмертного поощрения творческих личностей, воплощенного в надсадном вопле: «Честные, вы, натуралы!», казался деду величайшим преступником всех времен и народов, кем, собственно и являлся. В числе прочих, не менее достойных. Вообще, дабы завершить характеристику пламен-

ного трибуна и специалиста широкого профиля, спихнувшего на своего мертвого хозяина все возможные, в том числе и свои выдающиеся, вины за смерть и страдания людские, необходимо, по меньшей мере еще пару штрихов. Он, этот устроивший иллюзорную оттепель, кудесник, не чурался еще более подогреть её в частности кровавым расстрелом голодных и нищих рабочих бывшей столицы знаменитого войска казачьего. Без колебаний и слюней. Жрать хотят, зарплату хотят? К стенке сволочей. Ишь, быдлаки, расшумелись. А в мирных делах славился, кроме всего прочего, хамскими нападками на конкретных художников: славного, большущего скульптора, ставшего впоследствии автором памятника на могиле старины Мохито, а еще – на известного поэта, в общем, чувака интересного и вполне безобидного, пусть и любителя эстрадно – театральных эффектов в поэзии и прочтении оной, автора слащавенькой, сахарной сказочки о якобы вечной любви, легшей в основу известного театрального действия, популярного в широко распространенных узких кругах нашей, особенно провинциальной, интеллигенции, от столицы и «до самых до окраин...». Вот еще казус, отчего же столь пошловатенький, абсолютно не соответствующий реально историческому, сюжетец «аноны и ювось» столь востребован был и лет сорок назад, и по сию пору? Кому там в жизни любви не хватает? Создайте сами свою любовь, немочь бледная! И её крепко любите. Да, «любите любовь», как говаривал классик совре-

менности. А то вам со стороны нечто вместо вновь предложат. Не сверху, нет, со стороны, а сие на порядок опаснее и гнуснее. Сверху вам могут предложить лишь любовь к родине. Нормальное, правильное и естественное предложение. Все равно, каждый будет делать сие по-своему. А не будет, и шиш с ним. Не то, чтобы дед был яростным противником режима, нет, просто он был потомственным крестьянином. Он искренне считал крестьянский труд – самым главным и самым почетным. Поэтому не мог простить «кукурузнику» предательства и убийства земли и народа. Заодно он тут же мог помянуть «добрым» словом и бывшего хулигана – футуриста, ставшего практически в одночасье, певцом нового, красного, времени: «Бандит, выплывший на мутных волнах революции». Я, маленький еще, никак не мог взять в толк, чего это дедуля в такую рань поднимается. Просто я однажды отчего – то проснулся ни свет, ни заря, выглянул в окно, и увидел деда, отбивающего литовку во дворе. Когда ему было восемьдесят два, мы с ним вдвоем, споро и надежно, перекрывали крышу его дома шифером. А через пару лет, уходя в мир иной от саркомы бедренной кости, он совершенно ясным и радостным голосом сказал мне, протягивая лист альбомной бумаги: «Вот, внучек, если дом надумаешь покупать, крылечко сделай узорчатым, я там тебе все нарисовал подробно». Он еще успел порадоваться от души, узнав, что я купил домик, точнее сруб, под крышу подведенный, с участком земли недалеко от города. Правда с моей

стороны это была не вполне уклюжая попытка спасти крохи семейных сбережений. Ибо доллар уже плясал, точнее взлетал ясным соколом, а мы, соответственно, делали все, дабы хоть на карачках удержаться.

В каких случаях у людей с огромной жизненной школой, внушительным опытом и вообще послужным, что называется, списком самом широком его смысле, принято отмалчиваться о некоторых периодах своей биографии, отвечая на порой глупые, а потому, нелегкие вопросы молодняка, весьма скуп и принужденно? По всему получается, что или стыдиться старший своего прошлого, или, что вернее всего, не желает страшное и отвратное вспоминать. А случается вообще смесь и того, и другого, и еще какого – нибудь третьего-пятого, запечатанная во фляге с ярлыком на коем присутствует надпись «не болтай». Уж чему – чему, а этой премудрости наших дедушек и бабушек учили быстро. Так вколотили заповедь, любо – дорого, никто не болтал. Разве, что стукачи стучали. Так ведь стук – служба, навроде вертухайской. Деваться некуда. А теперь вот и «болтать» по – настоящему некому, никого не осталось более в живых из числа, например, свидетелей славных и легендарных тех дней, которые по утверждению американского одного парнишки – журналиста «потрясли мир». Автор сего брэнда и произведения на заданную тему вскоре после живописанных событий отправился в лучший мир, насмерть уязвленный тифозной вшой. А между тем, в те воистину окаянные дни, спаси-

бо господину Бунину, поддержал реноме русской классики, в самую пороссячью антихристову харю угодил Иван Алексеевич своим определением, так вот, дедушки мои и бабушки уже родились и были в состоянии оценить окружающий мир и его жуткие метаморфозы, устроенные партией самых человеческих людей. Впоследствии на их долю выпало столько легендарного и героического, что, казалось бы, должны они были, уст не смыкая, повествовать и рассказывать всячески нам, внучатам, о своих подвигах. Но пращуров любимые предпочитали, в основном, о прошлом не распространяться. Трепачи конечно были, молотили бесперебойно, что прикажут, но это пустое. А в массе своей молчали участники и свидетели о былом, и ежели решались о чем – либо поведать, то неохотно, с паузами, невнятно, общо, аж разочарование испытывать приходилось, а мы – то ждали, а мы – то думали! Как же так? Неужто обоим дедам, всю войну прошедшим, мало того, бесовщину революции, гражданскую бойню и жуть коллективизации пережившим, бабушке – капитану медслужбы, отцу, мальцом загоравшему в оккупации и концлагере фашистском, нечего отпрыску пытливному поведать? Чуть позже дошло до меня, доехало: рассказать есть о чем, целый вагон рассказов и немаленькая тележка в придачу, но чаще всего сопряжены воспоминания эти с болью и жутью, с такими, что легче промолчать. И в самом деле, что мне о своем семействе известно? Что один прадед был ведущим и чуть ли не шеф – поваром какого-то питерского

кабака, другой – земским фельдшером в небольшом волжском городке, третий и четвертый обычными крестьянами – пахарями, своим горбом, потом и кровью практически добившиеся вполне приличного достатка в канун бесовского февральского шабаша. И не более? Да, пожалуй. И тишина... Соцпроисхождение и всё такое. Ясно сказано – не болтай, милоч. А то ведь загремишь в одно прекрасное утро «под панфары» и очнешься там, куда Макар телят не гонял. И всё. Нет у нас памяти четкой, расплылась снежком весенним, разбежалась талой водой. Папаня мой, все-таки литератор был, хоть и не крупнокалиберный, он о детстве своем боевом повесть написал. Она называлась «Розовое утро». Отец одно время даже читал отрывки в кругу семьи и ближайших друзей. Слушали с интересом, я в особенности, что-то недопонимая, но не требуя разъяснений. Важен был сам поток новой информации. Как жили под немцем в оккупации, в подвале собственного дома, благодаря Господу, что послал на постой обозников – коноводов, а не эсэсовских зверей, как отца – самого младшего, единственного в семье, способного пролезть в слуховое окно под стрехой крыши сарая, посылали ночами воровать овес из торб, висевших на шеях огромных коней – першеронов. Как во время одного из тайных таких вот визитов, ужаленный оводом богатырский коняка дернул передней ногой и, слава господу, лишь слегка задел мальчика, навсегда оставив памятку о себе – шрам на правом бедре от довольно глубокого рассечения конским копы-

тищем. Отец тогда еле выбрался из сарая, кое – как зажимая рану рукой, стараясь не оставить за собой кровавый след, дабы не вызвать подозрений у немецких ездовых. А потом, под бомбежкой, когда осколком смертельно ранило старшего брата, батя, тогда четырехлетний пацаненок, тащил его, истекавшего кровью, домой, и сам с головы до пят измазался Олежкиной кровью, и дотащил почти до дома, только брат уже умер и младший, совершенно обессиленный, повалился в пыль рядом с ним и не плакал, а просто смотрел в бездонное, голубое, солнечное небо и ничего не чувствовал окаменевшим в одночасье маленьким своим сердцем. Он только знал, что самолеты, бросавшие бомбы, были со звездами на крыльях, он видел, как взлетают на воздух вагоны на станции и привокзальные строения и дома, и, несмотря на жуткое, окатившее его ледяным холодом горе, с мстительной, замещанной на лютой ненависти, беззащитной, мальчишеской радостью, сознавал, крепко и навсегда знал, что наши все – таки разбомбили проклятых фашистов, из-за которых и погиб Олег... и еще обязательно разбомбят и убьют, и будут убивать этих сволочей, пока не истребят всех до единого... Батя долго работал над рукописью, потом долго пытался добиться публикации, хотя бы в журнальном варианте, потом он устал и оставил эту затею, а потом просто умер. Обыкновенная история. Не могу судить о художественных достоинствах повести, равно и о её слабых местах, но при любых обстоятельствах отец попытался честно рассказать о жутком

времени глазами пацаненка, единственного из четырех братьев уцелевшего в годы войны. Ну ладно батя – он огольцом тогда был. А его родители, да и мамыны, они о чем молчали? Где они так научились и кто их так научил? Или я попросту не успел их с толком расспросить обо всем? Скажете, что сейчас все это не столь уж интересно и актуально? Ничего подобного, смею вас уверить – интереснее, нежели вчера, и актуально, как никогда. Зачем прошлое ворошить? Да хотя бы затем, чтобы молодые журналисты не лепили горбатого порой (довольно часто кстати) и не путали божий дар известно с чем, когда ведут передачи на исторические темы. Ну, и ради всего остального, как оно положено. Согнав крестьян с земли, переместив огромные массы людей в города, вновь возводимые в ранее необжитых краях, большевистские палачи лишили их потомство четкой биографии поколений, почти стерев из памяти историю родов и семей. Не до конца вытравили конечно, но поработали основательно. С беспородами управляться легче, однозначно. Генетическая память прежде всего – осознание глубинности и не случайности своего происхождения. А это, если угодно, обоснование своего вполне логичного появления на свет в оное время и в данной точке пространства. И землю родную ощущать легче, и на ноги встать проще, и самого себя в мире подлунном осознавать с полным на то основанием.

Дед моей жены Эли с войны не вернулся. Он погиб восьмого мая сорок пятого. Война, насколько бы дико это не зву-

чало, стала для него спасением. К ее началу дед уже больше года скрывался в лесах от ареста, обвиненный в неких грехах по доносу односельчанина. Не стал Герасим Николаевич дожидаться, когда его под белы ручки возьмут, и, вовремя предупрежденный, уж не ведаю кем, собрал котомочку, перецеловал жену и детишек, и двинул в самую чащу, в болотину. Семью его из их крепкого пятистенка сразу же выселили... Вновь, обыкновенная история. А как грянула по всей земле родной «Вставай, страна огромная...», дед спокойно в село вернулся, не до него уже было, и пошел воевать добровольцем. Он и когда от ареста уходил, и перед фронтом, у супруги все спрашивал: «Как, Маня, сдюжишь – то здесь. Семь ртов – не шутка, а ты одна... эх, милая ты моя...». А Маня верная ему в ответ, мол, ступай, Герасим Николаич. Мы как –нибудь перетопчемся, Господь поможет. А тебе выхода иного нет. Храни тебя Никола – угодник». И все. Дед похоронен в Силезии, а баба Маня так семерых своих сквозь войну и протасила. Без потерь. Когда мы с Элей поженились и приехали к ней в гости, она, сухонькая, седовласая, невысокая, встретив нас на пороге, пригласила в дом и вдруг огорошила Элю вопросом – приказом: «Что столбом встала – то, внучка. А? Иди... на кухню, говорю, ступай! Мужика – то свово корми!»... Я навсегда запомнил этот её «клич: «Мужика – то свово корми!». Как адмирал Макаров: «Помни войну!». Хороша аналогия, а?

Я хорошо помню куплет из одной знаменитой песенки поэта – кремлевского, кстати, послереволюционного, квартиранта, фамилией своей возвещавший всем, что он, да именно он, самый, что ни на есть, бедный. К слову сказать, данный жилец, по свидетельству очевидцев, весьма разнообразил коммунальную жизнь обитателей столичной цитадели постоянными кляузами и склоками, постоянно требуя для себя улучшения бытовых условий. А песенку пели еще во времена моей юности, обычно на отвалных в армию. Только от оригинала она несколько отличалась:

«Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.»
Как сыночка выводили из квартиры,
По бокам его стояли конвоиры...

Именно такими словами на пороге своей квартиры встретил нас кореш школьный Саткеша, наутро отправлявшийся на воинскую службу. К нашему приходу он был уже почти «готовенький», и окончив пение, раскрыв нам навстречу гостеприимные свои объятия, Саткеша, со словами: «Здравствуйте, друзья!», – почти ничком повалился назад, спиной распахнув таким образом перед входящими полузакрытую дверь.

Реплика в сторонку

– Я эти ваши бабские трусы надевать не буду!

– Малыш, так они, погляди, всего одни и остались. Наверное твои кто – то впопыхах по ошибке взял, а свои, эти вот, не стал искать, понятное дело. Ты их пока надень, чтобы только до дачи дойти, а там и свои найдешь. Они ведь у тебя подписаны, да? А эти тоже подписаны?

– Ни фига они не подписаны, а на всей моей одежде метки мамой вышиты, начальные буквы имени и фамилии. Я в своих трусах пойду, а в чужих, да еще бабских, ищи.

– Ну, знаешь, ты мне особенно – то здесь не шишуй! Ишь, ферт выискался сопливый, от горшка два вершка, а туда же, права качает! Надевай трусы, тебе говорят!

– Сами надевайте, раз они бабские. А я мужик. Папа меня так и называет – мужичок.

– Я вот тебе сейчас покажу – сами надевайте! Я тебе устрою! Словечко еще нашел какое – бабские! Кто тебя ему научил?

– Папа. И он скоро ко мне придет прямо сюда. А эти ваши трусы я надевать не буду ни за что. Говорю, сами надевайте или пусть девчонки...

– Ох, малыш – малыш, ну, хоть полотенцем обернись. Пора группу – то догонять, вона куда все уже ушли, видишь. Одни мы с тобой тут топчемся. Ладно. Давай помогу по-

лотенце обмотать. Вот так... А папа, говоришь, придет скоро? Он, что здесь поблизости в отпуске?

– Да. Мы когда с садиком уезжали, он сказал – приеду через месяц. А если папка мой сказал – все, закон.

– Хм, вот как, закон. Гляди – ка, какой у тебя папа – то. А он вообще кто?

– Мужик. Настоящий. Правильный.

– Ну, а по профессии он кто? Кем работает. Начальник поди какой?

– Он и на работе мужик. И дома. И везде. И бабские ваши трусы...

– Да, все уже, окстись, мужичок! Ведь решили все, идем себе спокойно! Бабские, так бабские. Ничуть, кстати, не хуже ваших. Мужиковских. Даже покрасивше будут. Шагай швыдче, мушкетер. Обед пропустишь.

Люди всякие нужны, люди всякие важны, тут, даже несколько перефразировав классика детской поэзии эпохи справедливости и ясности, спорить не о чем. Однако в новейшем времени молва довольно скупа на похвалы этим самым людям. Зато кого – нибудь обхаять, нам только давай. Как – то незаметно, посредством криминальных, в особенности, новостей, а также различных улётных видеозаписей, мы привыкли отмечать в себе подобных прежде всего черты порочные и гнусные, чем и занимаемся с плохо скрываемым удовольствием, оттого и профильные телепроекты

всегда востребованы широчайшей зрительской аудиторией. И то сказать, приятно вдруг осознать, что на белом свете масса народа, более мерзкого, нежели ты сам. Но на порядок приятнее все – таки столкнуться на деле с действительно правильными людьми. Вот мы с моим корешем, поэтом Григом, возвращаясь однажды из дремучих и славных, гостеприимных карельских лесов, где участвовали в очень приличном и представительном фестивале авторской песни, проходившем традиционно в небольшом приграничном городке, на себе почувствовали, какие могут открыться перспективы «когда такие люди в стране советской есть». Советской страной, само собой разумеется, уже давным давно не пахло, даже нафталином от воспоминаний не наносило, но тем не менее цитата еще одного классика, на этот раз, поэзии тут вновь очень даже к месту. Выехали мы вскоре после венчавшего фестиваль гала – концерта, в котором и мне довелось поучаствовать, и даже получить некий красивый диплом вкупе с магнитолой, произведённой, судя по марке и паспорту, где-то в азиатско – тихоокеанском регионе.. Итак, вскоре по финальной песни всех участников фестиваля наша «волжана» цвета баклажана, ведомая твердой хозяйской рукой то есть под управлением Грига, стартовала по направлению к родному дому. Путь был не прямой и вообще не столь уж близкий, вдобавок, на поверку, карельская ночь, не в пример южной, украинской, оказалась вовсе не тихой, а напротив, весьма богатой на события. Проехав спокойно километ-

ров с полста мы были остановлены неким гражданином, отчаянно жестикулировавшим прямо на проезжей части. Вообще – то времена нынче такие, что далеко не всякий остановится вот так, на отмашку голосующего. И упрекать кого – либо за это сложено, не прежние времена, мало ли кто и зачем на дороге сигналил. Сколько раз бывало, остановится человек из лучших побуждений, а его лихие ребятки обуют по полной программе, тачку и бабки отнимут, а могут и порешить, причем за самую ничтожную выгоду. Но мы остановились, не убоявшись, так сказать, возможных эксцессов. Оказалось, что чувак действительно попал не слабо, ибо его гибридная «нива – шевроле» отдыхала в глубоком, древнем, заросшем уже высокой травой, кювете. Сразу было видно, что тут нужен автокран, иных способов вернуть точилу на трассу не существовало. Хозяин находился в состоянии крайней экзальтации и не мог даже толком ответить на вопрос, как его угораздило съехать по склону в столь глубокую ямину, не перевернувшись и не получив ни царапины. Доводы разума действия на бедолагу и предложение добросить его до ближайшего поселка, где он мог поискать технику, энтузиазма у него не вызвало. Он канючил, мол, парни, помогите и знать ничего иного не хотел. Пришлось, плюнув на рационализм, достать свой фал, связать его с извлеченным из пострадавшего авто и продемонстрировать на деле тщетность своих усилий. Убедившись, что ничего не выходит, мужик немного поостыл и в конце концов согласился

с нашими доводами. Он закрыл свой, с позволения сказать, джип и плюхнулся к нам на заднее сиденье, едва не раздавив при этом мою гитару. Вскоре, слава создателю, мы высадили его в первом же поселочке и он скрылся в ночи, рассыпая жалобы на судьбу вперемишку с довольно витиеватыми откровенно матерными проклятиями «жизни, фля – гля – тля, такой – растакой». Мы же продолжили путь по неосвященной, полуфронтной, с постоянными противобомбовыми зигзагами, карельской дороге.

Дело происходило в самом конце сентября, и за бортом «волжаны» царил темень, глубокая и непроницаемая, ничуть не добавлявшая уюта ни в салоне, ни в нашем с Григом сознании. Где – то на полпути от фестивального города к отворотке на главную трассу, ведущую к нам на север, мы вновь вынуждены были тормознуть, подобрав неких бабушку и дедушку, оснащенных плетеными коробами для грибов – ягод и попросивших подбросить их к заправке, мол, она совсем близко, а идти они утомились. Старики, как оказалось, следовали туда для продажи клюквы, ей оказались доверху наполнены оба их короба, и были крайне обрадованы, когда Григ решил приобрести у них некоторое количество клюквы, а именно, столько, сколько вместилось в извлеченное им из багажника пластмассовое ведро. Сделка состоялась, а негоциантов мы благополучно высадили на АЗС, где и сами решили заправиться во всех смыслах, и самим перекусить под кофе – коньяк. Я еще тогда, проводив стариков,

сказал Григу, дескать, ничего за полтора десятка лет не изменилось, как выходили аборигены на трассу ягоды продавать в самом начале девяностых, так до сей поры и чапают, днем и в полночь, и спозаранку. Кроме ягод и грибов, рыбу конечно же толкают проезжающим. И тишина... Товарищ мой, расплачиваясь, дважды ронял деньги на пол, забывая закрыть молнию сумочки, которая висела у него на запястье, на ременной петле. Я назидательно поругивал его вполголоса, с применением усиливающих моральное воздействие выражений. Он в ответ только отмахивался и, уже покинув павильон заправки, уронил на этот раз всю сумочку, невесть как соскользнувшую у него с руки. Засим мы все – таки отчалили и на этот раз без приключений, с одной основательной, трехчасовой передышкой на сон, добрались до контрольно – пропускного пункта на границе области родимой. И здесь нас тормознули гайцы. Непонятно, кстати, зачем? Ехал Григ аккуратно, по правилам, номера местные, авто зауряднейшее, с какой корысти жезлом махать? Для порядка, вероятно, не иначе, поскольку тяжелых фур вокруг хватало с лихвой, знай, отправляй на весовую. А когда сержант попросил Грига предъявить документы, таковых в сумочке у него и не обнаружилось. Ни прав, ни техталона. Вот это был фортель! Мы с товарищем просто потеряли дар речи. Внятного объяснения случившемуся не находилось, хоть тресни. Понятно, нас поставили на обочину, а Грига повели в будку, на разборки. Через несколько минут прапор вновь по-

дошел к машине и стал обхаживать меня. Сначала я показал ему паспорт, дескать, здешний я житель, не варяг. Потом рассказал о цели нашей поездки в карельскую глубинку, предъявив гитару, диплом, магнитолау в фабричной упаковке и документы на неё вплоть до гарантийного талона, ведро с клюквой, и предложив исполнить одну очень веселую песню для чего пригласил блюстителя порядка на дорогах присесть на переднее пассажирское сиденье. Гаец посмотрел на меня так, точно я страдал не менее, чем холерой или тифом, и быстрым шагом отошел от автомобиля. Вскоре вернулся Григ. Оказалось, что на наше счастье в его сакраментальной сумочке нашелся пэтээс, неизвестно зачем туда однажды засунутый и забытый. Пробить владельца авто по базе и установить, что Григ ничего не угонял, а всего лишь посеял где-то, чудак такой на известную букву, права и техталон, было делом десяти минут. Тем не менее сразу ехать нам не разрешили. Автоинспекторы явно чего – то выжидали, придумывая различные вздорные причины для нашей задержки на посту, явно желая снять с нас хоть немного денег. Вдобавок и у меня, и у приятеля моего, разрядились мобильники. А на просьбу разрешить хоть немного их подзарядить, разбитной сержантик весьма сопливого вида нагло развел руками, мол, на кэпэпэ отключили, вы представляете, как назло, электричество. Ага, он же сам только – только по компу личность Грига и тачку идентифицировал. Мы сидели в нашей «волге», я попивал имевшийся еще в доста-

точном количестве коньяк, заедая его клюквой, товарищ мой внятно матерился и хлебал минералку. Так прошел еще час, потом другой. Сигареты у нас почти иссякли. Мы стали уже немного нервничать, особенно я, разгоряченный веселящей жидкостью. И тут нам дали отмашку, катиться колбасой. Что мы и не замедлили исполнить, простанно рассуждая, где же можно было потерять столь необходимые и немаловажные документы?

В родной автоинспекции Грига выслушали без эмоций и посоветовали не спешить оформлять новые права и техталон. Можно и нужно, объяснили ему, немного подождать, всякое случается, возможно и найдутся ваши потеряшки. Григ только плечами пожал, не особо уверовав в возможность столь чудесного поворота казалось бы безнадежной ситуации. Однако продолжил ездить по временному разрешению, решив предоставить событиям вершиться самим собой. И все свершилось. В точности с предсказаниями опытных гайцов – молодцов. Недели через две после означенных событий в квартире Грига зазвонил телефон. Мой друган был в это время неа работе и трубку сняла его мама. Звонивший осведомился, по нужному ли адресу он попал, в том смысле. Что не терял ли некто, тут он назвал данные Грига, права и техталон на автомобиль «Волга – 31029» госномер такой – то? И получив от мамы поспешное, радостное, подтверждение, сообщил, что документы эти он отобрал у своего тракториста, нашедшего их в свою очередь на автоза-

правке и на работе в передвижной механизированной колонне во всеуслышание похвалявшегося, что теперь, мол, снимет денег с ротозея, вот только свяжется с ним и заломит цену поприличнее. И никуда, дескать, этот растеряй не денется, расплатится, как миленький. Однако звонивший оказался начальником этой самой колонны и потому тут же документы у своего работника изъясил, на возмущенные выкрики последнего пояснив, что на чужой беде не разбогатеешь, а людям Господь велит помогать. Далее, он сообщил, что выслал все заказным письмом по указанному адресу, а телефон узнать не составило труда, благо у него сын – почти хакер и ему доступны многие и более закрытые базы данных, не то, что адреса – телефоны. После этого мужчина пожелал маме и Григу здоровья и удачи, и попросил только сообщить о получении письма, чтобы он не волновался. И все, далее – короткие гудки в трубке и мамино восхищение произошедшим и конкретным человеком, к которому теперь всю жизнь следует желать всего наилучшего. Григ и я также по – хорошему оторопели. Надо же, вот ведь живут себе люди настоящие, а мы и знать о них ничего не знаем. Исключение из правила? Возможно, вполне возможно. Но пока хоть один такой есть поблизости, знайте, еще далеко не все потеряно.

Реплика в сторонку

– Здорово, братан. Да, я вызов нажму. Откуда рулишь? Из дома? К Аланычу в гости, что ли? А чего без бутылки? Хе – хе – хе... Не пустит Аланыч на сухаря. Шучу. Шучу. Слышь, а ты в курсе про этого, ну, из соседнего подъезда, лабух местный, у которого рак, я тут объяву в газете видел и по телеку болтали, дескать бабки ему на операуию агитируют собирать. Мне седьмой... Так и тебе тоже, дед, чего тормозишь? Точно нужно соточку пропустить, для смазки мозгов...

– Ну, я в курсе конечно, да, нужны деньги на лечение за кордоном, в одиночку ему не осилить, а так, все навалимся, поможем. Мы завтра концертик сыграем, а выручку Аркаше отдадим. Так, глядишь и одолеем эту беду.

– Вот, что я тебе, керя. Скажу. Он не хило устроился, твой Аркаша. С чего это я должен ему бабло стряхивать в машину? С какой радости или перепугу? Может он и не болеет вовсе. Мы ему лимон соберем, а он – шасть и поминай, как звали.

– Так это дело – то добровольное. Не хочешь, не надо. Силком никого не принуждают. Так ведь всегда на Руси делали, вскладчину, сообща любые беды одолевали.

– Во – во – во... Делали, одолевали, и на тебе, трали – вали... Имеем то, что имеем. Ухи вечно развесим и сидим,

слушаем, смотрим, как хитрован за хитрованом нам лапшу вешают о сладкой жизни и обирают до нитки... Не, не будет толку с нас таких вот. Бабки ему собирай, а хо-хо не ха – ха?

Я абсолютно убежден, что большинство населения нашей страны, увлекательно прожившее на ее просторах последнее десятилетие прошлого века, по крайней мере в моральном плане ничего не должно нынешнему государству, а тогдашнему, либерально – мошенническому и подавно. За ту серию интереснейших опытов над нами и нашей землей, поставленных столь бездарно и жестоко. Никто из нас не должен платить никаких налогов, не говоря уже о коммуналке. То есть, я согласен платить, но пусть родимая власть, именно власть – не страна, не родина, (это как раз тот случай, когда государство и отчизна различаются, точно черное и белое, ибо ни красная камарилья, ни сменившая оную у кормила, либеральная свора, не могут ассоциироваться с родной страной и государством российским), пусть конкретные делаши – реформаторы ответят за всю унижительную жуть благословенных восьмидесятых – девяностых и признают её преступной. Там остались отнюдь не наши не заработанные деньги, не построенные дома и не приобретенные машины – квартиры, да шут с ними в конце концов, там наши непрожитые жизни, там не рожденные дети наши, убитые еще до зачатия в свалках за жрачку и ночлег. Это в лучшем случае, ес-

ли грех на душу не взят и никого ты не угробил так или иначе ради известных вещей, именуемых материальными благами и положение в «обществе». Коллизии славного двадцатого столетия, кажется, надолго удвердили нас на распутье: налево ли двинешься, вправо ли прянешь, все одно скатишься к насилию и лжи, только оправдания бесчеловечности будут различны, но на самом – то деле абсолютно все равно, во имя чего творится бесовщина, во благо ли человеческой личности и ея абсолютной свободы или на пользу обществу. Ни там, ни там, Бога нет. Вот и у нас его пока что нет. Ищем? Да, господа, мы всегда ищем...

Когда – то я учился в одном из лучших вузов страны советов.. Мало того, когда – то я имел наглость успешно окончить один из лучших вузов той страны. Является ли он таким сегодня? Не знаю, честно говоря. Он теперь – университет довольно широкого, как и положено, профиля и не пойми чему еще там учат. То есть наверняка чему – то учат по – прежнему хорошо, но... Зачем вообще было принимать универовский титул? Тогда, отчего не академия? Нагрудный знак – то у нас вида смамого академического. Предвижу возмущенные реплики, обвинения в возрастном снобизме, как минимум, и возможным оппонентам говорю, успокойтесь. Я вынужден всех предупредить – уведомить, что спорить ни с кем не собираюсь, ни сейчас, ни далее когда – либо. Просто высказываю свою точку зрения. Можете называть меня как угодно, ретроградом например, но в своем равнении на За-

пад наши, в очередной раз оплаченные Западом же либералы, зарвались, не желая помнить, еще разок рвану бессмертную цитату, что «равняться на Европу, значит безнадежно отставать от неё». И «красное» прошлое научной школы моей alma – mater тут не при чем. Ибо базировалась она, как и все лучшее в стране развитого социализма, на достижениях той империи российской, о которой сейчас не принято вспоминать. А нововведения в системе образования последних двадцати с лишним лет – преступление против собственного народа, за редким, может быть, исключением. Поговаривают, мол, в моем вузе даже профессиональный праздник перестали отмечать в тот день, когда мы его отмечали. А ведь это не по советскому стилю праздновалось, а по исторической дате. А вот поди ж ты... Допускаю, что сие возможно, однако ни выяснять, ни обсуждать ничего не стану. Я зову свой институт – «Спецтехсмех». Мне есть что вспомнить. Есть о чем сказать. И прибавить от себя, естественно. Не сочинишь – не расскажешь, никто и слушать не станет.

А чего было – то? Да много чего было. Неужели все это происходило с нами? Со мной? Да не может быть. Никогда. Неужто столько лет ушли эпохе под хвост? Ради чего? Чтобы так быстро состариться и радоваться заслуженной пенсии? А чем заслуженной? Не холуйством ли и соглашательством? Дабы считать, что скоро все и закончиться, толком не начавшись? Куда делись эти занюханые четверть века? Куда ушли? Впустую? Точно в игру какую – то играли... И вот уже

вновь торжествует формула «иных уж нет, а те далече». Бред. Морок. Анимация... Семья – дети это хорошо, это ладно. И все-таки что – то важное ускользнуло, уплыло, стороной пролетело. Мам! Мама! Это же... Эх, мама – мама, как быстро и незаметно ты постарела... И могилу отца давным-давно уже изрыли кроты...

И еще. Эта книга не провокация и не призыв, ни к спорам, ни к действиям,... да вообще ни к чему. Это – моё частное, я повторяю, сугубо частное мнение, которое, как и всякий достаточно свободный человек, я имею право высказать. По – крайней мере один единственный раз. Надеюсь, что более не потребуется. И еще очень надеюсь, что многим моё повествование придется не по вкусу. Буду крайне признателен за такую реакцию всем моим недоброжелателям. Почему? А вот почему:

Давайте о грустном.

О времени, о пространстве,

Русском или не русском,

Где отираются

Непонятные существа,

Зовущиеся людьми.

Кто же на самом деле мы, чёрт возьми?

Ноги и руки, туловище, голова?

Из поднебесных тварей самые сложные?

Гордые вместе с тем, что немножко лошади,

Равно как волки, овцы, козлы *и прочия*.

Тёртые – перетёртые, непорочные,
Именно за невинность и привлечённые,
Нищие и сверх меры отягощённые
Завистью нищих (властью тире дензнаками).
В сущности, одинокие одинаково,
Ваньки, родства не помнившие вовеки,
Крепкие, современные *человеки*,
Деятели различных мастей и званий,
Вы, да и я, кривлявшийся перед вами,
Эти, внутри тусовок, процессий, шествий,
Хором рожавшие истину против шерсти,
Стойко пренебрегая известным креслом...
В жизни обыденной горькое стало пресным
(Вкусы – их так легко поменять местами).
Очень приятно, ежели Вы устали.
Глупый вопрос, расплывчатая картина.
Ну, и прекрасно, ежели Вам противно.

Я ошибался, ошибаюсь и, очевидно, ошибусь еще не раз.
Я заблуждался, заблуждаюсь и несомненно буду заблуждаться
впредь. Впрочем, как все... как все... как все... Излишние
эмоции? Согласен, грешен. Так ведь кому же запрещено,
ежели накопело? Если однажды вдруг действительно пони-
маешь, до последних штрихов и точек, ясно и отчетливо –
с меня хватит

WWW. Память. есть. RU

*Новости и старости,
Вечный груз усталости...*

*Утро. Весна на исходе.
Психушка – психушка,
Сколько мне жить?
(от автора)*

Не думаю, что сейчас мне придется разглашать государственную тайну. Даже служебную. Можно ли, как вы предполагаете, считать военной тайной утверждение Чушки на зачете по гражданской обороне, что «бактериологическое оружие является фактором ядерного взрыва, основанном на поражающем действии быстролетучих токсинов»? Ну? И я о том же. А самая большая тайна состояла в том, что наша общага находилась неподалеку от завода по разливу кавказских вин. Меньше километра пешочком, с чайником, трехлитровой банкой или ведерком в руках, и портвейн по трешке за литр становился реальностью. Это называлось восхождение на «Арарат», по имени предприятия, где сей чудесный процесс протекал. На железнодорожных путях стояли вагоны, в коих обитали коммуникабельные горцы, гостеприимные или, на современный лад, толерантные к ходакам со всей округи. В деле добычи и доставки вина Микита, он же Буха-

рин, был непревзойденным мастером. Так сказать почетным альпинистом. Винно – горным егерем. Отправляясь в такие походы, он напяливал на голову черный берет с кокардой вооруженных сил и стройотрядовскую куртку, цвета хаки, усеянную многочисленными и довольно крикливыми эмблемами. В таком виде мы обычно раз в неделю посещали занятия на военно- морской кафедре, и, очевидно, Микита чувствовал себя в униформе более защищенным от посягательств извне и от блюстителей порядка прежде всего. Что касается милиции, то её рейды на «Арарате» устраивались более или менее регулярно, что, впрочем, должного эффекта не давало. Троцкий, например, никогда от наряда не бежал. А однажды, увидев двух сержантов, сам подошел к ним и представился, мол такой – то, оттуда, здесь пребываю с целью... На вопрос удивленных ментов, почему расхаживает в таком виде т.е. в берете и куртке строяка «Фотон», наш „альпинист“ вполне резонно заметил, что он привык к такому прикиду. Ибо в оном виде ходит на „войну“. „Войной“ у нас назывался день, проводимый на военной кафедре один раз в неделю. Но сержанты восприняли это слово в первоначальном его значении. И осведомились, а не дурак ли наш Микита. Тот отрапортовал, дескать, есть немного, даже справку давали, и был милостиво отпущен на все четыре стороны с добрым присловьем в след. После чего вернулся к воплощению в жизнь коллективного желания снарядивших его в экспедицию товарищей... кстати, по всему маршруту

от общаги до чудесного оазиса в парадных близлежащих домов были устроены пункты для пробы приобретенного напитка, оборудованные гранеными стаканами. Местные алкаши, люди должным образом воспитанные, посудой пользовались, но оставляли её на прежнем месте, дело-то святое, вопрос этики, ни больше, ни меньше. Последнее мое воспоминание в тот вечер: Бухарин пляшет у нас в комнатухе, музыку я уже практически не слышу, однако же сам её и извлекаю из довольно „заслуженной“ гитары, а из – под ног у Микиты в стороны отлетают то и дело комья присохшей к ботинкам грязи. Вполне интеллектуальное веселье, с учетом того, что орал я какую-то оголтелую белогвардейщину, а вот, что именно не упомяну. Совсем по классику: „...разъезжаясь локтями в баклажанной икре горланили «Поручика Голицина».... И нарочно не придумать: чувак, по прозвищу Бухарин, пляшет под контрреволюционный шансон. Опять же портвейн – «напиток развитого социализма, который крепко бьет „по шарам“ и воссоединяет с просторами страны». Вот мы и воссоединялись, будучи сами рождены именно на просторах. Там, где понятия родина и государство не имеют ничего общего друг с другом. Точнее второе воспринимается в целом абстрактно, а в частности ассоциируется с ближайшими представителями так называемой «власти», например участковым или домоуправом, в нашем случае – с комендантом общаги. Мы тогда волей неволей жили легко, весело и бесшабашно, нарочито не следуя нормам

и правилам поведения советского студента. И сие вполне получалось, хоть и во многом неосознанно, спонтанно, и только гораздо позже стало нам понятно и реально ощутимо, насколько тяжек и порой невыносим подобный образ неконструктивного по отношению к окружающему миру образа поведения. «Нонконформизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно!» Вот- вот. Именно поэтому. Ласкает, пока однажды не сдуешься, становясь, в результате, так называемым нормальным человеком. То бишь особью, учитывающей всевозможные обстоятельства и поступающей сообразно с ними, а не вопреки. Словом, и рад бы, парни, но.... Вот все дело в борьбе с многочисленными «но». А бороться с ними, по большей части, означает, в обыденной жизни, не особо сопротивляться. Без ущерба для себя же в первую очередь. А ведь помнится время, когда было очень просто бороться против каких бы то ни было «НО». Вот смотрите: «Н» – это регбийные ворота, «О» – регбийный же мяч. Поставьте «О» в некотором удалении от «Н», по перпендикуляру, как правилами предписано, разбегитесь, и подобно игроку, выполняющему реализацию или штрафной, вколотите мяч в ворота, выше перекладины. И все, и никаких проблем, смею вас уверить.

Правда для удара обувка соответствующая требуется. А то промазать можно, связки растянуть или порвать, а то и все ногу поломать. Вот, если ботинки Микиты взять, то были они войлочные на резиновом ходу. И без шнурков. Ны-

ряич их называл, уже однажды упомянутыми, «шушенскими самострелами» (сильна была большевистская терминология, однако презираема, ибо в наши головушки забивали ее с раннего детства, нас не спрашивая, силком). Просто Бухарин заводскую стипендию свою, да и родительские переводы, частенько переводил на кир, оттого и не находилось денег на гардероб. Ну и что? Он, помнится, где – то шубу достал из искусственного меха, коричневую такую, так она ему жизнь спасла. Микита по пьяни на полном ходу из такси выпал и ничего, ни царапины. И не замерз, свернулся в шубе калачиком и давил храпака, опять на проезжей части, пока Дербент, попутчик его, не вернулся назад на той же тачке и не разыскал потеряшку. А старина Бухарин, по сведениям из источников, заслуживающих доверия, на этой шубе даже крутил с одной дамой любовь в январе на Волковом кладбище. О, как! А уж сколько раз он в лифте спал накрытый своим мохнатым искристым синтетическим пологом! Никто и считать не станет. Процесс периодический, устойчивый.

Я, к примеру, полжизни проходил в кирзачах. Да, что я! С сорокового года половина народонаселения, в прахоря обутая, шаталась по просторам одной шестой части. И ничего. Ничего в смысле плохого, поскольку, ежели сапожки правильно подобраны, разношены, как следует, да с портяночками, по климату – сукно или хэбэ, сами выбирайте, так сплошная польза и красота получаются! А сапожки тоже раз-

ного покроя бывают, вот найдешь приличные, с голенищами укороченными, на ремешках, проваксишь должным образом, с подогревом, швы все варом пройдешь, сносу им не будет, уверяю. И никакого неуважения к кирзовым сапогам, предупреждаю! На монтаже у нас все едино, начальник ты, сварной или слесарь, выполз на отметку, экипируйся правильно. Костюмчик кислотостойкой ткани, кирзачи, без вариантов. Тогда и работается с удовольствием. А вы говорите – Италия, Монте Наполеоне, Суоми, Аалтонен... ба-ловство одно.

Мне пятьдесят лет. Я пишу стихи и песни. Даже собственная супруга порой считает меня ненормальным. Восемь годков назад, я, будучи главным инженером одной шараги, вдруг перестал вести себя адекватно, а именно ежедневно исправно ходить на службу, прилежно исполнять указания директора, большого ума и щедрости человека (хоть он и не был очень последовательным в данных направлениях, и даже одно время весьма ко мне благоволил), и забил, что называется, на всю подобную жизнь. Многие до сих пор озадачены моим тогдашним взбрыком и последующим поведением.

С тех пор я живу случайными заработками, у меня вышло три сборника стихов, я записал «компашку» с песнями, неоднократно публиковался в толстых литературных журналах, был принят в Союз писателей. Некоторые мои однокашники по вузу, да что там некоторые, подавляющее большин-

ство, прожив три десятка лет в Питере, до сей поры не знают кто такой Глеб Горбовский. А следовало бы, хоть за «Фонарики ночные» и «У павильона пиво – воды». Ведь горлашили их в свое время. На Дальнем востоке как-то случилось нашей группе на практике околачиваться, так я про «советского постового» играл как раз этим самым советским постовым, по их же просьбе. Тем не менее коллеги по прежней службе считают мои нынешние занятия легкомысленными по меньшей мере. Как лениво и снисходительно выразилась одна знакомая тётя: «Делать тебе не френ, доминас ты штопаный». Правда она в то время только что вышла из полуторамесячного запоя и была не совсем адекватна. Но глянуть свысока не преминула. Впрочем, поделом и мне. Ибо я частенько желчен, едок и непримирим к своим бывшим сослуживцам, несмотря на внешнюю вежливость. Они чувствуют скрытую насмешку и реагируют соответственно. Возможно у них, равно и у меня, подобные акценты общения расставляются спонтанно, вроде защитного или сигнального освещения. Скорее всего так. Ну чего нам делить?

Вообще, сколько себя помню, никогда не мог чем бы то ни было продуктивно заниматься по принуждению или даже, порой, побуждению извне. Я в такие периоды как раз и напоминал сам себе уже упомянутого кота, которого насильно хотят напоить молоком и с тупой настойчивостью пытаются ткнуть мордой в миску – «поешь – попей». Никогда вы таким образом ни одну животину не накормите, не напоите.

Это точь в точь, как потуги некоторых ретивых не по уму законодателей сделать счастливыми всех сразу, весь народ, одним ударом. Самое главное – они не унимаются, одни, состарившись, затихают, на их место приходят новые. Молодые радители за всеобщее счастье и здоровье. Лет сорок назад я, мальчонкой, уже наблюдал нечто подобное. И впоследствии не раз. И сегодня – «шоу продолжается». Слышите, деяги, я не хочу и не буду здоровым, счастливым и богатым по вашей инициативе. Я лучше в канаве загнусь, лучше бутылки вновь стану собирать, но по своему желанию – хотению. Слышите, умницы и красавцы. Не обольщайтесь, ваши мамы тоже, как выяснилось, родили сплошь гениальных и добродетельных сыновей.

Как – то все невесело, хоть и смешно. Прежде я умел на окружающий мир смотреть гораздо веселее. Пока совсем не развеселили. Окончательно и бесповоротно. Иногда мне кажется, что самое ужасное, вдруг понять, что ничего особенного с тобой в жизни не происходит, настолько все обыденно и затхло. Это, должно быть, элементарное тщеславие, поэтому следует попросить прощения у Господа и успокоиться на этот счет. Ведь на самом деле отсутствие громких новостей и происшествий и есть столь желанная большинству стабильность и незыблемость существования.

Молодость – молодость. Вполне согласен с цитатой, что «... молодость была глупа и жестока». На поверку именно так и происходило. Кого мне было жалеть? Не просто так,

ай – яй – яй, бедненькие... А по – настоящему, умея сочувствовать не словами, но делом. У жалости ведь тоже много оттенков. И когда она превращается в сочувствие и сострадание без соплей, вот тогда... У молодых, чаще всего, нет на это времени. Не отпирайтесь, ребята, в общем все по делу.

Реплика в сторонку

– Папа, папа, а правда ты в молодости был членом суда?

– Я-то? Да, сынок, было дело. ...Членом туда – сюда...

Эх, молодость.

Проверено на практике: пудовая гиря, сброшенная с двенадцатого этажа, углубляется в асфальтовое покрытие примерно на четверть корпуса. В свою очередь, противопожарная атака контейнера для твердых бытовых отходов, при горении означенных отходов со средней интенсивностью, является эффективной при двукратной бомбардировке очага возгорания наполненным водой полиэтиленовым пакетом, емкостью не менее пятидесяти литров. Сброс оногo в контейнер производился также с двенадцатого этажа нашего вузовского общежития и сопровождался заносчивыми воплями: «Эха – на!» и «Эха – эха! Мы из „Спецтехсмеха“!».

Несмотря на совершенно распоясавшуюся грозу мы упорно торчали на лоджии, курили и с огромным интересом смотрели вниз, на соседнее с общагой здание профтехучилища. Там, под одним из козырьков, укрывалась от стихии влюбленная парочка: мариман с подругой. Оба в практически невменяемом состоянии. Судя по манипуляциям, ими совершаемым, ребятам необходимо было срочно принять

лежащее положение. Однако сие не представлялось возможным по двум причинам, во – первых, и вокруг, и даже у них под ногами, хлопала практически жидкая грязюка, а во-вторых, они стояли в наклонку, подпирая друг дружку. Чуть разомкнись объятия, и ау, грохнуться порознь наверняка. С балконов пялилась на них почтеннейшая публика, горячо, впрочем, влюбленных горячо одобрявшая и подававшая ободряющие советы. Дождь шел долго. Представление, соответственно, тоже. А потом пришел Нечи.

– Нечи, какие планы на сѣдня?

– Да наверное покушать надо, а потом сорочки прокипятить.

Сорочками Нечи называл преимущественно белые рубашки. Тазик он арендовал у Крота. Хозяйственного мыла было в наличии, хоть отбавляй. Эмалированная посуда для горячей стирки сорочек в мыльном растворе вскоре была водружена на плиту «Лысьва» в кухне. Выходя в коридор Нечи еще раз окинул сооруженный интерьер удовлетворенным взглядом художника – дизайнера...

...Когда горит тряпье, дым особенно едкий и невыносимый. Черные лохмотья окончательно прокипяченных сорочек устилали кухонный пол. Мы кое как открыли окно, и ворвавшийся в кухню ветер вытряхнул последние сгоревшие ошметки из раскаленного тазика, от которого с треском отлетала эмаль. Кто-то пытался позвать Нечи, но тщетно. Они – с убыли из общаги в неизвестном направлении.

Вообще нашей кухне везло на хроническую амнезию пользователей – кулинаров. Был у нас один такой, прозвищем Каша, так он курочку вариться поставил и уехал домой, в старинный русский город, на каникулы. Курочка конечно же шибко огорчилась и огорчила нас. А мы постарались хоть немного огорчить повара, когда он вернулся отдохнувший и вполне довольный собой. Признав свою неправоту Каша тут же доказал правоту утверждения о существовании объективного закона парных случаев. Он забыл о консервной банке, поставленной в кастрюлю с кипящей водой с целью получения вареной сгущенки из обыкновенной на водяной бане. Искомый и вождеденный продукт удался на славу, то есть именно Каша собственной персоной, удивительно вовремя вошедший в кухню, подвергся атаке горячих, густых, пастельных плевков, вырвавшихся из взорвавшейся жестянки. Пастельный крап устилал стены и потолок кухни и совершенно не гармонировал с Кашиной речью, состоявшей из отборных плевков матерного характера. Да что там Каша, аз грешный множество раз обнаруживал в кастрюле вместо супа из пакетика некие горелые сухарики, отправляя их вместе с тарой в мусоропровод. А Тоха специализировался по сожжению носков в старинном алюминиевом чайнике, где он пытался их прокипятить, как Нечи сорочки в тазике. Попик, бедолага, неоднократно претерпевал крушение надежд сварить себе более или менее настоящий кофе, ибо, как только ставил турку на плитку и отлучался на минуту – дру-

гую, в кухню с гнусной улыбочкой через второй вход прокрадывался Кулек со столовой ложкой соли в руке, и высыпал соль в джезву. Действовал он с упорством идиота, повторяя шутку раз за разом, и все – таки разоблачению не подвергся. Кулёк вообще был падок на подобные действия и вместе с тем удивительно везуч. На втором курсе в общаге появилось довольно много литых сковородок с деревянной трубчатой ручкой, насаженной на металлическую основу круглого сечения, проще говоря, на прут. Эта деревянная облицовка, от воздействия температуры в процессе применения слегка обгорала в месте примыкания к корпусу сковороды и вскоре начинала свободно вращаться вокруг основы. Поэтому сковородка, в момент отрыва от поверхности стола или плиты частенько делала оверкиль, высыпая содержимое на пол или еще куда – нибудь. В подобной ситуации и оказался Куль, когда пытался отправиться в комнату со сковородкой жареной картошки в руке. В это время на плите стояла абсолютно такая же сковородка, в которой тоже доходила до готовности шкворчавшая в кипящем масле картошка. Надо ли объяснять дальнейшие действия нашего находчивого товарища? Слава Богу мы так и не узнали, кто поужинал картошечкой, собранной с пола. Правда и они остались в счастливом неведении.

Зайдя в комнату к Миките, я сразу заподозрил неладное. Порядок был наведен умопомрачительный, даже тюль на ок-

нах, похоже, висел выстиранный. Сам хозяин берлоги тоже выглядел каким – то отутюженным. И почти накрахмаленным.

– Новую жизнь начинаю, Длинный. Завязал бухать – гулять. Во, гляди, каши перловой накупил в пакетах, на завтрак, – Бухарин замолчал, точно мысль на этом завершилась, но спустя мгновение продолжил: – Да и с куревом вязать нужно. А то достало, сам знаешь, стипуху с завода получу и тут же прорефреначу, через неделю матушка денжат подбросит – опять гужу. Не – е. Хорош.

Я помычал понимающе для солидарности и покинул келью подвижника, не особенно веруя в чудесные преобразования.

Микита мужественно выдерживал осаду пагубных страстей ровно трое суток. После чего сдал душу и сердце, а следом и тело, на милость одержавших очередную победу пороков. Дверь в комнату была приоткрыта, я заглянул внутрь, Бухарин валялся на полу, вероятно не осилив кратчайший путь до кровати, и пытался петь нечто вроде: « Па – ра – ру тачь – тачь – тачь, пар – ру – яру! Одесса мама первернулась, гоп – ца – ца!». Ноги его в этот момент существовали отдельно от остального организма, совершая эволюции в самостоятельном ритме. Потом я видел Бухарина вместе с Чушкой, сидящих на скамейке за углом от лифта на нашем этаже, в не менее сложном состоянии, собирающихся продлить ощущение кайфа и праздника души. Чушка что-то ак-

тивно рассказывал приятелю, обобщая впечатления фразами такого рода: «Так вот, вчера увидел её, Натаху, по пояс голую. Шишки, прикинь, как твоя голова!» Чушка вообще с повышенным вниманием относился к женской груди соответствующего размера. Бюсты номером более третьего вызывали у него моментальный восторг, сопровождаемый полумычащими возгласами: «М – м – м! Кла – а – сс! Ну – у, гля! Прямо – иди сюда!» Однажды, увидев на кафедре материаловедения статную лаборантку с очень внушительной грудью, задрапированной джемпером в обтяжку, Чушка шепнул Михе Лунёву: «Лунь, смотри, а, больше чем у твоей Катьухи?». Миха, флегматичный, белокурый, рослый, прыгун – шестовик, спокойно проводил даму взглядом, потер переносицу, точно на самом деле оценивая увиденное, и протяжно произнес: «Нет, брат, больше не бывает».

– Длинный, ты чай пить будешь? – Боб рылся в тумбочке, производя ревизию имеющейся снеди.

– Да, буду, – отвечал я, наперед зная следующую его реплику.

– Тогда иди, чай завари, а я пока бутербродов наделаю.

Прошлым летом Боб был мастером в городском стройотряде «Монолит». Городские стройотряды отличались от любых других, так называемых дальних и ближних, невообразимой эфемерностью. В ближних и, тем паче, в дальних строяках люди зарабатывали деньги. В городском тоже, возмож-

но, когда – то, кто – то, что – то реально зарабатывал, но в основном это формирование создавалось под конкретных командиров и комиссаров, делавших карьеру в комсомоле. Для весомой отметки в славном послужном списке будущих руководителей окрестной комсы. Поэтому вот, командир отряда, где мастерила Боб, а равно и комиссар, через неделю после начала работы благополучно канули по своим надобностям и более в отряде их никто не видел. Боб собрал расстроившиеся было ряды личного состава в довольно – таки боевое формирование, предложив парням и немногочисленным девчатам реальную перспективу вполне приличного существования в период летних каникул в большом городе. Мужская часть стройотрядовцев была разбита на бригады, которые с утра методично, по квадратам, прочесывали Шуваловский и Удельный парки, не забывая о прилегающих скверах и придомовых территориях, на предмет тотального сбора пушнины сиречь стеклотары любого калибра. После полудня вся добыча реализовывалась в профильных приемных пунктах и обращалась, фигурально выражаясь, в хлеб и вино. Немногочисленные, повторяю, но надежные и боевые девушки, приписанные к «Монолиту» в качестве боевых подруг, занимались приготовлением закуски, сервировкой и уборкой стола. Вечер же посвящался продолжению праздника любыми доступными для этого средствами. Иногда довольно радикальными.

Наполнив чайник молдавским розовым портвейном, Боб,

немного помедлил, размышляя о чем – то, потом достал из полочки на стене два флакона одеколona «Шипр» и, свинтив крышечки, хладнокровно вытряс содержимое флаконов в вино. Затем он закрыл крышку и поставил чайник на конфорку плиты. Олeжка Лeер, оторопело наблюдавший за действиями мастера, испуганно выдавил: «Боря... Боб... я... я не буду это пить... это нельзя пить...». «Олег! – в голосе Боба слышалась явная укоризна с оттенком назревающего разочарования, он навис над щуплым товарищем всеми своими богатырскими килограммами и метром восьмьюдесятью пятью, – Олег! Это надо пить!». Работяги, постоянно обитавшие в общежитии, где нашлось место и стройотрядовцам, были приручены студентами, точнее, их вожаком, радикально и сразу. В ответ на хамский, судя по всему ногой производимый, стук главного аборигена в дверь комнаты, Боб распахнул оную и без лишних слов поверг агрессора на пол безжалостным, снайперским ударом в пах, после чего закрыл дверь и вернулся к своему прежнему занятию, а именно трогательной партии в шахматы со стройотрядовкой Машенькой. Следующий позыв из коридора был робким и просительным, точно кот скрёбся в дверь.. Когда Боб вновь явился пред недавно поверженным, тот чуть ли не на колени рухнул, умоляя не метелить сразу, но ранее выслушать. Словом, все недоразумения так или иначе разрешились, и вечером того же дня состоялась общая попойка студентов и работяг на территории местных жителей, закончившаяся, как

ни странно, вполне тихо и мирно.

Новогоднюю дискотеку в новой общаге организовал институтский комитет комсомола. Не знаю, из каких именно учебных групп понабрали в комитет столь умных, хороших, доброжелательных, инициативных ребят, но именно в недрах этого с позволения сказать молодежного штаба родилась бредовая идея сделать вход на праздник по пригласительным билетам. Для воплощения задуманного в жизнь плацдармом была избрана столовая на втором этаже, довольно обширное помещение без единого намека на принадлежность к общепиту. Новое общежитие, дом о пятнадцати этажах с одним входом, вообще отличалось какой-то внутренней немощью. Кроме так толком и не заработавшей никогда столовой, плоские батареи – макаронки в комнатах практически не давали тепла, а электрооборудование то и дело сбоило, нагружаемое сверх меры самодельными нагревательными приборами, вдобавок датчики пожарной сигнализации в комнатах не подавали никаких признаков жизни. Впервые зайдя в комнату, где нам предстояло жить, Боб критически оглядел пластмассовые конуса на потолке и молча поджег зажигалкой газету, которую до этого держал в руке, вознеся факел поближе к чуду технической мысли. Никакой реакции от датчиков не последовало. Боб встал на стул и, закурив сигарету, долго и сосредоточенно обдувал устройство табачным дымом. Потом спрыгнул на пол и удовлетворенно про-

изнес: «Ни рефрена они не пашут. Кури, Длинный!» Впрочем, я отвлекся. А весть о пригласительных билетах вызвала у населения общаги вполне законный вопрос, дескать, по билетикам пойдут девочки- скрипелочки и кобельки холуйские, а остальной «кобылке» то есть нам, куда деваться? Вопрос конечно звучал риторически, оттого без ответа и остался. В наших же пламенных сердцах затаился до времени неслышный возглас: «Ах, так? Ну ладно!».

Вход в столовую находился на первом этаже, попасть туда с улицы можно было не минуя туркинет и будку вахты. Очевидно предусматривалось, что сюда будут приходить на обед не только студенты, но и все желающие. Но пока ходить было некуда, да и практически некому. Окрестные постройки переживали, по большей части, стадию возведения, и в пределах минимум одной трамвайной остановки от общежития на три стороны, кроме северной, простирались лишь живописные техногенные пустыри. Тем не менее за полчаса до боя курантов последнего числа месяца декабря, узкость перед вахтой и холл, если можно так выразиться, у лифтов были забиты до отказа теми, кому не светил пригласительный билет. Косомольцы – умники решили подстраховаться и поставили на входе в столовку сержанта милиции, имевшего по случаю дежурства в Новый год довольно понурый и даже потрепанный вид. Рядом с ним маячил основной заводила праздника для избранных, главный «красный дьяволенок» нашей альма – матэр Гера Крохин, на ред-

кость принципиальный, добрый и честный парень. Он делал карьеру по линии общественной работы и даже обычная речь его отдавала затхлой канцелярщиной и болотом президиумов. А уж сообщить нелицеприятно о художествах студенческих более старшим товарищам – в этом деле Кроха обладал несомненным талантом. Стучать ведь не просто профессия, сие – призвание. С подобными перспективными задатками ему корячилась столбовая дорога в какой – никакой, но районный комитет комсы. А сейчас, наш способный и перспективный Гера время от времени призывал собравшихся разойтись и не портить праздник нормальным людям. Оппоненты, давно уже нетрезвые, сначала только глухо роптали в ответ, но в последние минуты уходящего года перешли к более активным действиям. На острие атаки оказались наиболее свободные атомы во главе со Стасом Станкевичем, откликавшимся чаще на прозвище Ша. Сей достойнейший кадр, кроме всего прочего, входил в славную когорту альпинистов – араратчиков, возглавляемых нашим выдающимся Микитой. Вахтерши, пренебреженно пожилые и внешне весьма благонамеренные дамы, Стаса ненавидели, и тайно и явно, ибо имел он обыкновение в неурочный час, как правило, после полуночи, предпринимать очередную попытку покинуть общагу, держа в руке помятый, весь в лишаях гари и копоти, алюминиевый чайник, и уверяя, что ему «нужна срочна на вакзал, пасылку передат, а то поезд скорай и долга не стаит». На самом же деле, добившись в итоге сво-

его, Ша возвращался через часок с тарой, полной портвейна и громко, а главное – публично разорялся и сетовал, что «вот ведь, няпруха, не успел, ушел поезд – сабака...». Был он родом из Полесья и всеми повадками напоминал опытного, на своем месте находящегося, партизана – участника «рельсовой войны». Однако же и от появления в открытых акциях протеста не отказывался. Положение стражей культурного отдыха осложнили последние обладатели пригласительных, кое – как протиснувшиеся сквозь враждебно настроенную толпу и попытавшиеся юркнуть в чуть приоткрытую Крохиным дверь столовой. Дверь на его несчастье открывалась внутрь, и когда он попытался вновь её закрыть, толпа вдруг, не сговариваясь, качнулась вперед. Ша неуловимым кошачьим движением смазал сержанту по уху и навалился на комсомольца, рухнув вместе с ним в дверной проем. Фуражка слетела с головы сержанта. Он попытался её поднять, но смятый толпой упал на четвереньки и сумел лишь отползти к входу, не меняя положения в пространстве. И минуты не прошло, как все желающие оказались на втором этаже, где остальные устроители комсомольского праздника, не понимающие, что произошло внизу, врубили бой часов на Спасской башне. Неприглашенные быстро смешались с приглашенными и праздник начался. Крохин пометался несколько минут по залу, пытался что – то орать в микрофон, угрожал нарядом милиции, но его не слушали. Мало того, в ответ доносились внятные сольные пожелания пойти на кукуй

т.е. на хутор, где и наловить бабочек, что ли... Каюсь, мой глас трубный тоже имел место. Гера даже пытался несколько раз воззвать ко мне персонально, но я лишь рукой в ответ махал, дескать, некогда, потом, усиливая жестикуляцию неформальной лексикой. Новый год, между тем, продолжал свое шествие по стране и в пределах отдельно взятой общаги. К чести дежурного сержанта, он вообще не стал ни в чем разбираться и обидчика своего не искал. Видимо просто плюнул на все и ушел из общаги. Праздновать. То ли в отделение, то ли домой. Кто его знает. Нормальный мужик везде к месту. А вся эскапада осталась без последствий. Какие последствия? Кто разберется в произошедшем? Ничего не видели, не слышали, ну, давка на входе, так ведь там узкость, теснота. Обошлось, в общем.

В старом корпусе института на четвертом и пятом этажах левого крыла теснилось множество крошечных аудиторий, в некоторых еще стояли старинные парты с откидными крышками и печи различных конструкций, даже круглые иногда попадались. Эта часть учебных классов называлась в обиходе «школа». Номера аудиторий были трехзначными и, более того, доходили аж до пятисот какого – то.. Но главное богатство этих клетушек было в надписях, выщарапанных на партах. «Наскальные» письма имели различный возраст и порой не поддавались расшифровке. Однажды, сидячи на практике по вышмату, я обнаружил таинственное

словосочетание – «Пеля – хой!» Аналогия, конечно же, сама собой напрашивалась, но все-таки в оригинале был свой юмор и тайный смысл, ибо «хой» он и есть «хой», и ничего общего с популярнейшим нашим словом не имеет. Опять – таки и всем известный клич – «Панки хой!». Вот и проводите параллели. Мой кореш, Ныряич, живший со мной в одной комнате взял себе за правило, проснувшись, звать меня из – под одеяла: «Эй, хой! Хо – о – ой!». Затем одеяло отлетало в сторону, и друг, окинув меня критическим взором, удовлетворенно заканчивал: «Ты же хой!». Письмена предшественников сопровождали нас в течении всего учебного процесса. И мы, естественно, не могли остаться в стороне, и сами старались.

«На недавнее изобретение кубика Рубика профессорско – преподавательский состав нашего вуза ответил немедленным изобретением шарика – жуярика». И далее —

«Постичь науку не стремись. Все это только лишь помеха. Поставить памятником жизнь бутылку сыну Спецтехсмеха». «Спи, студент, стране нужны здоровые специалисты». И уже с явным уклоном в политэкономия – «Куба, отдай мой хлеб! Куба, возьми свой сахар! Куба, Мохиты давно уж нет! Куба, пошла ты на... go to penis!».

Как же насолил товарищ борец с культом личности нашим отцам и дедам, если в нас, независимо от нашего желания и воли, оживало вдруг жгучее презрение, переходящее в не особенно осознаваемую тогда ненависть к пламен-

ному большевику, верному соратнику, выдающемуся деятелю, уморившему десятки тысяч русских и не очень, и продолжавшему до упора ставить эксперименты над своим же народом, ненависть, которая выливалась в подобные частушечки. А ведь мы знали и кое что похлеще на ту же тему. Помните: «Едет поезд из Тамбова, а на нем написано — под горой ведут Курщова, карабаса лысого». Вот вам и память всенародная, и оценка историческая. И лучше не скажешь. И не надо трещать, что время примирило „красных“, „белых“ и всевозможных „зеленых“, и это — наша история, а в тех бесовских временах тоже найдутся поводы для гордости, пусть не всё подряд, но тем не менее. Историю, согласен, не переделать, однако же прежде всего её надобно уяснить и написать честно и грамотно. А гордиться можно, даже нужно, только понимая, чем именно, поскольку никакое время не в силах примирить нас с нашими палачами, никакие и ничьи мифические заслуги в эпоху непрерывного народного горя и всеобщих страданий, в эпоху вранья и крови, не могут служить для нас предметом огульной гордости. „... ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии...». У нас ведь любая радость обязательно «со слезами на глазах». И я ничего не забыл, и не забуду. И никому из бесовской рати не простил, и никогда не прощу.

Фамилия у Лехи была громкая. Дипломатическая, прямо скажем, фамилия. Его на курсе так и звали — Консул. Прав-

да внешности соответствующей, консульской, Леха не имел. Напротив, был он худощавым, и выглядел слегка изможденным, точно голодом его слегка поморили, не очень, впрочем, сильно, а так, для остратки. Боб, увидев Консула впервые, по своему выразил ему свое сочувствие, за глаза конечно, шепнув мне, мол, этому парню нужно срочно что – то съесть. Если бы я в то время хорошо разбирался в кинологии, то непременно окрестил бы Леху не Консулом, а Бассетом. За конструкцию глаз и такой же, как у милых этих собачек, немного страдальческий взгляд. Леха был года на четыре старше нас, вдобавок женат, и поначалу держался обособленно. Дружбу он водил с ровесниками, уже отслужившими, как и Консул, в армии, Женькой Кавериным и Ваней Скрябиным. Вдобавок, были они по сути земляками – Котлас, Коноша, Коряжма. Все трое никогда не отказывались выпить, причем Иван, медленно выцедив стакан любого предложенного пойла, обязательно качал одобрительно головой и причмокивал с видом сомелье: «Хорошее вино!», а Женя, хоть ты ему вискарря налей, хоть «Курвуазье» или «Твиши» поднеси, качал головой, утверждая, что травят народ черте чем, и вообще —

«вязде огибаловка». Консулу же было попросту все равно, что и где употреблять. Процесс питания до времени протекал у него тихо и неприметно. Пока он не проходил «точку невозврата». Тогда Консул становился довольно агрессивным и мог даже полезть в драку, хоть и выходило это у него

почти всегда в ущерб себе. Но унять его, распаленного Бахусом, удавалось отнюдь не сразу. Он, например, никогда не забывал напомнить пытавшимся его урезонить, что служил на Острове Свободы, и потому все барбудос – его «лешие кореша», а старина Фидель до сих пор на дни рождения ему, Консулу, открытки поздравительные шлёт.

По стародавней вузовской традиции третьекурсники проводили сентябрь на полях подшефного совхоза, предаваясь увлекательнейшему занятию – уборке моркови. Жили студенты тут же в лагере, разбитом близ совхозного поселка и состоявшем из нескольких жилых бараков и столовой. Орду морковоеуборщиков возглавляли преподаватели и аспиранты как правило с общеинженерных кафедр. Было их не так уж и много, человек пять – семь в общей сложности, но этого вполне хватало. В урочный час настала и наша очередь отдать долг родному сельскому хозяйству. Командовал нами доцент кафедры теории механизмов и машин Ребров, еще довольно молодой и не без чувства юмора мужик, предмет свой знавший очень прилично. Он как раз вел у нашей группы практику и курсач, и мы его вполне уважали, тем более, что пустословом он не был, балагурить, как многие преподады, не старался, и отличался строгим отношением к процессу учебы, напоминая порой не гражданского, а сугубо военного человека. Сам себя он очень ценил, и, будучи о себе высокого мнения, честь свою всячески оберегал от разного рода посягательств. По этой причине, например, у него

нужно было действительно учиться, а не страдать реферней в студенческом научном обществе, дабы получить на экзамене «отлично». Подхалимов и холуев он, по – моему, не имел, поскольку, очень похоже, презирал таких. Во всяком случае у большинства из нас складывалось такое впечатление. Да и слабостей мы за ним не числили никаких. И очень даже зря, как выяснилось.

Итак, прибыв в расположение совхоза, скажем, «Большое дышло», наиболее инициативные и опытные люди сельхозотряда предприняли немедленные шаги для обеспечения достойного и, насколько возможно, комфортного существования в полевых условиях. Первым делом нами была захвачена столовая, куда, на правах, главного дежурного был определён Стас Станкевич, он же Ша. Дело в том, что означенный Ша сочинил себе легенду о нетрудоспособности по абсолютно вздорному поводу, именно ввиду вздорности и показавшемуся убедительным нашему начальству. Ша, ничто же сумняшеся, облепил поясницу перцовым пластырем и заявил, что у него сорвана спина, ибо он весь каникулярный август грузил – разгружал овощи себя на родине, дабы заработать немного денег на скромную студенческую жизнь, ибо стипендия в текущем семестре ему, по причине «хвостов» по теормеху и вышмату, не полагалась. Бедствующий наш товарищ был зачислен на камбуз годным к нестроевой. Группа в составе Боба, Ежика, Кулька Шынка и Нечи определилась на тарный склад, а я, Чушка, Клепа, Ватсон, Пэк,

Микита и Зеленый – в грузчики. Имели мы в виду в грязи ковыряться. Да и проверяющими шакалить тоже не в жилу, своих же мордой в неубранные корнеплоды тыкать. Лучше уж с чистой совестью «шланговать», никому не мешая.

Первый завтрак в столовой мы привыкли устраивать еще до общего подъема. Опять – таки не девчонкам же – стряпухам, воду таскать, дрова колоть. С этими делами мы справлялись быстро и в благодарность за сноровистость и оперативность нам готовили нечто выходящее за рамки макаронно – тушеночного меню. Например омлет на большом противне, пышностью напоминавший кусок пухового одеяла. К тому же на кухне было чрезвычайно удобно и практически безопасно раскатить с друзьями одну, вторую, третью бутылочку портвейна или чего – то похожего. Накладки впрочем не исключались, ибо Ребров был человек дотошный, имевший обыкновение знать, что происходит во вверенном ему отряде и его подразделениях. Однажды он почти накрыл нас в самый разгар «адмиральского часа». Мы как раз опустошили свои стаканы, а Ша, рассказывал анекдот и промедлил немного. Вдруг отворилась дверь и в каптерку зашел наш командир. Он окинул взглядом высокое собрание, осведомился, все ли в порядке в столовой, и что это мы тут делаем. Стас вполне по – деловому ответил, дескать порядок у него полный, а нас он привлекал в качестве добровольцев, дабы распилили двуручной пилой несколько сучковатых, толстенных бревен, давно уже валявшихся на территории лагеря. «Ну,

хорошо, – Ребров еще раз оглядел нас и задал последний вопрос: «Станкевич, а в стакане у вас что?». Ша зевнул и лениво – протяжно молвил: «А это компот». После чего медленно выцедил коричневатую жидкость и, подойдя к раковине, сполоснул стакан водой из висевшего над ней рукомойника. Тем все и закончилось.

Все, да не все. В том смысле, что как в известной песне поется – «Все впереди!». Как выяснилось вскорости, доцент Ребров тоже был отнюдь не дурак выпить. А выпивши, поиграть на баяне. Играл он, кстати, неплохо, по всему виду учился когда – то в музыкалке. Одно слово – голяшник. Но игра игрой, а кроме этого, опрокинув рюмку, имел ученый муж обыкновение блюсти и контролировать в лагере армейскую дисциплину с удвоенным рвением. Чтобы, значит, ни звука из комнат, ни шатаний студиозусов без дела в расположении. Вот, оказывается, чего ему для полного счастья недоставало «по бухаре». Но мы тоже любили выпить. Компания у нас подобралась хоть куда, времени- навалом, деньги, даже если их не было, можно было отыскать. Короче, в один прекрасный день обстоятельства места, времени и действия сложились в единый вектор и... Утром того рокового дня Боб бегал по комнатам, лихорадочно спрашивая, не найдется ли у кого одеколona или лосьона после бритья, мол Ежик (вот же, блин, как в анекдоте!) брился и сильно порезался, прижечь бы ранку на подбородке, а то шибко кровит. Саша Осадчий, встретившийся Бобу

на пути, и сказавший, что у него есть отличный крем после бритья с очень действенным антисептиком, был немедленно подвергнут обструкции со стороны Боба и снабжен деловым советом, куда ему следует этот крем засунуть. А одеколон нашелся у Консула, и владелец чудодейственного эликсира извлечен из своих апартаментов вместе с флакончиком и препровожден к нам в будуар, где вместе с присутствующими употребил «тройник» в количестве пары пузырьков, как и предусматривалось сценарием, для затравки, внутрь. Но полумерами мы ограничиваться не собирались. Далее все события развивались по схеме, напоминавшей тактику боя арабских войск времен халифата Омейядов, у которых вслед за «утром псового лая» следовал «день помощи», плавно переходящий в «вечер потрясения». И вечер не замедлил настать. У нас в комнате было довольно шумно, орал магнитофон и присутствующие общались далеко не шепотом. Гитара тоже нашла самое живое применение и «свежий запах лип» примешивался к сентиментальным просьбам вроде « не пишите мне писем, дорогая графиня“. Вполне уже развеселившиеся грузчики и тарщики, а также приглашенные почетные гости Ша и Консул, вели себя в общем и целом прилично то есть за пределы помещения не выползали, не колотили в стены комнаты кулаками и подручными предметами с криками, обращенными к соседям, вроде призыва „не спать!“, и не пытались выяснять меж собой „кто из нас щенок?“. Атмосфера „за столом“ была праздничная, ибо праздники мы

устраиваем себе, как известно, сами, и внушала нам надежду на приличное завершение события. На беду, в это же самое время, на другом конце лагеря, доцент Ребров и вверенные ему аспиранты и ассистенты в количестве канонических пяти – семи человек, тоже сидели за столом, по поводу чьего – то дня рождения, употребляя, конечно же, не минеральную воду. Дойдя до определенной кондиции, начальник сельхоз отряда возбудился к активности и решил „обойти дозором владенья свои“, выслав вперед разведку – аспиранта родной кафедры Василя. Вася, обычно спокойный и даже тихий молодой человек, во хмелю проявил нешуточное служебное рвение, которое вполне логично привело его, спустя некоторое время, к запертой изнутри на ключ двери нашей обители. Мы, если честно, не сразу сообразили, что кто – то к нам ломится. А сообразив, не проявили ни малейшего желания открывать, сообщив через перегородку нестройным, но громогласным хором маршрут дальнейшего следования желавшему войти. Нашу декларацию, однако, услышал не только Вася, но и главные проверяющие силы, уже скопившиеся в коридоре у заинтересовавшей их комнаты. Стук в дверь усилился и стал, как нам показалось, возмутительно требовательным и, более того, наглым. В ответ Чушка, повернув „головы кочан“ к двери, и увидев сидящего совсем рядом с ней Консула крикнул: „Консул, дай им всем звезды, но никого не пускай!“. Леха, ни секунды не промедлив, вскочил со стула, повернул два раза ключ и распахнул

дверь. Он действительно не стал разбираться, кто перед ним стоит, и Вася, оказавшийся на острие атаки, был взят за плечи, резко развернут на сто восемьдесят градусов и отправлен вглубь коридора пинком под зад коленом. Та же участь через мгновение постигла и доцента Реброва, после чего Ле-ха шагнул обратно в комнату и закрыл дверь на ключ. Мы, собственно, толком и не поняли, что произошло. Возлияния шли своим чередом, музыка не умолкала, гомон за столом стоял уже конкретный, попробуй тут, сообрази. Но командиры предприняли обходной маневр, попытавшись взять комнату штурмом через приоткрытое окно. И тут настала очередь Нечи. Он с неожиданным для его комплекции проворством метнулся к влезавшему на подоконник Васе и схватил аспирантика за грудки. „Да куда же ты, халдюк, лезешь? – почти ласково прошипел он Васе в ухо. Бедный аспирантик и ответить – то ничего не успел, а ветеран неведомых ему баталий перешел к более развернутому пояснению: «Да ты знаешь, что я в Сирии с такими делал? Когда каждые пятнадцать минут за борт гранату, чтобы ваш брат не заполз куда не надо! А ты мину – лягушку разряжал, а сынок? Да со мной смерть в обнимку спала. А ты мне отдохнуть не даешь?» Нечи вообще был мастер на подобную галиматью. Откуда он это все брал, одному Богу известно. Но получалось у него очень даже убедительно. И внешность соответствовала. Лицо Нечи напоминало потертую боксерскую перчатку, опытную, повидавшую виды, и поэтому, вполне уже неагрессив-

ную, добродушную. Но вот когда сей заслуженный лик искажал праведный гнев, это действовало даже на знакомых людей весьма разительно, ибо Нечи, похоже, сам верил всему, что изрекал, интуитивно и стихийно исповедуя систему актерского перевоплощения от создателя столичного художественного театра. Рост и разворот плеч он имел почти гвардейский, тем более он уже отслужил своё, и был по поводу армейской жизни в теме, широко используя обиходную терминологию военнослужащих. Так что Василию вновь не повезло, сопровождаемый боевыми сказками – присказками, он вылетел в окно и обосновался на травке, сидя на пятой точке, и уже потеряв всякое желание кого – либо усмирять. Доцент Ребров тоже повел себя разумно. Он просто ретировался и появился вновь часа через три, приведя себя в порядок. К тому времени мы тоже убрали следы праздника и переместились на природу, оставив в комнате Клепу и Пэка, самых спокойных и почти уже трезвых к приходу Реброва, поскольку они успели выспаться. В итоге инцидент развития не получил. За малым исключением. Ребров – таки запомнил, кто же отвесил ему столь обидный пинок и на исходе семестра зарубил Консулу четвертый этап курсовика, который считался по программе на ЕС ЭВМ в институтском вычислительном центре. «Ваша программа опять не прошла, придется все выполнять вручную. Но, в установленный срок, боюсь, вы не успеете.» – ледяным голосом объявил он Лехе. К экзаменам Леха однако успел, сдав курсовой не Реброву,

который на его удачу, захворал, а профессору, читавшему у нас курс лекций по предмету. Но оказалось, что это были только цветочки консульской судьбы. А через год она преподнесла Лехе настоящую волчью ягодку.

Известно, что самый действенный способ борьбы с искушением – поддаться ему, что Консул однажды и сделал весьма эффектно. Просто не в том месте и не в то время. Дело шло к маю. После лекции по техмашу я вышел на улицу и решил перекурить у здания кафедры, расположенном во внутреннем дворе института за главным корпусом. Едва прикурив папиросу и с наслаждением задымив, я увидел бредущего по двору в направлении меня Леху. Вид у него был откровенно меланхоличный и я, внутренне усмехнувшись, решил, что приятель мой вчера основательно перебрал, а теперь откровенно болеет. Консул действительно был с похмелья, но, как выяснилось из последующего разговора, печалило его не это. – Ты понимаешь, Длинный, – Леха тоже закурил и жадно затянулся. – Мы позавчера в ДНД группой дежурили. И, похоже, влетел я на полную катушку. Послал, значит, участковый меня и двух ментов по притонам, да блатхатам пройтись. Ну, на которые сигналы от народа поступают. Мы и пошли. Заходим, это, в квартирку одну, а там как раз шалман. Три девки, бухие конечно, но не так, чтобы очень. Одна, кстати, симпатяга такая, и бойкая. Язык подвешен. Ну, и пару мужиков, те уже совсем раскладные, в спальне на кроватях дрыхнут, будили – ноль эмоций, в пол-

ной отключке. На столе водка – селедка, довольно прилично накрыто. Картишки валяются, денег около столыника, трехи, пятерки, рябчики. В общем ничего особенного. Ну, менты посмотрели, свое что – то в умишках прикинули, пошептались, и говорят мне, мол, ты, парень, здесь побудь полчаса, посмотри, чтобы не слинял никто. А мы сейчас пробежимся еще в пару адресов, и сюда вернемся. А я что? Сидеть не бегать. Действуйте, отвечаю. Пост принял. Принял – то принял, думаю, а дальше что? Сел на стул, закурил. Девки спокойно себя повели. Тоже сели. Хлопнули по рюмахе, о своем трюндеть стали. А потом эта, красивая – разбитная ко мне оборачивается и томно так спрашивает: «А, вы, что нас заарестуете? А за какие грехи, гражданин начальник? Мы ничего такого не делали. В койках наши парни спят, считай – женишки, один вообще мой брат родной. А так мы – чистые голубицы». Ну я ей объяснил, мол, никакой я не начальник, просто студент – дружинник, положено, вот и дежурю. А к милиции отношения не имею. А она: «Так может с нами за компанию тяпнешь полстаканчика, красавец?». Я и подумал, а что если действительно накатить граммов сто – сто пятьдесят? Кто заметит? Опять же у меня, как назло, голова разболелась. Ну и накатил. Потом еще. С девчатами разговорился. Поближе подсел. Познакомился с языкатой, оказалось Женя её зовут. Она на «Красном треугольнике» трудилась, да выгнали недавно якобы за прогул, а там и не прогул был вовсе, мастерица на принцип пошла, ну, неважно...

Дальше – больше, то – сё, я и не заметил, как Женя эта у меня на коленях устроилась. Те двое, её подруги, на кухню за чем – то вышли, чайник вроде бы поставить или еще за чем. Не знаю. Короче, когда участковый пришел, а дверь не запертая осталась, мы с подругой почти лежа общались. А мне уже порядком захорошело. Я окосел и о повязке дружинника позабыл. Не снял даже. В общем, сгорел я, Длинный, синим пламенем. Участковый орал благим матом, обзывал парашником и шалашней пропойной, посулил в институт обязательно капнуть. Теперь аморалку пришьют и вышибут». Я только головой покачал сочувственно, а что тут скажешь? Если телега в деканат придет, то из комсомола Леха вылетит пробкой, а там и на отчисление могут подать. Подобные эскапады мало кому сходили с рук. Времена стояли антиалкогольные, партийцы и комса всюду стремились продемонстрировать нержавеющую принципиальность, то есть рубить шашкой «от рогов до курдюка» любого и за малейшую провинность... Ишь, ты, Консул, Ален Делон какой! Прямо кентавр. Я ту красотку кабаре конечно в глаза не видел, но знать ей шибко мужика не доставало, коли Лехины стати хлипковатые вдруг приглянулись. Я ни в коем случае приятеля не осуждал, никто от конфузлов не застрахован. Но вот чем же ему реально – то помочь? – Слушай, Длинный. А может быть мне на вечерку перевестись?», – спросил вдруг Леха, задымив новой «беломориной». И вдруг оживился: – Мне же армейка второй раз не грозит, свой долг я Родине отдал. Устроюсь

на работу. И закончу на полгода раньше. На вечерке же пять лет учебы и в дамки. А тут осталось – то перетоптаться, ведь сущая ерунда. Я тоже не исключил такого варианта развития Лехиной судьбы, и даже горячо его поддержал, а то расстроится, опять налимонится, угодит в мойку, в смысле в вытрезвитель, по закону парных случаев. Кому от этого польза? На такой неожиданно оптимистичной ноте мы и расстались. Через некоторое время бумага соответствующего содержания, как и обещал участковый, действительно пришла в деканат. Но Консул был уже недосыгаем для репрессий. Он перевелся на вечерний и трогать его не стали. Так что диплом он заимел и вправду на полгода раньше нас.

У Хуршида в тетради по химии корявым почерком была записана магическая фраза, напоминавшая древнее заклинание: «Сол вазмодевствует. Получаем на ашдвао и вады...». Ничего удивительного, заводские стипендиаты из славной среднеазиатской глубинки на кафедре иностранных языков учили русский. А поступая, писали всего лишь изложение. Но подготовка национальных кадров в стране победившего справедливейшего строя считалась актуальной задачей и кадрам этим будущим создавалась «зеленая улица». И все равно Хуршиду поначалу приходилось трудновато.

– Ничего, Хуршиджан Рахмаджанович, – любил говаривать ему преподаватель той же химии доцент Красильников. – Я сделаю из тебя человека! Благо химия, что на рус-

ском, что на любом ином языке, все одно, сплошь формулы. Тут не переводчик нужен, а элементарные знания по предмету. Кафедра химии была подразделением примечательным. Тот же Красильников считал себя записным юмористом и остроумцем и на своих лекциях постоянно пытался это доказывать. «Я, знаете ли, человек очень вредный, – кокетничал он, выводя мелом на доске последовательность электролитической диссоциации. – Я очень скоро могу вам, коллеги, и поднадоесть. И однажды в ответ на эту тираду с задних рядов послышалось густое басовитое: – Уже!. Красильников замер и не оборачиваясь осведомился: – Как, уже надоел?

– Уже давно, – сообщили все тем же басом. А занятия в лаборатории полгода начинались для нашей группы на удивление одинаково. Преподаватель Тамара Семеновна, женщина неопределенного возраста и очень маленького роста, всегда опаздывала к началу очередной лабораторной работы и, явившись наконец, всегда вопрошала слегка осипшим голосом: – А что, звонок уже был? Получив неизменно утвердительный ответ, она усаживалась за свой стол, причем из – за стола были видны только руки, плечи и голова, и начинала переключку присутствующих, причем Костю Бренковича с непонятным упорством называла Бренкевичем и вообще уделяла ему повышенное внимание: – Так, Бренкевич! Где Бренкевич? Здесь? Встаньте! Подойдите сюда! Ладно, садитесь на место. Она доводила Костю до белого каления,

но означенная процедура повторялась еженедельно.

Зачем я все это вспомнил? Да именно, чтобы вспомнить. Разные у нас были учителя. Не всех мы жаловали, далеко не все жаловали нас. Это сегодня я понимаю, что плохих учителей и вовсе не существует. Ибо процесс учебы зависит прежде всего от способности и желания обучаемого действительно постичь то или иное знание, и вообще процесс сей – явление непрерывное. Главное – научиться извлекать рациональное зерно и пользу даже из самого негативного к себе отношения. Настоящие люди, между прочим, среди преподавателей тоже попадались, и нередко. Наш курсовой замдекана, коего промеж собой мы величали Цепеллином, например, являл собой редкое сочетание способного «научника» и отличного воспитателя молодых шалопаев. Он никогда не лез к нам с наставлениями на путь истинный, но всегда помогал, влетевшим в очередное приключение вахлакам, избежать исключительных репрессий, давая еще один шанс не вылететь из института пробкой и закончить – таки обучение обретением заветного диплома. Он прекрасно понимал, что никакие мы не злостные нарушители установленных норм и правил, просто энергию некуда девать, к тому же гормоны бушуют вовсю, вот и творим подчас невесть что. Честь ему и хвала, и хорошо, что не только ему. И ничуть не погрешу против истины, засвидетельствовав тот факт, что школа нашей alma – mater была в той стране одной из лучших, в чем впоследствии мне и моим товарищам пришлось не раз

и с удовольствием убедится. Одно только предъявление нашего вузовского диплома при трудоустройстве производило в большинстве случаев поразительный эффект, сразу весьма существенно повышая, говоря современным языком, рейтинг обладателя. Конечно, это сейчас я такой рассудительный и объективный. А тогда... Тогда все было как и положено в молодости, по максимуму, из крайности в крайность. Икалось преподавателям, наверное, частенько. Ибо поминали мы их, не дай Боже услышать. А как же? Каждый болел за свою команду. А многие из противоположной дружины мнили себя большими оригиналами. Как наш математик Евгений Смердеевич, взявший моду придумывать интегралы для контрольных работ из головы. Причем очень часто это были не берущиеся интегралы, и мы до одури тщетно пытались их решить. А когда убеждались, что они не имеют решения, наш наставник, хмыкнув ехидненько, писал на листочке пару – тройку новых и наши мучения продолжались. Был наш Женечка, как мы его за глаза величали, с претензией на изысканность. Бородка а – la Ришелье, портфель коричневой кожи с несчастного крокодила, судя по фактуре, латунная потускневшая порядком табличка с дарственной гравировкой, трубка с крышечкой, ручка с золотым пером (вы своей в журнале не пачкайте, мою ручку в деканате знают!), костюм тройка серый или синий. Оба в яблоках, в винных наверное, холостяком был наш патрон. И в разговоре с ним создавалось впечатление, что он любую фразу начинал

с непонятого эстетского мяуканья: «А – мя – мя – ня...». Ехидос, короче. В отместку мы повадились на переменах или на переходе из корпуса в корпус, встретив Евгения Смердевича, орать ему в спину:

– Женька! Жека, ё – мое, кого я вижу, дед, тормози! Парни, где Жека? Да вот же он! Же – е – е – ка! А когда он в недоумении оборачивался и начинал растерянно искать глазами окликавшего, кто – нибудь из нас с наглой улыбочкой говорил ему: – Извините, это мы не вам. А вот студенты – вечерники, по слухам, несколько раз обходились с ним более сурово. Рабочие парни из заводских филиалов, чуждые математического, а равно и всякого иного, эстетства, попросту били преподавателю морду, подкараулив его в темной подворотне после занятий. Другой ухарь, доцент Куницын, в прошлом заведующий кафедрой, был равнодушен к молодым субтильным студенточкам. На экзаменах он приглашал их присаживаться к нему поближе, клал руку на плечико очередной инженеру и, делая вид, что внимательно слушает ответ по билету, совершал ловкими пальцами разнообразные ощупывающие и поглаживающие манипуляции. Рискованно опуская ладонь до пояса оппонентки и возвращая, немного помедлив, обратно. Точно по клавишам аккордеона, Девчонки краснели, смущались, но, преподаватель все – таки, по большей части терпели. И все им сходило благополучно, даже если толком ни черта по билету не знали. Сам Куницын наверное был бессилен побороть свою эротоманию, хоть уже

и ощутило из – за неё пострадал, лишившись, в свое время, заведования кафедрой. Страсть, увы, прорывалась наружу против его воли. Эксцессы на этой почве случались и в наше время, Гошка Курганцев, когда доцент попытался обнять на экзамене его невесту, подошел к преподавательскому столу и сбросил руку Куницына с Людкиного плеча. Лыцарь, за сей подвиг, был немедленно изгнан из аудитории, припелся в общагу, и в унынии рассказал все нам. Но мы его тут же обнадежили, выразив готовность хоть сейчас помочь составить соответствующее письмо на имя декана факультета и партком, и в профком, и комсюкам, и подписать его у Гошкиных однокашников. Мало бы маньяку не показалось. Не в первый раз нам было «отмазывать» своих таким вот образом, с помощью коллективных петиций и протоколов якобы комсомольских собраний группы или этажа. Профильная кафедра не отказала бы в поддержке, да и замдекана в стороне не остался бы. Но инцидент завершился тем, что Гошка сдал экзамен на следующий день, на «хорошо» сдал. Остальное, как модно нынче говорить, без комментариев. Затерлось, забылось само собой. Однако же без последствий обошелся далеко не каждый инцидент. Самым диким в то время нам казался тот факт, что можно было вылететь из вуза или взять академку в связи с не успеваемостью по физкультуре. Да я и сегодня считаю это дурью несусветной. И не стоит гэтэошникам новоявленным копошиться, возмущаться, урезонивать. Я сам значкистом был в нежном возрасте, к тому же

много лет провел на борцовских коврах и татами, а позже таскал железо по качалкам до умопомрачения. Но это к делу не относится. Нельзя за физру из вузов отчислять. Что хотите, делайте, а отчислять не смейте. И здоровье нации, и прочая демагогия здесь не причем, просто спекуляция чистейшей воды, и лучше последить, как бы хорошо забытое старое не повторилось во всех подробностях, вы думаете я забыл, как положили в конце концов на все эти «готов к труду и обороне» в большинстве тех же школ? Нисколько не забыл. Кампании повального характера имеют свойство очень быстро выдыхаться и вырождаться. Так что слепой сказал посмотрим. А к физкультуре и спорту я с детства относился с любовью и пиететом, и ныне, смею вас уверить, так же. Я поводирей не очень жалуя. Главные беды всегда от поводирей происходят. Ибо оные чаще всего зарываются и начинают лепить горбатого по любому поводу, и лишь ради своего очередного профита. Что, не так что ли? Вот и я говорю...

Самыми бесполезными, точнее даже вредными в вузе по праву считались кафедры общественных наук: истории компартии, марксистско – ленинской философии, политэкономии и научного коммунизма. Ну, с этими якобы историками и с позволения сказать учеными коммунистами сразу все было ясно. Их правило – шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте считаются побегом, конвой открывает огонь без предупреждения. Никаких фантазий, выучи и молоти,

аки робот. Думать опасно, лишнее говорить не рекомендуется. «Партия торжественно заявляет, что следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Вот, значит, как. Это они нас имели в виду. И поимели по полной. Но с другой стороны, что можно было ожидать от лучших представителей красных когорт, рукоплескавших и одобрявших горячо сие решение двадцать второго съезда славного боевого авангарда советского народа? Наверное сотрудники наших кафедр общественных наук на самом деле никакими красными не были, за исключением нескольких старых маразматиков. Большинство же очень выгодно устроились на весьма не пыльную работу в достаточно приличном месте. И вся идеология. Философы наоборот отличались некоторым вольнодумством, от сих до сих конечно, но поболтать и пофантазировать любили. Поэтому на их семинарах обычно скука не водилась. Преподавателя политэкономии капитализма, молодую довольно милую женщину мы откровенно провоцировали вопросами, уводящими далеко в сторону от темы очередного занятия. Как ни странно, она легко поддавалась на провокации, думаю, что Наталья наша Владимировна тяготилась своими обязанностями, и вешала нам на уши свою экономическую лапшу без особого удовольствия. А вот главный политэконом, впоследствии доктор наук и профессор, являл собой пример глубоко творческого отношения ко всякого рода вранью. Этот выдающийся деятель настолько нас презирал, что имел мужество однажды за-

явить, мол для него, в отличии от прочих, труд уже стал жизненной потребностью, поэтому он вскоре уходит в творческий отпуск, дабы создать докторскую диссертацию. Лет через пять – семь после этого спича я имел счастье наблюдать несколько уже поблекшего и оплешивевшего нашего лебедя с докторской степенью по телеку, во время заседания некоей ассамблеи дружественных независимых стран, где он благополучно и активно председательствовал, о чем – то вещал, с кем – то спорил. А почему же нет, ежели человек на своем месте? Ври, да говори. Для него ведь по сути ничего не изменилось, кроме антуража и мизансцены. Молодец был, Лиходей Иоасафович. Гигант мысли и духа. Такие нигде не пропадают.

Прозрение? Если нечто похожее и явилось в конце концов, то как же долго оно приходило, ох, как долго, исподволь, опасливо таясь в закоулках сознания, подолгу фокусируясь, обретая и вновь теряя отчетливость, меняясь со временем. Что мы знали о жизни и о своей стране? Общие фразы и хрестоматийные примеры истории, оказавшиеся на поверку сомнительными, в лучшем случае, версиями произошедших и происходящих событий, Или вовсе абсолютно лживыми выдумками для дураков, коими мы и должны были обернуться в процессе систематического впитывания полезных и нужных сведений подобного рода. А мы спорили друг с другом. Как мы спорили! Ночи напролет. До хрипоты.

Тогда, в середине восьмидесятых, питерские газеты повадилась регулярно публиковать статьи о партийцах и военных, убитых или загнанных в лагеря в период большого террора. Они были представлены читателям, и нам в том числе, истинными жертвами злодеев – сталинистов, рыцарями революции, «без страха и укропа». Это много позже нам стало известно, что перспективный красный маршал, до сих пор то и дело воспеваемый некоторыми шарлатанами от истории, – кровавый палач Кронштадта и Тамбовщины, применявший химическое оружие против восставших крестьян, практиковавший расстрелы заложников, ничем, кроме бездарности и трусости, не проявивший себя на полях боев, державший у себя на даче под Ленинградом прислугу вплоть до псарей, что когорта пламенных большевиков: иркутский экс – фонарщик, его прямой и непосредственный, очередной при жизни, не в пример герою известного стихотворения, пароход и человек, иже с ними вождь иностранных революционных легионов, в числе прочих – виновники страшного голода начала тридцатых годов, бушевавшего по всей стране, а знаменитый вождь центробалта, муж жрицы свободной любви – палач, трус и подлец, один из инициаторов массовых убийств флотских офицеров, адмиралов, их жен и детей, накокаиненными матросами в семнадцатом году, что однофамилец знаменитого ныне философа и мыслителя, вождь коминтерна и хозяин северной столицы в начале двадцатых, сознательно обрек тогда Петроград на голод, и вполне допускал уни-

чтожение миллионов граждан, ибо они неисправимо инакомыслящие, что дьявольский крымский ревком, возглавляемый инородцем, после взятия Крыма, соизволением самого лучшего красного главкома гражданской войны, устроил там настоящую резню, уничтожив сто пятьдесят тысяч человек, а известная нестигаемая революционерка, будущая зампредсовнаркома и главный советский контролер за всем, за чем свыше укажут, лично поливала по толпе из пулемета, и впадала то и дело в истерику ибо патроны в лентах слишком быстро заканчивались, что ниспровергатель культа личности, освободитель и реформатор – настоящий иуда, верный и всеядный хозяйский пес, лживый интриган, а не прогрессивный творец пресловутой оттепели, свершенной с одной целью – обелить себя и партийную свою камарилью, всю по макушки в крови народной, а наилучший детский писатель, юный герой, командир отряда особого назначения, слудру и сослепу зверствовал, обеспечивая светлое будущее одному степному сибирскому народу, да так, что его имя проклинают в тех местах до сих пор, а красного будду – главного первоконника и нынче не забыли «благодарные» узбеки. Еще один замечательный парень, латышский революционер, в честь которого был назван один известнейший советский поэт, также осчастливил сибирские и уральские просторы своим присутствием, организуя раскулачивание, по сути – геноцид, и сгоняя людей в колхозы, также санкционируя массовые уничтожения недовольных этим крестьян, чем

печально и прославился, а в тридцать самом печально известном году, когда его самого ухайдакали ежовские припешники, никто и не пожалел об этом, ибо собаке собачья смерть... И еще... и вот эти... и те... которые... Все, все, абсолютно все, когдa бандитская целиком, без исключений и лакун, от любимцев партии и комсомольских вожачков до садистов энкавэдэшников и прочих чекистов. Одни судили и убивали других, назавтра их убивали и ссылали третьи, а тех в свою очередь уничтожали четвертые, и никто не отказался от игрищ дьявольских, никто не захотел остановиться, пусть даже ценой жизни собственной, все надеялись выиграть и уцелеть. Чекисты, партаппаратчики, комса, красные командиры... Имя им, как всегда, легион! У нас, точнее – у них, иначе не пристало. Все они принимали условия игры в которую однажды ввязались, игры безо всяких правил. Все они были готовы убить народ великой страны ради мировой революции, читай: ради собственной жажды власти, наживы и безнаказанности, и убили бы, если бы их не уничтожили раньше соратники, коллеги, такие же кровавые преступники, соглядатаи, стукачи, палачи, истязатели и вертухай. А в наших ночных прениях Нечи обычно выступал на стороне отца и друга всех народов, оправдывая его «чистки» в рядах несгибаемых борцов – революционеров, а мы, остальные, пытались с Нечи хоть как – то совладать, толкуя ему о недопустимости подобных жертвоприношений, о лишении армии талантливых (ох – о – хо!) полководцев

и прочая и прочая. Глупые слепые щенки. Нам предстояло слишком о многом еще узнать, слишком многое осмыслить и попытаться понять, принять или не принять, а ведь уже наваливались на нас события текущего времени, неслись они, ускоряясь, набирая мощь, и надо было разбираться в них на ходу, не откладывая в долгий ящик. Иначе совсем с катушек соскочишь. Спасало нас то, что мы были молоды, неприлично и откровенно молоды, поскольку самое ценное свойство молодости – очень быстрая регенерация в состояние равновесия после самых сильных потрясений и очень жестких испытаний. Господь, в истинном милосердии своем, хранит молодых, а то и жить будет некому.

Считайте меня кем угодно, но я с детства не хотел, чтобы герой знаменитого фильма известных братьев – режиссеров, выплыл. При всем уважении к обаянию и потрясающему мастерству действительно выдающегося артиста, сыгравшего этого, с позволения сказать, товарища. К тому же я всегда сочувствовал каппелевцам, которых Анка поливала из пулемета. Правда шли они в атаку в форме марковского офицерского полка, но это не столь уж важно. Кстати, Боб, как выяснилось однажды в процессе нашей с ним беседы на означенную тему, был вполне со мной солидарен. И не думайте, что мы являли собой борцов с режимом. Нет. Просто нельзя было интуитивно с молодых ногтей не чувствовать лицемерия и вранья, царивших вокруг. Это не сложно, когда говорят одно, а делают другое. Помню я спросил отца,

а почему так жестоко поступили с государем императором и его семьей? Ведь дети – то, в конце концов, были ни в чем не виноваты? Как же так?! Папа ответил, конечно же, мол, шла война, войска верховного правителя, адмирала, наступали, была угроза освобождения царя, что означало восхождение для врагов диктатуры пролетариата символа свергнутой власти и т. д. и т. п. Выхода, значит, иного не сыскалось. Я выслушал все, кивнул, дескать, понял. А на самом деле испытал некоторую досаду, оттого, что ответ меня не убедил. Я очень верил отцу, он, по – моему глубокому тогда убеждению, все знал и обо всем читал, я не мог и предположить, что на какой-либо вопрос папка не ответит убедительно. Огорчение и досада охватили меня именно в виду необъяснимости причин убийства царской семьи. Со временем огорчение ушло, но досада обернулась глухой, дремлющей глубоко в душе и сердце, ненавистью, пока еще не вполне нашедшей своих адресатов. Это был непростой, извилистый и долгий путь. Первый раз неприятие исторического официоза прорвалось наружу лет в девятнадцать. Я приехал домой на каникулы, и в разговоре с родителями (а мы обсуждали статью в Литературной газете, что – то как раз о Гражданской войне, и довольно еще робко и схематично о белом движении, в частности) вдруг рявкнул:

– Да лучше бы дроздовцы тогда всех поубивали. Может и не было бы того, что сейчас творится. Уж по крайней мере врали бы меньше, и воровали бы не так! Никогда не забуду

как вдруг побледнела мама, спросив растерянно: – Сынок, что же ты говоришь? Как же можно? И это был второй раз в жизни, когда мама была так растеряна. А впервые мамино лицо стало куда блее её ослепительного медицинского халата после декламации мною народных стишков о Садко – богатом госте и еще о том как «Жил был у бабушки, чтоб мне хромать, серенький козлик, дай обнимать!». В пятилетнем возрасте угораздило меня попасть в детское отделение городской нашей больницы. Почки простудил и залетел на месяц в палату, где лежали ребята лет на пять, а то и на восемь меня постарше. Ну, они и научили уму – разуму. Хорошей памятью я отличался уже тогда и, сколько себя помню, всегда читал стихи на детских утренниках, а потом на пионерских праздниках. Вот я маме и выдал перлы, не понимая конечно истинного их содержания. Ну, это к слову, а что касается красных – белых, я счастлив, что в конце концов наставил меня Господь на путь истинный и привел к осознанию величия идеи монархического правления, как единственно бывшего необходимым для нормальной жизни родной страны. Я приверженец монархизма еще и потому, что он в наше время уже совершенно невозможен и утопичен. И теперь я во многом одинаково, с ненавистью и омерзением, отношусь и к большевистской уголовной камарилье и к противостоявшим этой дьявольской когорте либералам и генералам. Не знаю, за что считали они себя элитой российского общества, но бесспорен только факт их предательства по от-

ношению к Николаю Александровичу и его семье. А измена государю означала и означает по сей день только одно – измена Богу и Отечеству своему. Это они, высшие военные и думские деятели отдали страну на поругание псам из своры, спонсируемой финансистами с Уолл – стрит и германским Генштабом. Это они причастны и совиновны в чудовищном преступлении, свершившемся в Ипатьевском доме. Надо же было им сначала все это устроить, а потом носиться с идеей спасения Святой Руси, в итоге потерпеть поражение и бежать на чужбину, и перестать на самом деле быть русскими, кто и что бы там не говорил. И самое страшное – кровь невинных жертв, мучеников и страстотерпцев, и самый тяжчайший грех зверского убийства до сих пор лежит на всех нас. А мы отчего – то не спешим с покаянием. Мы отчего – то вновь возвеличиваем красную псевдо героиню и не желаем знать правду. Мы её боимся наверное. А как вам такая аналогия: кровавая сволочь, полицаи ровеньковские и краснодонские, ублюдки и фашистские прихвостни сбросили запятанных до полусмерти героических, мужественных, прекрасных ребят – молодогвардейцев в шурф донбасской шахты, а за четверть века до этого, в шахту под Алапаевском большевистские выродки пошвыряли великих княгинь и князей, а заодно и близких, верных им людей. По взятии Алапаевска колчаковскими частями, в процессе начатого белогвардейцами следствия по делу об убийстве семьи государя – императора и членов императорской фамилии, останки звер-

ски убиенных были подняты на поверхность, и тогда выяснилась одна знаменательная деталь. Великая княгиня Елизавета Федоровна, когда её столкнули в шахту, упала на дощатый, выступающий в шурф помост. Кто – то, она наверное уже не могла знать, кто именно, рухнул рядом. Умирая в нечеловеческих муках, Елизавета Федоровна сумела перевязать разбитую голову лежащего подле неё человека, разорвав свою монашескую накидку. Вот о чем нужно знать и помнить. Вот, что нужно чтить. И кто же они были такие, рыцари революции, готовые лить народную кровь до тех пор, пока она не иссякнет совсем, ради декларируемых на всех углах, якобы высоких, целях. А на деле – ради удовлетворения собственных бесовских амбиций и достижения того чудовищного уровня власти, когда можно по желанию безнаказанного убивать кого угодно и не держать ни перед кем ответа за совершенные злодеяния.

Еще раз повторяю, никогда я не был борцом с режимом. И никаких иллюзий насчет диссидентства не питал и не питаю. Классик современности не зря молвил в одном из чудесных своих романов, что глупо художнику бороться с правительством, но еще глупее – лизать ему зад. И, кстати, очень и очень разные у нас были и есть правозащитники, как выяснилось. И титулование сие звучит уж больно самоуверенно, что ли. Слишком многие не по праву им пользуются. Но я вполне искренне сочувствовал действительно узникам совести, узнав, постфактум естественно, о судебных расправах

с литераторами, об обмене одного нашего бунтаря на главу чилийской компартии, о гибели диссидентов в лагерях, вплоть до перестроечного времени и даже во время оно. Мальчишкой еще, ни черта не мог понять, когда академика, отца водородной бомбы, сослали в Нижний Новгород. И по – настоящему проникся брезгливым неприятием к продвинутому генсеку новой генерации, после его открытого хамства в адрес знаменитого на весь мир академика на съезде народных депутатов уже, в перестройку. Вот еще тоже термин придумали. Постройка вот – вот рухнет, а мы перестраивать её хотим. Короче, человек на ладан дышит, а вместо реанимации полупокойнику губы красят, дабы выглядел презентабельно. Зато хождений в народ было не приведи Господи сколько. Последний партийный бонза очень любил побазарить с народом на улицах. Выглядел он при это довольно комично, если не откровенно жалко. Местечковое «гэканье» плюс безграмотная речь не сделала его «своим в доску парнем», как был недоучкой, так и остался. Впрочем, для рекламы пиццы, как выяснилось много позже, эрудиция не требуется. И опять аналогия: один довольно известный казачий генерал, лихой налетчик – партизан, организатор печально известной «волчьей сотни», ветеран Добровольческой армии, в эмиграции, чтобы с голодухи не околеть, служил в цирке наездником – вольтижировщиком, и выжил, очевидно для возвращения на Родину профашистским изменником и позорной казни на виселице, а первый и послед-

ний президент союза республик свободных, находясь в глубокой отставке, рекламировал пиццу на Западе. Видать, хотел о себе напомнить. Интересно, на какие шиши и за какие заслуги, ему в островной империи, в знаменитом холле, торжества на юбилей закатали? Ладно, ясно за какие. И поделом ему и государству, где он вроде бы как главенствовал. Аз же грешный однажды, учась классе в пятом, если и боролся за свои права, так только со школьной пионервожатой Галиной Павловной. Дело обстояло следующим образом: мои общественные способности чтеца – декламатора на школьных и пионерских праздниках вышли мне боком, поскольку с определенного времени мешали занятиям в спортшколе. Ездил на тренировки я за тридевять земель, сначала на электричке полчаса, затем еще минут двадцать на автобусе. И задерживаться в школе, для репетиций очередных выступлений, после уроков уже не мог. И тогда я решил покончить с моим пионерским отрочеством, о чем и сообщил вожатой. Галина Павловна, услышав мой рапорт, мгновенно утратила ту минимальную внешнюю привлекательность, коей все – таки обладала. Как в песне: «Пьяная, помятая, пионервожатая, С кем гуляешь ты теперь, выдра конопатая?». Не знаю с кем она гуляла, но фурией в единый миг стала нешуточной: брызгала слюной, срывалась на крик, обзывала меня закоренелым индивидуалистом, коему теперь одна дорога – пополнить ряды уличной шпаны. А там и до тюрьмы недалеко, ибо пионерский галстук придется завтра же с позором снять,

а сие скорее всего чревато расставанием со школой. О комсомоле же впоследствии и мечтать не придется. Однако меня она ни в чем не убедила, хоть я, признаюсь, и «очканул» про себя немного по – поводу пионерского галстука, снимать его и публично позориться, мне совсем не улыбалось, воспитание, знаете ли, хорошо оболванивало, крепко. Но все – таки я уже был знаком с песней Высоцкого, где звучало рефреном: «Уж если я чего решил, я выпью обязательно», трактуя строчку именно в направлении «гни свою линию». В отместку Галина спрятала мой портфель, он лежал на парте, а она схватила его и выбежала из класса. Но и тут ей не повезло. Портфель с помощью доброй и понимающей технички тети Саши я нашел в, конечно же, в пионерской комнате, и отбыл вместе с ним восвояси. В последствии меня несколько раз пробовали привлечь к выступлениям, но безрезультатно. И мои антрепренеры от пионерии отстали. Нашлись у них другие добровольцы. Исполать им.

Совхозная эпопея тем временем продолжилась очередной нештатной ситуацией. У нас, как и в любом подобном сельхозотряде, положено было быть медработнику. Понятно почему. И за нашим здоровьем в ту осень следил субординатор, сиречь студент шестого курса, из первого мединститута. Звали его Коля, был вполне понимающим обстановку парнем, не трусливым, коммуникабельным, и весьма добросовестно, и квалифицированно выполнял, если приходилось,

свою работу. Каждые выходные к нему приезжала девушка Виолетта, совершенно милое и вежливое создание, они с Колькой очень трогательно общались, и как ни странно мы, для многих ерники и нахалы, практически не позволяли себе даже безобидных шуток в адрес влюбленной пары. Поэтому, когда дождливым субботним вечером Виолетта, или как её все звали – Вета, ворвалась к нам в комнату с криком, что на входе в лагерь пьяная местная гопота лупит Нишку, мы без разговоров сорвались с места в карьер, надеясь учинить над напавшими расправу скорую и жестокую. «Наших бьют!» – святой клич, никого не оставляющий равнодушным, по крайней мере в те годы. Однако, на месте происшествия мы, к великому сожалению, обнаружили только порядком помятого нашего доктора. Гопники уже растворились в сумеречном сельском ландшафте, и поиск виновных по горячим следам ничего бы не дал. Но мы, руководствуясь принципом неотвратимости наказания, пораскинув мозгами, нашли – таки способ восстановить справедливость. Замысел наш был прост и гениален. На следующий день в поселке, на немногочисленных автобусных остановках и весьма многочисленных столбах появились рукописные объявления, извещавшие местное население о предстоящей субботней дискотеке в лагере сельхозотряда. Дискотека, естественно, проводилась абсолютно бесплатно, поэтому – милости просим на танцы плюс буфет, напитки и всякая всячина. У нас пальцы отвалились ночь напролет выпускать ру-

кописный этот тираж, но, как вскоре выяснилось, не зря старались писаря. К слову сказать, умники из комсомольского актива поддержали нашу идею о дискотеке, мол, закис народец, неплохо бы кости размять, будет веселее морковь за косы дергать. Они же, самостоятельно, выдав инициативу за свою, согласовали меропрയാлово с руководством отряда. Разумеется никто, кроме нас, истинной подоплеки ни рефрена не знал, о буфете в объяве было упомянуто, как раз для привлечения разномастных любителей опрокинуть стопарь на шару, а в официально представленном активистам экземпляре этой, с позволения сказать, афиши, ни о каких буфетах не упоминалось.

Все были довольны. Нам заявили даже, что подобного от нас не ожидали и тем более приятно удивлены, и мы, как ни крути, молодцы, еще и потому, что взяли на себя обеспечение порядка на дискотеке. Правда товарищ Осадчий тут же, без паузы, высказал подозрение о нашей причастности к исчезновению из сушилки его резиновых сапог. Но необоснованное обвинение, озвученное не к месту и не ко времени, было тут же замято для ясности, а одна пламенная комсомолка, проходившая в наших разговорах под кодовым именем Лебеда, заявила о возможности поручения нам и более ответственных дел, при условии предоставления в комитет ВЛКСМ подробной автобиографии. Гениально! И как меня ни переубеждайте, останусь при своем мнении. Да, согласен, в комсомоле состояли и работали миллионы

отличных парней и девчат. И как работали! Вспомните целину, БАМ, многочисленные ГЭС и не только! Но в том – то и беда, что масса приспособленцев и рвачей сводила на нет все впечатление от честного труда остальных. Говорят, что если бы убрать из комсомола эту элиту, то получился бы просто идеальный молодежный фронт. Но в то – то и беда, что не убрать! Не убираются хорошие наши и не убирались, напротив, захватывая сплошь командные высоты. И все, дегтя столько, что мед навсегда испоганен, да что там, испоганен – исчез! Настолько же бессмысленна реплика главного «чай-фиста» о возможной аналогии «Первая» и бразильского карнавала, только идеологию из праздника Весны и Труда советского времени убрать необходимо. Как её убрать – то? Ведь не глупый же, казалось бы, чувак, а такое несет, хоть стой, хоть падай! К тому же в подоплеке веселого отношения народных масс к осенне – весенним демонстрациям верности делу «марксизма – ленинизма и пролетарского интернационализма» лежало послабление в продаже всевозможного алкоголя, особенно пива, и не хитрой снеди на закуску. А буфеты на избирательных участках, работавшие с шести утра в полный рост и без ограничений?! И засуньте свою школьную балалайку поглубже в чехол. В свой. Запомните все, кто захочет мне оппонировать, повторяю – с вами спорить не стану. И вообще ни с кем. В спорах рождается, что угодно, только не истина. А правда, она у всех разная, и меня с вами особенно. Я знаю, о чем толкую. Пошли вы к луч-

шему... Вы мне и без того полжизни испоганили, идеологи, горлопаны, главари. Камарилья – одно слово.

Ладно, проехали. А у нас, тем временем, настал судный день. Ох, не зря большинство личного состава команды мстителей явились на свет и выросли в маленьких заштатных городках, бывших заводских слободках, где главным развлечением являлись танцы по субботам. А на танцах таких главное дело – драки улица на улицу, двор на двор. И не стоит харю кривить. Не нами подобное придумано. Занятие сие – власти очень выгодно было: стравит народец пар и вновь на трудовой подвиг с чистой душой и похмельной башкой. Дрались мы от души, нечего сказать. Жестоко. Кто знает, тот меня поймет. А кто не знает, тому и рассказывать нечего, не догонит. В конце баталий ПМГ забирала оставшихся лежать на поле брани, определяя кого в обезьянник, кого в вырезатель, кого в больничку. Или того хуже. Всякое бывало.

Итак, пропуск местных на территорию лагеря начался в 18:00. Периметр танцевального зала и два входа – выхода из него контролировала группа Нечи. Внутри этого кольца находились собственно бойцы, составившие два ударных кулака в противоположных концах помещения. Все произошло примерно через час после начала плясок. К тому времени группа желающих найти буфет местных, стала выражать свое фе – обещали же! – и апеллировать к студентам, в массе не имевшим ни о чем понятия. Тогда Боб, изображавший

некое подобие танца с партнершей, приблизившись к этой кучке собравшихся вроде митинговать, оторвался от подружки и очень сильно толкнул стоявшего к нему спиной поселкового. Парень не упал, его приняли в свои объятия его же товарищи, стоявшие почти в плотную. Далее последовал диалог:

Боб: – Что ж ты, чалдон, мою девчонку толкаешь?

Парень: – Ну... извини?

Боб: – Ты кого на кукуй посылаешь?

После этой фразы и отвешенной Бобом оппоненту конкретной плюхи, мы повели атаку на ничего не понимающих местных с двух сторон, двигаясь к центру, группа навстречу другой группе. На танцах нашего отрочества и юности такой маневр назывался «делать вещи». Все было кончено в несколько минут. Местные, в основе своей, оказались в плотном кольце. Причем девчонок из поселка на нашем с позволения сказать празднике практически не было. А все – таки пришедших мы и не трогали конечно же. Зачем их полахать? Девчонки лишними не будут. Собственно никто ничего не успел толком разглядеть. Пленным был учинен допрос, краткий и жестокий, с целью выявления обидчиков лагерного Эскулапа. Результата конкретного он не дал, оно и понятно, кто же в такой обстановке признается. Никола или Ветка наверное опознали бы обидчиков, да в Питере оба находились в тот момент. В общем, порядком помятых и перепуганных организованным нашим натиском, местных

вышибли за ворота, предупредив о возможном повторении пройденного, и дискотека продолжилась. Милиция? Да, помилуйте, какая милиция. Убитых и слишком тяжело раненых нет, носы и «фингалы», руки вывихнутые, ребра и почки отбитые – ерунда на постном масле, да и из этих вот местных наверняка каждый для ментов – пожива, а не потерпевший. По внешности было видно. И, к слову, более ни одного инцидента с аборигенами не происходило. Уж такой колхоз – совхоз, господа мои.

Вот нынче все твердят – главная сила в информации, информация – ключ к власти над миром, к победе над врагами. Бесспорно. Согласен. Но я, собственно, о другом. Просто начал что-то издалека. Одним из инструментов информационных являются средства связи, в частности – телефон. Сейчас – конечно же мобильный. Актуальность мобильного непрерываема. Но вот ведь какое дело: я утверждаю, что понастоящему актуален и практически бесценен был телефон – автомат на пункте междугородней связи в дни моей молодости. Вот он, питающийся пятиалтынными, инструмент, помогавший, порой, решить вопросы жизни и смерти! Боже, сколько времени я провел на подобных пунктах. Как я ждал момента, когда с пригоршней мелочи наберу заветный номер и услышу, наконец- то, твой голос, любимая... единственная в жизни... Это вам почище, чем «Ноль семь» Высоцкого. Владимир Семенович, не в обиду будет сказано, из квартиры

Париж набирал. А в наших халупах и намека на телефоны не было. Шутка конечно. Точнее – прямая аналогия.

Вы считаете, что я корчу всегда и во всем правого знатока и мудреца? Бросьте, никого я не корчу. Откорчился. Постыло. Я, возможно, только сейчас в самого себя и превратился. Хорош я или плох? Темен или светел. В обоих случаях скорее второе. Это не кокетство. Это правда. Как я могу быть светлым и хорошим в наши дни? Вот мы недавно с приятелем, два поэта, сидим значит и под рюмку чая вспоминаем светлые страницы жизни. Как ни странно, мой визави только о службе в армии трепался. И как излагал, с юмором, с ностальгией! А по – трезвяни послушаешь его на ту же тему – сплошь проклятия и маты. Серьезно. И он отнюдь не один такой. «Армия – лучшие годы моей жизни!» – вот девиз многих из моего поколения, от Калининграда до Камчатки. Оно вроде бы понятно – ностальгия по времени ушедшему, по молодости. Не по месту присутствия. Но, прах побери, о каком благополучии можно рассуждать, если у людей, на рубеже полувека жизни, именно этой самой жизни, кроме пары – тройки молодых бездумных и безумных лет, не было и нет! Впрочем, и «лучшие годы» хороши прежде всего тем, что уцелел и на нары не попал. Ибо сказано – не зарекайся, никогда не говори никогда. И, да будут насилие и вранье. Да будет угодничество за право получить вознаграждение и жлобский, по данному поводу, кайф. Красота. Не она ли спасет мир. Может, уже спасла? Что? Повторя-

уюсь, говорите? Правильно, повторяюсь. И намеренно. «Понеже, есть на свете каста, иному Богу, не тельцу, творящих жертвоприношение...». И очень даже хорошо, что в любой правильной и благополучной семье не обходится без подобных уродов. Иначе всему кранты – колёса нарисовались бы.

Два старателя от науки – Чушка и Проня всю ночь «передирали» через стеклограф мой чертеж – фронтальный разрез двухступенчатого планетарного редуктора, благо схема у наших вариантов была одинакова. И сколько я не пытался им втолковать, что схема схемой, а техническое задание на проектирование у каждого свое, они упрямо клянчили «дай срисовать». Да нате, рисуйте. А настроить стеклограф – пара минут. Две табуретки, между ними на полу настольная лампа без абажура, а на самих табуретках утверждена снятая с петель комнатная оконная рама. Оригинал – на стекло, сверху —

чистый лист ватмана для копии, включаем лампу, устранив все остальные источники света, чертежные инструменты наперевес, и... в общем – правое плечо вперед! И подобным образом можно, даже будучи дубом дубов, решить массу проблем в ходе процесса обучения. Главное – найти на потоке или на курсе подобный, а возможно и абсолютно идентичный твоему, вариант задания на курсовой проект, расчетно – графическую работу, да просто сборку и деталировку по машчерчению. Я знал уникамов, пользовавшихся этим

методом мастерски, успешно и самозабвенно. Однако были и такие, как мои друзья – приятели.. Они трудились до зари, перемежая шорох карандашей с кряхтением и возгласами вроде: – Тля, не туда заехал! А ты и туда никогда не заезжал нормально... Это чё за колесико у нас? А сателлит, как у фашистов по истории. Шука такая... Но старания тандема, увы, успехом не увенчались. Копия отличалась от оригинала небольшим, но весьма существенным изъяном. Верьте, не верьте, но в редукторе системы Чушки – Прони была нарушена соосность ступеней. Просто один из мастеров принялся стеклить чертеж не от ведущего колеса, а от водила... Эх, водила грешный! Как они выкручивались, не знаю, но удалялись братья по разуму, стеная велегласно и матерно и наделяя друг друга щедрыми и нелицеприятными сущностными определениями.

Прав, абсолютно прав был доцент Пинигин, заявивший одной студентке – вечернице, сквозь рыдания в три ручья утверждавшей, что не понимает она аналитическую геометрию: – Милая девушка, вы мне даже импонируете своей наивностью. И я вам нисколько не сочувствую Ибо, чтобы закончить любой, я повторяю любой, в том числе и славный наш, вуз нужно иметь только одно качество – крепкую, упорную, настырную, пардон – тес, задницу! И никакой головы! Весьма жизненно. И всеобъемлюще. Вся последующая жизнь лишь укрепляла во мне уверенность в правоте математика.

Даже в такой исключительно маститой, элитарной конторе, как альма – матэр, уникамов хватало. Например лично наблюдал в исполнении одного кекса такой вот шедевр – $\sinus 2a/2 = \sinus a$. Слышал, как универсальную газовую постоянную в путают с радиусом земли, благо обе величины обозначены как R. А период колебаний определяют не по формуле Герца, но по формуле Героя, списав название с подружкиной шпоры, не особо разобравшись с чужим почерком и вслух произнеся эту галиматью. В законе смещения Вина доцент Андреев искренне советовал некоторым ставить в конспекте ударение на первый слог. Большой знаток наук из параллельной группы с пеной у рта доказывал всем и каждому, что гипоидной зубчатой передачи в технике нет и быть не может на том основании, что он служил в автобате и знает только гипоидную смазку. А одна симпатичная и кокетливая особа, женского, женского пола, могла мило осведомиться, указав на значок интеграла на доске: – Что – то не помню, как этот крючочек называли? Её подружка вообще обосновала свое присутствие в вузе возможностью ездить из дома до места учебы по одной линии метро без пересадки. Удобно, понимаешь. И точка.

По воскресеньям, во очищение от скверны субботних дискотек и сопутствующих им явлений, а именно – пьянства и прелюбодеяния, мы играли в футбол. Некое подобие стадиончика лежало прямо под окнами жилой нашей башни

о полутора десятках этажей. Старина Шынк выходил на поле в квадратных очертаний зимней кепке с опущенными ушами. В таком виде он напоминал пленного немецкого солдата под Сталинградом. Особенно по прошествии некоторого времени, проведенного на морозе, когда его лик уже испытывал приличное воздействие гнилой питерской зимы и щеки становились откровенно лиловыми. Шынк все время пытался повесить свечу, как можно выше, а в какую сторону, для него значения не имело. Выглядело это совершенно по – идиотски, поскольку Музя, носивший постоянные очки, как назло, просто обожал играть головой, и бросался принимать очередную шынковскую свечку, лихорадочно сдергивая с носа свои окуляры. Не мудрено, что частенько Музя и мяч удалялись по расходящимся траекториям, так и не встретившись. Купался, к слову, Музя тоже в очках, не фиксируя беспечно дужки вторых глаз резинкой на затылке. Однажды, когда мы были на практике в небольшом дальневосточном городке, он утопил свою оптику в Амуре. Отметился все – таки. «Когда губа у вас не дура, лежат очки на дне Амура!», – изрек я по этому поводу. Бред конечно. Но тем не менее точная, сонетная рифма присутствует.

Нашими с Нырйичем наставницами – напарницами во время второй технологической практики оказались две вполне достойные внимания девчонки, лет двадцати. Работа нам досталась нехитрая, окраска мелких плоских деталей

методом окунания, однако наставницы, весьма оригинально и несколько двусмысленно пояснили, что и здесь имеются профессиональные хитрости, озвучив правило: «Не стряхивай, а то и залететь недолго. Брак это преступление». Двусмысленность неприкурыто выпирала в мудрой сентенции, однако нам, собственно, она была до лампочки. На второй практике, уже перейдя на пятый курс, мы могли заводчан с их предложением потрудиться в качестве работяг, с полным правом послать на все три советских, мол, «Положение...» изучили, поэтому определяйте для изучения работы ИТР в соответствующие подразделения. Но, во – первых, на заводе по- человечески попросили помочь, всего пару – тройку недель, больше для страховки, а во – вторых, нам самим в каком-то пыльном конструкторском или технологическом бюро сидеть не особенно хотелось. И мы не стали ломаться. А познакомившись с Лариской и Надюхой, и вовсе приободрились. Да и было от чего: девчонки – стройняшки, на личико – милашки, нахальные конечно, но именно такие нам и нравились об те поры. «Как много девушек хороших, но тянет что – то на плохих». До сей поры, признаться, тянет. Никакие на самом деле они были не плохие, но, что интересно, к нам отнеслись со снисхождением. На первом же перекуре Надежда с видом абсолютного превосходства заявила, что все студиозы – тепличные существа, любой заводской чувак даст им фору и в работе, и в прочей жизни, включая дела альковные, словом мы – слабаки крупноголовые. И вновь

проверила нас очередными шутками – прибаутками. Выглядело это приблизительно так:

– Лорка, я тут с парнями закончу, а ты сбегай до буфета, булок или пирожков прихвати. Скоро время чай пить.

Подружка уходит, мы трудимся, перебрасываясь короткими репликами исключительно по делу, потом Надюха смотрит на часы и, расстегнув на халатике две верхних пуговицы, томно так потягиваясь, произносит не глядя на нас:

– Что – то подруга...мать, не идет, ни рефрена, ни туда, ни сюда, наверное застряла накрепко в дыре какой – нибудь. Надо бы сходить за ней, найти, да и продёрнуть прямо на месте, как следует, чтобы пирожки в дороге не стухли. Сходите, парни, кто хочет. А мы тут пока со вторым кавалером стол накроем. Да и жарко стало.

С этими словами она весьма грациозно стягивает платок с головы, ну и конечно, русые густые волосы эффектно рассыпаются по плечам. Нырнич, хитро ухмыльнувшись, уходит искать и подергивать Лору. Мы с Надеждой идем в чайную, готовить плацдарм для чаепития.

– Кстати, приятель, а ты уже дальневосточник? – Надя прикуривает две «Стюардессы» и протягивает одну из них мне, словно я об этом просил.

– Ну, нет наверное. Вот вернусь в Питер, тогда уж, – я сделал первую глубокую затяжку, удивляясь, насколько во время моя спутница устроила перекур.

– Фемерню ты несешь, миленький. Одно слово – сту-

дент. Запомни, дальневосточник тот, кто с нанайкой переспал. Не приходилось.? Так не теряйся. Мотанись через речку в Вознесенье. Там кралю косенькую снимешь, самогоночки купишь, рыбешки с душком. На берег выползаете и поехали... А то останешься питерцем срамным, курям на смех. А так поперечный секс и в дамки.

– Поперечный? Это как?

– Потом объясню. Короче, крест на крест, ой, да слушай... Чайник пойдй налей. Знаешь где?

– Знаю. Сейчас, – я сливаю остатки холодного кипятка из чайника в графин на подоконнике и, выходя из комнаты, спрашиваю: – Слушай, красавица, а ты, часом не нанайка? По- моему так вполне... Может действительно объяснишь?

– А что, может и объясню. Там посмотрим. В смысле – вечером поглядим. Завтра —

суббота. Короче, в восемь вечера на пляже у лодочной. Сысься за водой, щас пирожки прискачут...

Годом раньше, на проходной механического цеха одного из питерских заводов, совсем молодой еще мастер, наверняка недавний выпускник нашего же вуза, радостно возвестил нам, практикантам: «Итак, коллеги, вы прибыли на самое мерзкое, опасное и старейшее предприятие города трех революций. С чем вас и поздравляю. Но мы вам безгранично рады, ибо кадры решают все. А главное, в стенах этого в свою очередь старейшего на заводе цеха, вы раз и навсегда

поймете, что слово интеллигент происходит от слова телега. И как было спето однажды: «Вся жизнь телега, я еду в ней». Я свидетельствую, что наш товарищ мастер не соврал ни в одном слове. Целый месяц мы увлеченно катали технические тележки, нагруженные заготовками, от станка к станку, ложементов для укладки не хватало, скользкие от смазочно – охлаждающей жидкости заготовки норовили то и дело рухнуть на не менее скользкий пол, словом, увлекательная штука – ручная транспортировка. Но самые несчастные из нас именно к станкам и были определены, а это все равно, что на цепь посадить. Шибко не побегаешь. Установил заготовку, снял заготовку. От забора и до обеда. От обеда и до забора. Ноги каменели через час. Невольно думалось, а как же те, кто всю жизнь у станка простоял? А вот так, ребятки. Вот так. Тетеньке тридцати еще нет, а ноги, точно у старухи, такими варикозными узлами обвязаны, любо дорого смотреть. Автора «Демона», «Пана» и «Царевны – лебеди» впору призывать – запечатлел бы лучше любого фото, как раз с его техникой такое рисовать. А ты, будущий инженер, командир производства, забудь индукцию и дедукцию, и выдавай стране готовую продукцию. Все верно. Ничего страшного, доложу я вам. Лишь бы не было войны. И это вполне серьёзно. С подобными вещами шутить не след. У нас – особенно.

За плечами у белобрысого и до черноты загорелого мальчишки лет десяти болтался на проволочных импровизиро-

ванных ляжках пустой корпус пенного огнетушителя без крышки. Держась за проволочные дужки исцарапанными худыми ручонками, пацан выписывал сложные кривые, то спускаясь, то вновь поднимаясь по ступенькам, ведущим к входу в заводское общежитие. При этом ребяенок что – то самозабвенно выкрикивал, но во что именно, мы не разобрали. – Малыш, ты кто? – спросил его Ныряич, когда пацаненок, умаявшись видно, вдруг прервал движение и тут же буквально рухнул на ступеньку, даже не глянув, куда конкретно приземляется. Оглядев нас, паренек радостно и приветливо провозгласил: – Я – космонавт! Мы только вздохнули, как по команде. Космический путешественник был задохлик и оборвыш. – Ладно, космонавт, ты здесь живешь? – Ныряич потрепал мальчишку по головенке, и получив утвердительный ответ, вновь спросил: – А есть-то хочешь? Есть пацан хотел. Кивал он так, будто сидя кланялся. – Тогда давай с нами, показывай сначала дорогу, где тут комендант, а потом пойдем чай пить, – Ныряич и космонавт, наотрез отказавшийся снять свой заплечный аксессуар, держась за руки, зашагали вверх по лестнице. Мы двинулись следом.

Вадик, так звали нашего нового знакомца, оказался ребятёнком общительным, осведомленным и шустрым. Сидя за столом и поглощая с удивительной скоростью выставленные нами на стол припасы: шпроты, хлеб с маслом, остатки колбасы и сыра, кекс с изюмом, он успевал прихлебывать чай и заочно знакомить нас с устройством его родного горо-

да и многоэтажного жилища. И довольно быстро растолковал нам, что в общаге кто только не живет: и девчонки холостые, и парни, и семейные, и даже менты. Но в основном люд рабочий плюс довольно приличный контингент постоянно прикомандированных к стройкам монтажников из соседних областей. В городе очень много этих, как их, а, абреков и западных хохлов, приехали сюда на заработки, а местные девки их на себе переженили, вот и шляются теперь джигиты и бандеровцы по улицам, детей в колясках катают. На мой вопрос, а кто такие бандеровцы, Вадик, помолчав несколько секунд, коротко бросил: – Я же говорю, хохлы западные, – и развел руками, удивленный моей непонятливостью. Далее мы узнали, что опасаясь самогонщиков, и в целях усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом, местные власти ограничили продажу сахара, и теперь в магазинах отпускают полкило в одни руки. Спиртное в городе продают три раза в неделю, с пяти до семи вечера, но только в одном магазине, менты приезжают, две машины ПМГ, а народу набивается ого-го, со всех окрестностей прут. В стекляхе витрины уже два раза толпа выносила. Но сейчас сварили загородку из толстых труб. Хорошо, что есть автоматы с газировкой, там сиропа много кладут, вода получается с виду, как квас. А еще вкусные булки делают на местном хлебозаводе. Повидла больше чем теста. А мяса, считай, нет, только камбала и палтус. И с картошкой напряженка, макароны и рис народ потребляет. Рыбу можно ловить, да с червями беда,

земля каменистая, не накопать хороших, пожирнее. Вадика можно было слушать бесконечно. Мальчишка, видимо почуяв благодарную аудиторию и плотно подзаправившись, был в ударе. Он не скрывал своего огорчения, когда его прервали. Чтобы парень шибко не расстраивался мы отдали ему кулечек с карамельками и, предложив заходить еще, напоследок спросили, а где же его папка – мамка. Оказалось, что отца Вадик не помнит, а мама толком ничего об этом не говорит, только рукой машет, уйди мол. Сама же работает на заводе крановщицей по сменам. Живут они здесь, в семейном крыле. Живут нормально, даже хорошо. А гулять мамка ему дает плохую одежду, а то он, Вадик, и новую быстро состарит. Мама хотела его к бабке на лето спровадить, в Эльвек, поселок такой не очень далеко, да он с тамошней братвой не ладит, дерется все время. За сим наш юный Вергилий удалился, бросив на прощанье, что мы еще увидимся. А никто и не сомневался. Времени было достаточно, а городок, что пятак. И захочешь, не разойдешься, не спрячешься.

Пляжная скамейка была наверно когда – то частью комля довольно крупного дерева. Только сверху, там, куда присаживались отдыхающие, имелся плоский спил на всю ее длину, отполированный седоками явно не за один – два сезона. Примерно до половины своего диаметра бревно уходило в песок. Я сидел на нем с краешку и курил, коротая время до часа randevu с наставницей Надеждой. Метрах в трех от меня, на покрывале, явно сдернутом с дивана в кварти-

ре, в томных позах расположились две подружки, девушки как девушки, обе светленькие, в общем ладные, поскольку молоденькие, не раскисшие еще, в купальниках одинакового кроя, только цветами разных, у одной красный, у другой синий. Девчата лежали, закрыв глаза, пытаясь урвать хоть малую толику уходящего на покой солнышка. Потом одна из них, в красном, приподнялась, села, порылась в холщовой сумке, стоявшей у ее ног, вытащив сигареты и спички. Закурила и вернулась исходное положение. Она глубоко затягивалась и, явно дурачась, шумно выпускала дым. Её подруга, не открывая глаз и не меняя позы, вдруг произнесла ленивым, чуть хриплым, голосом:

– Ж – а – анка... Эй, оставишь на пару тяг?

– Да иди ты на кукуй. – раздалось в ответ. – Вон пачка, целую возьми.

– Ну, Жа —а нка -а... Ну, не хочу я целую. Ну чего ты, как муракиска?.

– Да пошла ты в дрофу. – лениво протянула кутившая

– Ну, чего ты как муракиска – а – а...

Я притушил окурок о торец бревна, встал, отряхнул брюки и медленно побрел к лодочной станции. Сзади еще довольно долго слышался диалог подружек с рефреном: «Жа – анка, ну, чего ты, как мураки – и – ска?». Девчатам явно было хорошо и комфортно. Отстояли наверное смену стерженщицами на формовке или малярами в окрасочных кабинах или еще кем – то в этом роде и теперь расслабились. Беседу ве-

дут, светскую, неспешную, ни о чем. Лепота.

В день прибытия, не распаковав толком вещи, мы оказали местным дамам первую, и далеко не последнюю, надо сказать, услугу. Дело в том, что нашу веселенькую компанию поселили почему – то в женском, а точнее – девичьем, крыле общежития, где под становище для практикантов было выделено довольно обширное помещение с балконом на седьмом этаже. Бывший красный уголок, решили мы, обнаружив в комнате сваленные в угол атрибуты наглядной агитации и гипсовый бюст вождя мирового пролетариата в канонической кепке, чего нам и не хватало для полного счастья. В комнате стояли родные общажные кровати с панцирной сеткой, по пять в три ряда, и стол неизвестной конструкции, очевидно самодельный. Он напоминал большую коробку сработанную в основном из фанеры – десятки (где изготовитель столько её наковырял, интересно бы знать), имел внутреннюю полость приличной вместимости и столешницу, явно привнесенную извне волей мастера, создавшего сей шедевр. К тому же столешницу густо покрывали письма, выполненные в основном механическим способом. О содержании нацарапанного и распространяться не стану, все и так понятно. Ну, конечно же комсомольские и партийные лозунги, тезисы и призывы. Матерные? Да что вы? Конечно же матерные! Не апрельские же, прости Господи! Еще неизвестно, что хуже, говорить агитками кэпээсэшными или материться, ставя перед каждым словом артикль «фля».

Прекрасная половина местного человечества ждать себя долго не заставила. На исходе второго часа нашего пребывания в новом жилище раздался негромкий, но весьма уверенный стук в дверь, через мгновение отворившуюся без нашего приглашения войти. На пороге стояла пухленькая блондиночка среднего роста в светло-зеленом легком халатике с гитарой в руке. Была она не старше нас, даже чуть младше, скорее всего. Лицо – широкое как русское поле, глаза серые с зеленцой, то ли наивные, то ли хитроватые, пойдя, пойми сходу. Девушка шагнула через порог и неожиданно грудным голосом произнесла не делая пауз:

– Мальчики, привет. Меня зовут Светлана. Вы же из Ленинграда на практику? Давно приехали? Мы с девчатами вас уже заждались, а вот гитара барахлит. Не посмотрите, что с ней можно сотворить? Мальчики нестройно, но охотно и даже заинтересованно поздоровались в ответ, подтвердив свою принадлежность к северной столице. Ну, а гитару мы с Ныряичем забрали себе. Дело, собственно, было пустяковое. Струны поменять, порошки меж ладами наждаком слегка сточить, гриф поднять. И заиграет как миленькая, никуда не денется. О чем мы и сообщили Светлане, раскланявшись и обменявшись официальными представлениями с хозяйкой этой музыки. Узнав, в какой комнате Света обитает, мы договорились, что вечером навестим её с готовым к работе инструментом. – Хорошо, хорошо, мальчики. Тогда давайте в восемь, – Света вновь не делала пауз. – И вообще,

все приходите, кто захочет, у нас места хватит. А я девчонок еще позову, и девчонок много будет. Хоть с нормальными людьми пообщаемся наконец – то. А то сидим тут по норам, от местных спасу нет, достали. В общем, жду! Светлана, круто развернулась, вильнув статным бедром точно самбу или даже ламбаду танцевала, и выскочила в коридор.

Вот интересно, сколько по стране мы не мотались, всюду питерцев принимали прилично. А ежели с собой привозишь энное количество пачек «Беломора» табачной фабрики им. Урицкого №1, то цены тебе в провинции нет. Мы так и поступали. В складчину покупали папиросы, набивали рюкзак пачками, упакованными по 20 штук и схваченными бумажной лентой – хомутом, и в путь. Прибыв на место нужно было только дождаться сакраментального вопроса. Мол, вы откуда ребята? И далее: – Ах, из Питера? А «Беломор» у вас есть? Мы щедро раздавали новым знакомым папиросы, не продавали, упаси Боже, а именно дарили, и первичный позитивный контакт нам был обеспечен. И следует учесть, что мы не подлизывались, не стелились угодливо, а лишь поддерживали высокое реноме представителей города на Неве, доброжелательных и правильно воспитанных, если угодно. В ответ на нас щедро обрушивалось местное гостеприимство в виде разнообразных застолий, пикничков, рыбалок и прочих турпоходов, а также жаркой любви местных донн и сеньорит.

Вечер знакомства получился не просто удачным, но триумфальным, ибо совершенно органично перешел в ночь, ко-

торая, в свою очередь, вдруг стала утром, когда участниками действия и был взят тайм – аут. Он оказался совсем коротким, наши няяды и нимфы работали посменно, у половины из них была уйма свободного времени, а мы и вовсе не спешили, практика начиналась в понедельник, дожить до коего можно было только одолев наступивший уик – энд. Мы с Виталькой, хоть и пели по очереди, но, один черт, осипли, и на следующий день подверглись атаке заботливых пассий, пытавшихся напичкать нас теплым молоком, медом и отварами – настоями неких целебных местных трав. Вообще, девчонки как с цепи сорвались. То ли это был синдром запоздалой игры в дочки – матери (так и хочется добавить – на деньги... да простят меня наши Дульсинеи), то ли они уже окончательно и бесповоротно созрели для семейной жизни, и выплескивали свою энергию и способности на нас. Если честно, мы почти не сопротивлялись. Кроме всего прочего, это было интересно и даже в новинку. Сидишь себе вечером, режешься с парнями в «Кинга», как вдруг влетает та же Светка и так это обиженно – возмущенно: – Мальчики! Ну, сколько вас еще звать? Ну, рыба же остынет! Пошли ужинать! В ответ кто ни будь из нас традиционно осведомлялся: – И водка степлится? И мы бросали карты. Или, например, сходили мы с парнями с утра на рыбалку, не так, чтобы очень, но натащали прилично «коней», местной усатой и костистой рыбешки, на уху, и еще так, кое – чего на жарёху, словом обед и ужин обеспечили на приличное количество персон. В общаге ры-

бу сдаем девчатам, вызвав у них плохо скрывае́мый восторг, мужики добычу принесли! Смотрим, заалели наши хозяйш-ки ровно маков цвет, и захлопотали, да так споро, что только диву даешься, сколько в них сил и желания. Вот тебе и жизнь наладилась. Отменный вечерок организовался в итоге. Разве плохо? Хорошо. Воистину дочки – матери. Только все игры хороши, пока играешь в них не совсем всерьез. Это потом начинается... Тогда же все было легко и просто. А как девчонки наши рыдали при прощании! Не в три, в тридцать ручьев, словно на войну провожали.

Стелла и выглядела загадочно и вела себя неординарно, и даже фамилия у нее была наособицу – Карская. То ли от крепости закавказской знаменитой, то ли от моря заполярного, не разберешь.. Я – то, ладно, привычный к самым неожиданным фамилиям – именам. С самого раннего детства, сколь себя помню, отирался в интернациональных компаниях. И во дворе, и в школе, что впрочем почти не различалось, ибо учился я в одном классе с соседями по дому и товарищами по двору. Боже, кого у нас только не было! Армен Хачатрян, Паата Будукури, Вася Вербей, Вова Друй, Света Кефнер, Ира Ганана, Изет Бешманбетов, Ваня Пишкун, Игорь Гоголей... (Во, Заполярье родимое, всех приняло – обогрело, коли в живых оставило.) Поэтому при знакомстве я воспринял величание Стеллы спокойно, если не равнодушно. Сходу было ясно, девчушка с прибабахом, мне такие никогда не нравились. Я сам, что называется, с придурью, у ме-

ня этого добра навалом, даже поделиться могу не то, что со стороны занимать. Это вон Музя при виде местной дивы потерял не только дар речи, но и способность двигаться. Стоял с отвалившейся до груди нижней челюстью, пока Виталик его не толкнул меж лопаток

– хорош пялиться, ступай себе с Богом. Да, каре платиновой блондинки в сочетании с мини – юбкой и высоким каблуком, (плюс нога, ребята, доложу я вам, – бедро штатное, даже лучше, высший класс), произвели в сознании бедного Музи необратимые изменения амурного характера. Вдобавок Стелла ловко повела разговор, кое – как завязанный – таки с новоявленным обожателем, и в две фразы перескочила на излюбленную тему эзотерики и прочей мистической лабуды, чем окончательно сразила нашего отставного штангиста. Музя окончательно и бесповоротно уверовал в интеллектуальное превосходство прекрасной дамы и, как это частенько случается в подобных случаях, накрепко сбрендил на почве любовных фантазий. Несколько дней он ходил, точно пыльным мешком из – за угла огретый, почти не разговаривал, на наши вопросы, мол, в чем, собственно, дело, отвечал односложно, либо вообще их игнорировал. Мало того, он начал за Стеллой ухаживать, несколько раз встречал её с работы, она была контролером ОТК на заводе, покупал цветы... Словом – накатило. Мы уже прозвали несчастного сектантом, поскольку он набравшись от пассии неких фантазмагорий, довольно косноязычно пытался излагать их вслух,

и к тому же стал таскать с собой повсюду потрепанную брошюрку с избитым названием, что – то вроде «О сущности непознанного». Для Музи подобное поведение было гибельным, не по нему, наивному приверженцу тяжелой атлетики в отставке, такие потрясения, парню что ни будь попроще для начала требовалось, а тут... Следовало придать отношениям влюбленного джигита и предмета его обожания более осязаемый, продуктивный характер. Мы озадачились было всерьез, но думали недолго. Решение лежало на поверхности. Не мудрствуя, но лукаво, втайне от Музи мы встретились со Стеллой.

– Мать, у тебя когда день рождения?

– Ой, ребята, а что? Вообще – то осенью, в сентябре.

– Смотри, Стеллка, мы недавно Виталика днюху отмеча-ли, так? А теперь надо для симметрии отпраздновать рожде-ние кого- то из ваших, местных. Ну, конечно же, из девчат, тех, кто с нами знаком. Мы Светика поспрашивали, а летних в компании не наблюдается. Выходит, ты – самый реальный кандидат. А так мы уедем и никого не поздравим из хозяек. А нам очень было бы сие поздравление приятно. И вам, вне всякого сомнения. Сделаем вид, что у тебя день варенья, на-пример, через недельку, точнее – в эту субботу.

– Э... я конечно не знаю, у меня планов особенных на вы-ходные не было,.. деньги найти нужно... и надо мне кое – что выяснить, можно ли заранее праздновать?

– Послушай, деньги не проблема. Расходы берем на себя,

мы шабашку сработали тут по случаю, есть деньги. А насчет празднования раннего, так и вовсе ерунда. Розыгрыш получается, ты же настоящий свой день не отменяешь. И не заранее его празднуешь. Мы же будем тебя поздравлять так, словно твой день рождения такого – то июля. Сечешь? Ну?

– Да я наверное не против. Мне только нужно в голове еще раз все ваши доводы прокрутить. Но вроде бы вы правы. Я согласна тогда... Скорее всего...

– Вот. Правильно. Готовься. В смысле – внешне и внутренне, физически и морально. Остальное – коза nostra. Что? Нет, никакая не коза и не козел тем паче, просто, в смысле – наше дело, по – итальянскому.

После этого мы, якобы по секрету, сообщили нашему Музе о грядущем торжестве. И намекнули, что если он выступит как надо, результат может быть самым ошеломляющим. Из местных наших товаров в курсе замысла была только моя, да – да, грешен, братие, не устоял, Светка – гитаристка. Остальным тоже решили сделать сюрприз. В связи с всесоюзной дурью антиалкогольного шабаша у нас в комнате, точнее – в нашем объемном столе уже вызревала брага в трехлитровых банках. Как только Вадик – космонавт сообщил о грабительской норме на продажу сахарного песка, нами были предприняты контрмеры, а именно систематическая закупка сырья по несколько раз в день в разных магазинах. На четвертые сутки нашего пребывания в столь проблемном городе мы осуществили так называемый замес и поставили

будущие нектар с амброзией вызревать. Погода благоприятствовала, а репрессий мы не боялись, ибо даже человек, знакомый с обстановкой не прорубил бы, что там в столе целая лаборатория. Предательский запах быстро выветривался через всегда открытые окна и балконную дверь. Да и потом, городская атмосфера оставляла желать лучшего, предприятий в округе хватало, их трубы дымили исправно и ароматы в воздухе носились разнообразные, абсолютно дезодорирующие бражный дух, и успех нашей затеи, таким образом, был обеспечен объективно и субъективно. И сомнений не вызывал. Музя купил в подарок предмету страсти пылкой какие-то немислимые духи и почему – то соломенную шляпу, нечто среднее между небольшим сомбреро и гигантским канотье. Наверное со Стеллой он переживал нечто вроде курортного романа. Опять – таки цветы. Букет наш Ромео словно сам накосил в оранжерее. Уматные хризантемы, похоже, нескольких видов, впрочем я не спец во флористике. Но впечатлял букетик, прежде всего размером.

Ну, что сказать вам насчет праздника? Он состоялся и вышел вполне удачным. Пришлось правда прибегать к помощи местного маломерного судна а виде катера, точнее лодки с мотором «Ветерок – 12», чтобы проехаться на правый берег Амура, к нанайцам, за самогоном. Пришлось выпить с продавцом, старым дедом – охотником, пришлось закусить национальным лакомством – подкисшей рыбкой с душиком. Ничего, справились и вернулись с победой, то есть с иско-

мым продуктом в нужном количестве, и уже никуда потом не бегали. После этого торжество запылало с новой силой. Вот только основная его цель в итоге так и не была достигнута. Однако после этого наш Музя стал относиться к Стелле гораздо спокойнее. Уж не знаю, что там между ними произошло или, наоборот, не произошло, они неоднократно долго уединялись на кухне, о чем-то говорили, Кузя несколько раз уносил туда рюмки и закусь на тарелке, возвращаясь с пустой посудой через некоторое время, словом, все, что не делается, все к лучшему. И никаких альковных продолжений. Они не по этому, видите ли, делу. Романтика? Несомненно. Сами судите: госпожа Стелла Карская, Хабаровский край, глаза – тарелки, желтые, кошачьи, платья – балахоны, брюки – бананы, но юбки – только рискованные мини, в купе с туфлями на шпильках, рост около метра семидесяти, в меру стройная, но не худенькая, нет, перспективная, и потому – нумерология, эзотерический бред на бытовые темы, сигареты «Столичные» в твердой пачке, кольца диаметром не менее восьмидесяти миллиметров в ушах, макияж – боевая раскраска, платиновое каре... контролер ОТК, дай Бог ей здоровья. Мечта штангиста – разрядника, получающего высшее техническое образование. Такая и должна оставаться мечтой. Наверное.

Стою это я в Хабаровске, в аэропорту, у билетных касс, в надежде на чудо в виде билетов на самолет куда ни будь за Урал, в смысле в Европу. Касса-то работает, а билетов по-

ка ноль. Местное время – пять утра. Мы торчим в аэропорту почти сутки. Мы уже провели увлекательную ночь на пункте междугородних телефонных переговоров. Я спал сидя, ко мне с одной стороны подсел некий офицер – летёха, также очевидно утомленный аэропортом, а с другой стороны юная особа, ожидавшая вызова для разговора с глухим камчатским поселком. Я заснул, а когда проснулся, то понял, что на голове у меня фуражка офицера, а голова девушки покоится на моем животе, в рискованной близости от моих же чресел, ибо я существенно сполз с сиденья во время сна, выпростав длиннющие свои ходули в проход почти до соседнего ряда кресел. Виталик при виде нашей скульптурной группы искренне залиvisto загоготал, переполошив остальных спящих. Потом пришла пора проявить активность в кассовом зале. Значит стою, дежурю. Надежда на успешный вылет самая призрачная. Но выстаиваю упрямо, авось повезет. Тут подходит к кассе мужик в штормовке, в одной руке паспортов штук пять, в другой – кассетник «Весна», в полсилы «Карнавал» лабаёт «По волнам моей памяти». Мужик рослый, в плечах – что надо, глаза веселые, с сумасшедшинкой, борода шкиперская светло – русая, волосы длинные кожаным ремешком схвачены вкруговую, как у русских мастеровых. Глянул он на меня утомленного, на морду мою постную, и в окошко кассиру, чуть пригнувшись: – На Москву билеты есть? Что? Ах, нет. А куда есть? Только на Улан – Удэ? Выпрямился на секунду, повертел головой, и вновь к окошеч-

ку наклонился: – Ну, давайте, пять билетов на Улан – Удэ, – и паспорта кассиру сунул. А потом выпрямился, посмотрел на меня весело, улыбнулся и молвил: —

– Улан – Удэ так Улан – Удэ. Там мы еще не были.

В общежитии отключили электричество, точнее оно в очередной раз вырубилось само по себе. Как всегда неожиданно, хоть и глупо было ждать чего – то иного, когда в каждой комнате, если не самодельный, то покупной обогреватель пашет круглые сутки, такой нагрузки ни одна система электроснабжения не выдержит. Ну вырубилось и вырубилось, не в первый раз, собственно говоря. Однако... За полчаса до этого, Ша и Ежик чинно – благородно уселись играть в шахматы, имея на столе, кроме доски с фигурами, чайник и два стакана. В чайнике, заслуженном, закопченном, помятом, был налит отнюдь не чай, но портвейн с «Арарата», за коим Ша совсем недавно прогулялся по известному маршруту – строго на восток порядка восьмисот метров. Игроки наполняли стаканы и припадали к ним не реже, чем сделал очередной ход. Ежик как раз намеревался перевести партию в эндшпиль, как вдруг общежитие погрузилось во тьму. Крайне раздраженные таким поворотом дела друзья – соперники выкатились в коридор и, решив не ждать милости от ремонтных служб, деловито открыли дверцу распределительного щита, располагавшегося на стене напротив входа в кухню. Верховодил Ша, у которого действие почти всегда опережало мысль,

а вдумчивый, но и при свете дня не стопроцентно видевший без очков, Ежик выполнял функции консультанта – комментатора и осветителя, зажигавшего спичку за спичкой. Ша деловито копался в щитке:

– Так, посмотрим, чаго тут у них нахрэначано? Ага, вот этот правадок куда? Не, не сюда. А он чаго, атгарэл что ли?

– Да не отгорел он. – ответил Ежик, влезая в щиток всем лицом. – Оставь его. Он наверное не нужен, видишь, и скручен, и почти не зачищен, облмали наверное. Оставь. Автомат посмотри.

– Не – е, Ежи. Тута надо правэрыть. Наверное и з- за этого и гаснет постоянно. А может быть этот кончик на массу идет?

– Да какая, в гопу, масса! Оставь его, я тебе говорю.

– Да я попробую только, может он все – таки на массу....

И Ша решительно ткнул оголенным концом провода в металлическую дверцу щитка...

По словам Ежика он грохнулся на пол так, словно ему одновременно врезали кувалдой в лоб и отрубили ноги. В глазах у него еще часа два пылало ярко желтое пятно и, к тому же, неделю потом болел копчик, ушибленный при падении на пятую точку, от грохота и вспышки в результате осуществленного приятелем рокового коротыша. Однако Ша он и есть Ша, поэтому Ежик не обижался. Смысл? Играли вместе, выпивали вместе, в щиток полезли вдвоем, а кто там чем и куда ткнул – не суть важно. Живы главное. С Ша вообще как с гуся вода, ничегошеньки ему не сделалось, слава Бо-

гу. Он даже злосчастный провод из рук не выпустил. Партизан из Полесья, без всяких шуток и подковырок, неуязвим, непобедим и практически бессмертен. И это правильно, это справедливо. Хоть в таком безнадежном деле повезло.

На экзамене по сопромату у Боба из кармана выпала шпаргалка. Она валялась на полу, почти под партой. Но почти это, как известно, не совсем, поэтому доцент Паничев её и узрел. И конечно же попытался выдворить Боба из аудитории. Ага! Сейчас! Не тут – то было.

– Так, у вас шпаргалка, вы отстраняетесь от сдачи экзамена. Покиньте аудиторию.

– Никуда я не пойду. Во – первых, это не моя шпаргалка. Во – вторых, вы же не видели, что она выпала у меня из кармана или еще откуда – то. Никуда я не пойду и буду сдавать экзамен.

– Нет, не будете. Вы списали со шпаргалки, а надобно учить материал. Давайте, выходите. Все равно к сдаче я вас не допущу.

– Ну, не допустить вы меня не можете. У меня зачет сдан. Кроме вас есть еще профессор Крутов, он мой лектор, ему и решать. И потом, давайте посмотрим, что в шпаргалке, а что у меня в билете и что я на листе написал. И тогда посмотрим.

– Нечего смотреть. Поднимайте вашу шпаргалку с вашей мазней мелким почерком и уходите.

– Ничего поднимать я не стану. К тому, что у вас в аудитории на полу валяется, я не имею ни малейшего отношения, и поэтому- буду сдавать экзамен.

– Нет, не будете!

– Нет, буду. Вот увидите.

В это время в аудиторию вернулся профессор Крутов, заведующий кафедрой, читавший лекции у Боба на потоке. Он выслушал препирающихся и сам, с кряхтением, нагнулся за шпаргалкой. Развернув небольшой клочок тетрадного листка, профессор довольно долго знакомился с его содержанием, вчитываясь в текст, написанный очень мелким шрифтом, и даже шевеля при этом губами. Затем он небрежным жестом подхватил с парты экзаменационный билет и листок с ответами Боба. Едва глянув в них, Крутов огласил вердикт: «Так это действительно из другой оперы. Дайте ему дополнительную задачу и пусть сдает». Он направился к своему столу. Паничев засеменил рядом, что – то оживленно шепча профессору на ухо. Бедолага от волнения забыл, что даже орать в правое ухо Крутову было бесполезно. Он им ни черта не слышал. Была даже такая фишка, садиться на экзамене справа от завкафедрой, мол, пересесть он не станет просить, неловко, де, ему, а в глухое ухо дуди, что хочешь, все проскочит. Самое смешное, что бедолага Паничев, в свою очередь, плохо слышал левым ухом. И к нему старались подсесть слева. В общем, широта профессорской натуры возобладала над буквоедством подчиненного, Боб сдал

экзамен на «хорошо». А не надо пасовать и сдаваться. И воздастся вам.

На оперативку в заводском управлении капитального строительства собрались представители подрядчиков, участвующих в возведении очередного промышленного объекта. Нужно было подписать график работ, утрясти некоторые вопросы по обеспечению материалами и все такое прочее. Особенно сильно на этом высоком собрании выглядели двое из конторы «Промстроймет». Директор, Алексей Львович Чернецкий забыл захватить с собой очки и безрезультатно пялился в простыню графика, склеенную из двух листов формата А – 1. А его заместитель, Ваня Зяблик, не удосужился оснастить себя слуховым аппаратом, без которого был абсолютным глухарем. И смех и грех. Зам читал директору вслух, а тот, в свою очередь, общался с заказчиками. График в итоге они все – таки подписали, но обсуждение шло на уровне разговора вроде:

– Здравствуй, ты в баню?

– Да, нет. Я в баню.

– А – а – а. Ну, а я подумал, что ты в баню пошел.

Кстати, Боб имел мужество и признаваться в содеянном. Если уже не отвертеться. Сдавал он, например, доценту Савину экзамен по автоматизированным системам управления. О Савине по институту ходили следующие вирши:

Преподаватель Савин
Когда в штанах забавен.
Но без штанов, похоже,
Забавен Савин тоже.

Не знаю, чем было инспирировано сочинение такого четверостишия, поскольку Савин был препод, как препод. Не хуже и не лучше других. И не особо грозен. Возможно, конечно и срывался на кого – нибудь, доводили наверняка, без этого ведь не обходилось. Ну, так или иначе, а стишки гуляли за доцентом из года в год. Боб, вытащив билет, благополучно передрал ответы на вопросы с хорошо подготовленной «шпоры», которую потом сунул, свернув вчетверо, в нагрудный карман пиджака. И вызвался отвечать. Они с экзаменатором довольно мило пообщались по предмету, потом коснулись игры в регби, до которой оба, как выяснилось, были большие охотники, словом, все предвещало Бобу отличную сдачу. И тут Савин неожиданно оборвал на полуслове беседу и поинтересовался: – Ну, ладно, а что это у вас из кармашка торчит? Боб только глаза вниз скосил. Да, из нагрудного кармана предательски кокетливо, точно платок, выглядывала запретная бумаженция. – А это я списывал, Анатолий Алексеевич, – спокойно изрек Боб и вытащил листок на свет божий. За сим он покинул аудиторию, сопровождаемый напутствием Савина, явиться послезавтра и сдать экзамен честно – благородно.

На исходе семестра Нечи все – таки нашел в себе силы посетить лабораторию кафедры термодинамики и теплотехники. Он явился на занятия, увязавшись за нашей, у него – то была по расписанию лекция, а сроки уже более, чем поджимали, и Нечи решил форсировать отработку пропущенного учебного времени. Но прежде следовало доходчиво и внятно объяснить преподавателю причины своего длительного отсутствия. И тут Шура выступил во всей своей красе. Войдя в лабораторию, он решительно прошагал к преподавательскому столу и отпрапортовал.

– Студент Нечипайло. Явился для отработки лабораторных работ. Отсутствовал на занятиях по причине спортивной травмы, полученной в начале семестра на тренировочном сборе.

Я, если честно, обомлел. Не ожидал я подобного даже от Нечи. Надо же такое придумать! Доцент Артемьев, и это было видно невооруженным глазом, был озадачен не меньше. Он поднял глаза на стоящего почти по стойке смирно орясину и некоторое время мерил его взглядом, явно находясь в некотором замешательстве, что же этому наглецу ответить. Артемьев был мужиком довольно неплохим, не чуждым иронии и чувства юмора. вполне сносно относившимся к раздолбаям, коих ему приходилось просвещать. Разобравшись наконец с собственным смятением, он откинулся на спинку стула, барственным жестом водрузил на нос очки

в тонкой оправе, и спросил, смешав в голосе елей и ехидство:

– И каким же видом спорта, коллега, вы изволите столь серьезно заниматься?

Нечи помялся немного и потупив взор скромно произнес:

– Ну, это довольно редкий вид спорта... – и умолк.

– Так все же какой? Уж сделайте одолжение, просветите профана. – Артемьев попытался заглянуть спортсмену в глаза, и его бородка а – ля «всесоюзный староста М. И. Калинин» была нацелена на прогульщика острием клинышка, точно наконечник копья.

– Спорт редкий, элитный... Авиамодельный. – выпалил Нечи, вновь устремив на вопрошавшего почти детский незамутненный взгляд. Мы оцепенели. В жизни никто из нас ничего подобного не придумал бы! Из каких глубин сознания или подсознания вытащил братан эту бредятину?

– И что же? – озадаченно спросил Артемьев. – В данном виде спорта такие тяжелые травмы случаются? Что конкретно с вами произошло?

– Да вот, корда оборвалась и модель в голову прямо спикировала. В больницу пришлось лечь. – Нечи коснулся рукой волос в районе темечка. – Теперь догонять по учёбе придется. Справку в деканат отдал.

Никакой справки, понятно, у него не было и быть не могло. Но наглость, без вариантов, второе счастье. Доцент был настолько ошарашен экстравагантным объяснением, что просто указал Нечи на свободное место, добавив, что о гра-

фике отработки они побеседуют после занятия.

Порой Ежи, чувак дотошный и скрупулезный, ополчался докопать заслуженного авиамоделиста каким – нибудь каверзным вопросом, заранее зная ответ и тому имея печатные свидетельства. Однажды он подошел к Нечи держа в руках заложённый пальцем на нужной странице некий справочник и с не без сладенького яда в голосе спросил, мол, а сколько, ты думаешь, старик, стоило американцам изготовление артиллерийского линкора типа «Айова»? Нечи, куривший на кухне у окна, выдержал паузу, многозначительно затянулся парпироской, глянул в окно, и свысока так, одновременно с репликой выпускающая дум, обронил, мол, столько – то миллиардов «ихних» зеленых рублей. Ежи в свою очередь ехидно осклабился и даже чуть поклонился в сторону Нечи от предвкушения его фиаско. После чсего озвучил, согласно данным справочника, совершенно иную сумму, и рядом не стоящую с ответом знатока – эксперта. Нечи постоял немного молча, вновь побуравил взглядом оконное стекло, а потом, не прерывая созерцания зимней питерской окраины, произнес поистине академическую фразу: «Ну, это они созвездели. Поспешили. Поэтому и ошиблись». И ушел, оставив оторопевшего Ежи в полной прострации.

Ирина Владимировна Красина, импозантная, миловидная, статная дама бальзаковского возраста начала лекцию по материаловедению с выяснения причин отсутствия неко-

торых студентов на её занятиях. Не минула чаша сия и меня:

– Вот вы, молодой человек, отчего – то по вторникам всегда на лекциях присутствуете, а по субботам вас нет, как нет. В чем проблема?

– Понимаете, Ирина Владимировна, – начал я, вставая, и, утвердившись во весь рост, с неопикуемой наглостью продолжил, – В субботу у нас материаловедение первой парой, а мне, уж извините, никак не проснуться вовремя. Сплю я, нет сил разомкнуть объятия Морфея. Однако моя откровенная бравада не произвели на Красину ни малейшего впечатления.

– А экзамен проспять не боитесь? – неожиданно вяло поинтересовалась она

– Нет, что вы. Даст Бог, экзамен придется на вторник.

Ирина Владимировна только махнула рукой в мою сторону и я сел на место. Разбор полетов, тем временем, продолжался. Наша дива была явно не в форме, то ли утомилась к концу дня, то ли ещё что. Вскоре она назвала еще одну фамилию, на что Ныряич, не мудрствуя лукаво, улыбаясь во весь рот, громогласно провозгласил, чуть приподнявшись над стулом:

– Ирина Владимировна, а мы с ним, – он указал на меня, – спим вместе! Ну, в смысле живем в одной комнате. – последнюю фразу Ныряича никто не услышал, ибо поток грохнул и зашелся смехом в единый миг, словно по команде. Доцент Красина постояла спокойно, потом, покачав головой, осна-

щенной пышной прической, присела за свой стол, поджидая пока утихнет гвалт. Её инертность была, наверное, самым правильным выходом из данной ситуации.

– Нечипайло, вы посещаете вторую мою лекцию Где вы пропадали весь семестр?

Нечи встал и укоризненно посмотрел на преподавателя.

– Ирина Владимировна. Мне неудобно при всех повторять, я же на прошлом занятии вам все объяснил. Извините, что напоминать приходится. Но мне, право, неловко...

Он как-то горестно ухмыльнулся и развел руками. Краси-на оторопело посмотрела на него и вдруг откровенно смутилась, даже краска щеки тронула.

– Извините, Нечипайло... Д а- да.. я помню – помню.. Ну, вы хоть конспект восстановите. Садитесь, садитесь. Все. Давайте начнем лекцию.

Нечи опять выкрутился. Ничего он, конечно же, никому не объяснял, и с прошлой лекции свалил после первого часа. Но смелость города берет. А если кто – то не в силах разобраться в душе истинного артиста, то извините. Это не наши проблемы. Главное —

результат. Так, собственно, нас и учили.

Я курил в коридоре, сидя на корточках, спиной к стене, в паре метров от своей комнаты. В кухне, судя по доносящейся разноголосице, и без меня народу хватало. Бухарин там, Чушка это точно, приволокся со своего семейного

этажа с утра пораньше, точно хочет с Микитой поганку завернуть... Ага, Челентано с Лордовичем заявили, Клепа, Джон. О – о – о, кого я слышу! Сам Серж – гнилофан приволокся. Об чем базар, пацаны?

– Да я это, говорю, вон у Микиты болт такой длиннющий, что резьбы на слонику хватит. Он, когда на унитазе сидит, болтярой воду потянуть может, серьезно, как хоботом. А одной подруге как втер, та и чики – брики, по самые не могу. Вся уделалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.